

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства"
(ПГУАС)

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Пенза 2014

УДК 801.1, 801.7
ББК [81.2 Рус- 5+81.2 Англ- 5]: 88
Г85

Рецензенты: кандидат филологических наук
Ю.А. Дидык (ПГУ);
кандидат филологических наук,
доцент В.С. Горбунова (ПГУАС)

Гринцова О.В.

Г85   **Функционирование речевых манипуляций в англоязычной и
русскоязычной лингвокультурах: моногр. / О.В. Гринцова,
С.О. Гуляйкина, Е.Г. Стешина. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 124 с.
ISBN 978-5-9282-1096-0**

Рассматриваются вопросы функционирования вербальных манипуляций в аспекте сопоставления английской и русской языковых культур. Анализ материала позволил выявить варианты и инвариантные характеристики межличностных манипуляций, обусловленные национальным своеобразием сравниваемых языков.

Полученный паспорт стилистических средств, способствующих оказанию психологического воздействия на собеседника, может быть использован на практических занятиях по теории языка и переводоведения.

Монография подготовлена на кафедре иностранных языков и предназначена студентам, изучающим дисциплину русский язык и культура речи по направлениям подготовки 08.03.01 «Строительство» и 38.03.02 «Менеджмент», а также работникам образования, аспирантам, студентам, обучающимся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», преподавателям вузов.

ISBN 978-5-9282-1096-0

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2014

© Гринцова О.В., Гуляйкина С.О.,
Стешина Е.Г., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития языкознания, как и ряда других гуманитарных наук, ориентирован на деятельность человека в окружающем его мире. На первый план выходит проблема речевого взаимодействия людей. Вопрос о функционировании языка неразрывно связан с проблемой речевого воздействия, что, в свою очередь, предполагает обращение к целому комплексу проблем – к говорящему субъекту, адресату, к их взаимодействию в определённой коммуникативной ситуации. Наибольшее освещение в последние годы получило такое явление межличностного речевого воздействия, как манипуляция.

Некоторые аспекты языковой манипуляции как составной части манипулирования людьми уже получили своё отражение в научной литературе. Так, манипулятивное воздействие широко обсуждается в рамках межличностной и массовой коммуникации. Данным направлениям посвятили свои работы М.Р.Битянова, А.Б.Добрович, Г.А.Ковалёв, В.Н.Куницына, Д.Майерс, С.Г.Кара-Мурза, Г.Г.Почепцов, Г.Шиллер и многие другие. В работах Т.М.Николаевой, Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелёва описываются способы и приёмы «лингводемагогии» с целью оказания психологического воздействия. Изучению речевых манипуляций как способа оказания воздействия на человека свои работы посвятили такие авторы, как А.Н.Баранов, Е.Л.Доценко, Н.В.Глаголев, Н.А.Купина, Л.Л.Фёдорова, М.Ю.Федосюк, С.Хассен и другие.

Активное развитие межкультурных связей и сотрудничества приводит к необходимости изучения культурологических особенностей функционирования тех или иных компонентов в речевых манипуляциях. В связи с этим перед лингвистами и психолингвистами встаёт задача исследования языковых средств, используемых манипулятором с целью воздействия на адресата, не только в какой-то одной лингвокультуре, но также в её сопоставлении с манипулятивными средствами других лингвокультур. В свете вышесказанного, полагаем, что постоянное внимание учёных к проблеме языкового выражения манипуляций с одной стороны и недостаточная изученность лингвокультурологических особенностей функционирования речевых манипуляций с другой стороны определяют своевременность данной работы.

В качестве иллюстративного материала авторами предлагаются речевые контексты из английских и русских народных сказок, содержащие манипулятивное воздействие одного персонажа на другого. Сказка, как произведение народного характера, в первую очередь, отражает

социальные устои того народа (общества), который является её творцом, а потому отражённые в ней манипуляции персонажей (как в английских, так и русских народных сказках) свидетельствуют о типичных характеристиках явления манипуляции – неотъемлемой черты любого социума. Особое внимание уделяется инвариантным и вариативным компонентам языковых средств фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, семасиологического уровней, используемых персонажами в английских и русских народных сказках в манипулятивных целях.

Под инвариантностью, согласно философским словарям, нами понимается неизменяющиеся характеристики той или иной системы, свойства некоторых существенных для системы соотношений не меняться при её определённых преобразованиях, отражая неизменное и постоянное в однородных системах. По вариативностью (от лат. «вариабельность») понимаем изменчивость, непостоянство тех или иных структур или характеристик. Манипулятивное воздействие одного персонажа сказки на другого, независимо от языка, на котором говорит данный персонаж, обладает некими инвариантными характеристиками, к которым следует отнести в первую очередь большую степень экспрессивности речи манипулятора – сравнительно с речью объекта манипуляции, а также задействованность персонажами – при осуществлении манипуляций – различных ярусов языка, среди которых синтаксический языковой ярус играет первостепенную роль. В то же самое время язык, на котором говорит персонаж, не может не влиять на речевое выражение данной манипуляции, что и обеспечивает вариативность тех или иных речевых манипуляций.

Структура предлагаемой работы обусловлена рамками субстратного подхода, предложенного А.А. Гагаевым [Гагаев 1991: 10-15] и позднее «переведённого» на язык лингвистики А.В. Пузырёвым, который предполагает рассмотрение любого языкового явления через призму тетрахотомии «мышление – язык – речь – коммуникация» [Пузырёв 1995: 25].

На уровне мышления – уровне полагающей рефлексии – изучаются основания предмета, в нашей работе – определённые социально-психологические предпосылки использования манипуляций, поскольку на этом уровне предполагается обращение к проблемам не только языкового, но и метаязыкового мышления.

На уровне языка – основном детерминирующем уровне – исследователь выявляет сущность изучаемого предмета. На данном уровне манипуляция выступает как такое средство языка, сущность которого состоит в обеспечении скрытого возбуждения у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и, в результате, приводящего к получению субъектом манипуляции какого-то одностороннего выигрыша (житейского или психологического характера).

Исследование вербальных манипуляций на уровне речи предполагает использование известных методов лингвистических исследований: метод стилистического анализа, описательный метод, сравнительный метод, метод сопоставительного анализа, метод интерпретации текста и др.

На уровне коммуникации явление манипуляции рассматривается как уникально-неповторимое сочетание факторов интра- и экстралингвистического характера. Учитывая то, что на уровне коммуникации мышление, язык и речь выступают в их единстве, исследователь должен обратить внимание на уникально-неповторимые характеристики общения участников манипуляции, на специфику проявления в этом общении тех или иных манипулятивных средств. Априори ясно, что анализ манипуляций на уровне коммуникации не может не быть чрезвычайно подробным и должен демонстрировать «штучный характер» такого подхода.

Исходным теоретическим моментом для нас стало принципиально важное суждение В.А.Звегинцева: «Другая двойственность объекта лингвистики (первой двухмерностью лингвистического объекта В.А.Звегинцев называет *язык и речь*) проходит по иному сечению – она разграничивает язык и языки. Эта двойственность не породила столько споров, рассуждений и теоретических размышлений, как первая, она казалась настолько сама собой разумеющейся, что её не замечали ранее и часто продолжают не замечать и ныне. Между тем ориентация на язык или на языки определяет многое: не только сам объект, но и методы изучения, и цели изучения, и теоретические предпосылки изучения, и недоучёт этого часто приводил и продолжает приводить к тяжким недоразумениям, недопониманиям и смешениям разных планов» [Звегинцев 1996: 317-318].

1. ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ

§ 1. Манипуляция как вид психологического воздействия

1.1. Исходная терминология

Конец XX – начало XXI столетия в России отмечен переходом на принципиально новый тип отношений как в экономико-политической, так и в социальной сфере. Средства массовой информации изобилуют сообщениями о человеке как о личности, чьи индивидуальные и неповторимые черты выносятся на первый план. В наш обиход вошли такие слова как «частная собственность», «частный предприниматель», «индивидуальная частная деятельность» и другие, которые часто употребляются нами с целью подчеркнуть уникальность любого члена нашего общества. Однако в условиях рыночных отношений, сложившихся в России сегодня, человек, воспринимающий себя как личность особую, все чаще рассматривает другого как некий товар или вещь, владелец которой может распоряжаться ею по своему усмотрению. Невозможность прямого превращения человека в вещь заставляет искать другие способы управления им, точнее, его сознанием. Таким способом управления человеком является манипуляция, особый вид психологического воздействия.

В общенаучном плане манипулирование следует рассматривать как одну из универсальных характеристик любого человеческого социума (общества). По словам С.Г.Кара-Мурзы, человек – существо глубоко социальное, которое «возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием» [Кара-Мурза 2001: 11]. Как известно, процесс взаимодействия людей предполагает оказание ими определённого воздействия друг на друга. Мишенями подобного воздействия являются прежде всего психологические характеристики личности, в связи с чем, определяя манипуляцию как один из видов воздействия на личность, мы говорим о психологическом воздействии.

Под *психологическим воздействием* понимаем «изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счёт использования психологических, социально-психологических закономерностей» [Куницына 2001: 491]. Одним из проявлений психологического воздействия может считаться акт общения, рассматриваемый под углом зрения его направленности на тот или иной запланированный эффект. Именно вербальное психологическое воздействие составляет сущность рассматриваемой нами манипуляции как одной из характеристик современного общества и общества вообще, что нашло своё

отражение в произведениях народного творчества, созданных не одно столетие назад.

В научной литературе существует множество определений термина *манипуляция*. Так, например, в технических отраслях науки под *манипуляцией* понимаются искусные действия с рычагами, производимые руками (от лат. *manus* – рука), в медицине *манипуляцией* называется освидетельствование, осмотр человеческого тела с помощью рук. Большой толковый словарь русского языка предлагает определение данному термину в двух значениях: основном и переносном. В прямом значении *манипуляция* означает «сложный приём, сложные действия над чем-либо при работе руками, совершаемые с какой-либо целью» [БТСРЯ 1998: 519]. В переносном, метафоричном значении *манипуляция* трактуется как «способ, приём, действие, служащее для достижения каких-либо целей путём представления кого-либо, чего-либо в искажённом виде» [БТСРЯ 1998: 519].

В социальном контексте понятие *манипуляция* приобрело не прямое, переносное значение: приём или действие, совершаемое человеком (или группой лиц) над другим человеком (или группой лиц), которое не предполагает физического контакта. Политологи рассматривают *манипуляцию* как «акт воздействия на людей или управление ими, чаще всего скрытое управление» [Полетаева 2001: 61]. Известный российский политолог С.Г. Кара-Мурза, автор книги «Манипуляция сознанием в России сегодня», даёт следующее определение термину: «Манипуляция – это способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [Кара-Мурза 2001: 19].

Первые попытки дать научное определение термину были предприняты западными учёными, в этой связи считаем целесообразным обратиться к зарубежным изданиям. По словам С.Г. Кара-Мурзы, Оксфордский словарь английского языка трактует *манипуляцию* как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка» [Кара-Мурза 2001: 12]. Ряд авторов (Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза и др.) посвятивших свои работы явлению манипуляции, ссылаются на определение, данное «Современным словарём социологии». Изданный в 1969 году в Нью-Йорке, словарь определяет *манипуляцию* как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое он от них ожидает».

В психологических исследованиях термин *манипуляция* получил ряд более или менее полных трактовок, определяющих манипулирование личностью как вид духовного воздействия, господства или преобладания, некое программирование действий другого, пренебрежение к собственному «Я» собеседника, общение, позволяющее выигрывать.

Наиболее подробный, на наш взгляд, анализ психологических определений *манипуляции* проведён Е.Л.Доценко, в ходе которого он выделяет следующие характерные черты манипуляции: «1) родовой признак – психологическое воздействие, 2) отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей, 3) стремление получить односторонний выигрыш, 4) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленность), 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях <...> 6) побуждение, мотивационное привнесение и 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий» [Доценко 2000: 58].

Попутно заметим, что в лингвистическом плане термин *манипуляция* используется не в прямом и не в переносном значении, а в значении с потухшей образностью: «образ» руки (*manus*), управляющей поведением объекта манипуляции, скрыто присутствует в любом манипулятивном акте.

В целом соглашаясь с Е.Л.Доценко, отметим также негативный (деструктивный) характер манипуляции в качестве одного из характерных признаков. Разрушительность результатов манипулятивного воздействия неизбежна, так как в своей основе манипуляция имеет деструктивное намерение – использовать человека как средство достижения поставленной цели. Манипулятор, по словам А.В.Пузырёва, ставит своей целью достижение «того или иного блага, той или иной житейской выгоды за счёт кого-то Другого» [Пузырёв 1999: 133]. Получение материальной или житейской выгоды представляется вполне понятным: жертва манипуляции или терпит убыток, или выполняет определённые действия без какой бы то ни было пользы для себя. Но не менее – скорее, более – разрушителен и нематериальный, психологический проигрыш.

Психологическая выгода, «с точки зрения манипулятора, заключается в том, чтобы надёжно пристроиться к партнёру «сверху» и иметь возможность безнаказанно наносить ему «уколы». Общение, изначально ориентированное на такого рода выигрыш, будем называть «манипуляцией» [Добрович 1987: 95-96]. В.П.Шейнов также отмечает наличие одностороннего преимущества на стороне манипулятора, «наносащего ущерб (материальный или психологический) своей жертве» [Шейнов 2000: 4]. По словам американского психолога Э.Шострома, для манипулятора подобное общение превращается в своеобразный «стиль жизни», «сценарий,

который регламентирует всю систему взаимодействия с миром» [Шостром 1999: 32].

Подводя итоги рассмотрения манипулятивного воздействия вышеназванными авторами, дадим следующее (рабочее, не претендующее на окончательность) определение термину *манипуляция*:

Манипуляция – это особый вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и приводящим к получению определённой выгоды субъектом манипуляции за счёт разрушения её объекта.

В связи с тем, что в настоящей работе рассматриваются не манипуляции вообще, а манипуляции, получившие вербальное овнешнение, уточним понятие *речевой манипуляции*:

Речевая манипуляция – это вербально выраженный вид психологического воздействия одного персонажа сказки на другого, в результате чего у объекта манипуляции возникает желание или намерение, не являющееся его собственным и приводящее к получению субъектом манипуляции определённой, односторонней выгоды.

1.2. Основания и механизмы манипуляций

Как отмечалось ранее, под манипуляцией нами понимается особый вид психологического воздействия. Межличностное общение, внутри которого реализуется изучаемое нами явление, невозможно без социального компонента, формирующего социопсихологические основания манипуляций, а также без вербального компонента, оформляющего манипулятивный акт в процессе общения (взаимодействия) людей.

Постоянно взаимодействуя между собой, члены любого общества прибегают к языковым средствам для успешного осуществления межличностного общения (под *общением* мы понимаем процесс вербального и невербального взаимодействия людей). Совершенно справедливо замечает Т.Ю. Тамерьян: «В процессе интеграции индивида в общество, через усвоение им социальных норм и ценностей происходит социализация личности, а язык является одним из способов этой интеграции» [Тамерьян 2006: 60].

У феномена речевой манипуляции несомненно социальное основание. Как известно, основным средством общения людей, живущих в некоем социуме, является язык. Если мы исходим из того положения, что общество не может существовать без языка, то мы должны признать тот факт, что оно также не существует без манипуляций. Поскольку жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, постольку обществу

невозможно обойтись без манипулирования в процессе общения (взаимодействия) существующих в нем личностей.

Подчеркивая неразрывную связь социального и коммуникативного в процессе общения, Л.Л.Фёдорова отмечает, что «в теории речевой коммуникации принята двухуровневая модель речевого общения, включающая социологический и коммуникативный уровни. Содержанием социологического уровня общения является социальное взаимодействие собеседников, т.е. их влияние на поведение, образ мыслей и чувства друг друга. Содержанием коммуникативного уровня является передача сообщения, точнее – обмен информацией между собеседниками. Тем самым общение не сводится просто к передаче информации, но предполагает более глубокое социальное содержание» [Фёдорова 1991: 46].

По мнению Г.Г.Почепцова, межличностное общение, или коммуникация, имеет своей целью «принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения Одного к действиям Другого» [Почепцов 2001: 14]. Считаем данное суждение правомочным как для определения процесса коммуникации в целом, так и для определения основного механизма манипуляции (как одного из явлений межличностной коммуникации) в частности.

Вслед за Е.Л.Доценко полагаем, что *основанием манипуляции* является манипулятивная природа социума. Среди предпосылок, способствующих проведению манипулятивного воздействия, Е.Л.Доценко выделяет: конфликт человека с самим собой, ощущение абсолютной беспомощности, недоверие по отношению к другим людям и пр. [Доценко 2000: 63-64]. Среди прочих предпосылок психологи также называют неспособность к любви (Э.Фромм), ощущение абсолютной беспомощности (экзистенциализм), боязнь тесных межличностных контактов (Э.Берн), некритичное стремление получать одобрение всех и каждого (А.Эллис). Исходя из этих причин, очевидна психологическая составляющая в основе манипуляции, так как манипулятивное воздействие на поведение человека характеризуется особой эмоциональностью и экспрессивностью. Такое воздействие опирается на чувства, эмоции, настроения адресата. Внушая определенную мысль, манипулятор делает акцент преимущественно на эмоциях манипулируемого, подготавливает почву для осуществления воздействия, пытается привести его в соответствующее целям манипулятора психологическое состояние. При этом «сам манипулятор чувств не испытывает, а старательно подбирает и выбирает их в зависимости от обстоятельств, истинные эмоции заменяются им фальшивыми» [Шостром 1999: 105].

Следовательно, манипуляция возникает из различных психологических установок людей, существующих и взаимодействующих в некоем социуме, что «объясняется социальными и психологическими факторами влияния» [Купина 2006: 32]. Полагаем, что у феномена манипуляции наряду с

социальным основанием столь же очевидно наличие психологических оснований.

Нельзя не согласиться с мыслью В.И. Карасика о том, что воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на сферу знания и поведения, на его эмоциональный фон. Учёный выделяет три типа воздействия: «1) на культурологическом уровне воздействие осуществляется всем контекстом культуры, в том числе системой значений слов в языке; 2) на социальном уровне воздействие на человека осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия (авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой); 3) на психологическом уровне воздействие представляет собой личностное, индивидуальное влияние на человека. Таким образом, предметом воздействия всегда является личность. При этом речь идет о социально-психологическом воздействии, которое реализуется только в контексте культуры» [Карасик 1992: 132].

Однако, принимая во внимание социальные и психологические составляющие манипулятивного воздействия, не следует забывать о лингвистическом аспекте. О неразрывной связи социального и лингвистического неоднократно указывали В.М.Жирмунский, Р.А.Будагов, Н.А.Купина и мн. др. Не вызывает сомнений тесная связь лингвистики и психологии, что нашло отражение в трудах Ф. де Соссюра, Ф.М.Березина, Б.Н.Головина, Р.М.Фрумкиной и мн. др.

Речевая репрезентация, т.е. те языковые средства, с помощью которых манипулятивный акт оформлен в речи, является неотъемлемой составляющей манипуляции как способа воздействия. Именно поэтому манипуляцию следует рассматривать как явление социолингвистическое и психолингвистическое, нежели просто социальное или психологическое, так как любое взаимодействие людей, связанное с общением (в том числе и манипулятивным), невозможно без языка и средств его выражения.

Итак, при рассмотрении манипуляции как вида речевого психологического воздействия мы обязаны учитывать его социо-, психо- и собственно лингвистические аспекты:

1) манипуляция возникает в результате социального взаимодействия людей, живущих в обществе; данное явление порождается манипулятивной природой социума;

2) манипуляция является продуктом различных психологических установок индивидов, оказывающих воздействие друг на друга;

3) манипуляция предполагает использование ряда языковых средств для достижения положительного (для манипулятора) результата.

Данные положения представляется правомочными и для речевых манипуляций персонажей сказок. Сказка, как произведение народного характера, в первую очередь, отражает социальные устои того народа (общества), который является её творцом, а потому отражённые в ней

манипуляции персонажей (как в английских, так и русских народных сказках) свидетельствуют о типичных характеристиках явления манипуляции – неотъемлемой черты любого социума.

Среди психологических установок, определяющих проведение того или иного манипулятивного акта персонажем сказки, выделим недоверие к другим людям, его страхи (например, боязнь быть наказанным вышестоящим по родству или рангу человеком – мачехой, дядей, хозяином, царём и т.п.; опасение потерять или желание получить какую-либо собственность – дом («избёнку»), волшебные предметы и т.п.).

Манипулятивный акт, оформленный в речи персонажей сказок, имеет «вербальные одежды» – манипулятор прибегает к использованию тех или иных языковых средств с целью получить конкретный односторонний выигрыш.

В психологическом плане под *механизмом манипуляций*, т.е. устройством, передающим/преобразовывающим движение, понимаются в первую очередь внутриспсихические процессы, обеспечивающие эффективность психологического воздействия. К подобным механизмам психолингвистами относятся: удержание контакта, психические автоматизмы, мотивационное обеспечение. Исследуя методы и приёмы контролирования сознания, американский психолог Стивен Хассен выделяет несколько иные психические механизмы, необходимые манипулятору для контроля достижения поставленной цели: поведение, мышление, эмоции [Хассен 2001: 85-99].

Понимая механизм манипуляции как совокупность промежуточных состояний или процессов, нельзя не согласиться с автором, что манипуляция, как и любой другой вид психологического воздействия, – это «ритуальный процесс», необходимыми элементами структуры которого являются начало, середина и конец [Хассен 2001: 328]. Для манипулятора «начало» воздействия – это подготовка объекта манипуляции к успешному исходу воздействия, что предполагает намеренное, осознанное приведение его в состояние психического дисбаланса (либо самим манипулятором путём задействования психических механизмов, либо другим лицом или сложившейся ситуацией). Нарушение (даже кратковременное) психического равновесия индивида лишает его способности адекватно мыслить, слышать сказанное, понимать истинный смысл услышанного и приводит к неспособности принять собственное, полноценное решение.

Середина, являясь этапом проведения манипуляции, предполагает как вербальные, так и невербальные составляющие. Как известно, слова «составляют лишь малую часть того, что мы выражаем как человеческие существа. Исследования показывают, что во время презентации перед группой людей 55% воздействия определяется языком ваших тело-

движений: позы, жесты и контакт глазами, 38% определяется тоном вашего голоса и лишь 7% – содержанием того, о чём вы говорите [Мегентесов 1997: 6].

Так, к невербальным составляющим манипулятивного воздействия относим внешний вид (так называемый «имидж»), жестикуляцию, позы, зрительный контакт; к вербальным – тон, тембр, высота голоса, языковые средства, реализующие психологическое воздействие. Как правило, манипулятор использует все вышеперечисленные средства, способные изменить внутреннее сознание человека. При этом правильный выбор вербальных и невербальных средств будет способствовать эффективному осуществлению манипуляции.

Окончание манипулятивного воздействия выражается в достижении манипулятором определённого результата: положительного (если манипуляция была проделана успешно, и манипулятор оказался в выигрыше) или отрицательного (если попытка манипулирования была раскрыта, или адресат не выполнил ожидаемых от него манипулятором действий).

Эта мысль находит подтверждение и в работе Р.Гарифуллина «Энциклопедия блефа». Автор выделяет на начальном, подготовительном этапе принцип пальмировки (прятать в ладоши), затем принцип пассировки (обманные движения с каким-либо предметом) и в заключении принцип шанжировки (приём подмены одного предмета другим). Все вышеуказанные принципы взяты из иллюзионного искусства. Принцип пальмировки подразумевает исследование субъекта, которого собираются ввести в заблуждение, подготовку и маскировку того «ложного сюрприза», который позже должен получить заблуждаемый и не догадаться о наличии «сюрприза». Принцип пассировки – это сам процесс введения в заблуждение, включающий отвлекающие и заблуждающие действия. Принцип шанжировки – это конкретные действия обманывающего» [Гарифуллин 1995: 12].

Среди языковых механизмов вербального воздействия некоторые исследователи, например Т.С. Кабаченко, выделяют:

1) лингвистический уровень – уровень, обусловленный спецификой языковых средств. Автором имеется в виду возможность использования различных языковых средств для передачи информации о конкретном событии (вариативная интерпретация действительности), так как различные способы обозначения чего-либо приводят к смешению как понятийного, так и оценочных компонентов;

2) экстралингвистический уровень – уровень средств реализации коммуникативных интенций, представленный семиотико-коммуникативными и семиотико-сигнификационными предпосылками. К первым Т.С. Кабаченко относит набор синтаксических конструкций позволяющих различно

интерпретировать действительность, ко вторым – такие приёмы, как опущения, искажения, генерализация и т.д. [Кабаченко 2000: 153]

Автор подчеркивает, что «языковые механизмы вариативной интерпретации действительности в вербальном воздействии используются:

- 1) при маскировке коммуникативного намерения как средство реализации истинного, а не демонстрируемого намерения;
- 2) как средство создания требуемого образа действительности, вплоть до решения задачи непропорционального искажения истины;
- 3) в структуре аргументации для повышения убедительности приводимых аргументов» [Кабаченко 2000: 167-168].

Таким образом, вариативная интерпретация окружающей нас действительности содействует введению в заблуждение без использования явной лжи.

1.3. Виды манипуляций

Напомним, что манипуляция – это, в первую очередь, психологическое воздействие одного человека на другого. Относительно речевых воздействий Л.А.Федорова выделяет следующие типы:

1 тип – социальные воздействия, причём речь идет не о передаче информации как таковой, а об осуществлении определенных социальных актов: приветствия, прощания, благодарности и т. д., при этом речевое воздействие говорящего на поведение собеседника заключается в том, чтобы вызвать ответную социальную реакцию и имеет конвенциональный характер;

2 тип – волеизъявления, которые являются ядерной группой речевых воздействий и направлены на поведение и поступки собеседника, заставляя его действовать в соответствии с волей и желаниями говорящего;

3 тип соответствует стратегиям разъяснения и информирования, воздействие включает в себе сообщения и суждения, которыми говорящий хочет поделиться с собеседником; может изменять образ мыслей и степень осведомленности собеседника и тем самым оказывать на него давление;

4 тип – оценочные и эмоциональные воздействия (прициание, осуждение, похвала, оправдание и т.д.), которые направлены на чувства собеседника и производятся на основании общепринятых моральных критериев. Такой тип воздействия требует особого эмоционального строя речи, в котором широко используются междометия, восклицания, особые интонационные средства и специфические стилевые разновидности речи [Федорова 1991: 48-50].

Изучение литературы по вопросу типовой классификации межличностных манипуляций позволяет выделить различные виды манипулятивного воздействия. В зависимости от типа личности Э.Шостром,

например, выделяет следующие психотипы манипуляторов: диктатор, тряпка, калькулятор, прилипала, хулиган, славный парень, судья, защитник [Шостром 1999: 24-26].

Положив в основу различные виды действующих агентов, способов побуждения, психических мишеней и автоматизмов, Е.Л.Доценко разделяет процессы психологического манипулятивного воздействия на следующие виды: перцептивные марионетки, конвенциональные роботы, живые орудия, управляемое умозаключение, эксплуатация личности адресата, духовное помыкание, приведение в состояние повышенной покорности и комбинирование, которое включает в себя элементы двух или более из перечисленных видов манипуляций [Доценко 2000: 156-172].

Исходя из выбранной мишени (термин – Е.Л.Доценко) психологического воздействия (желания, интересы, ценности и т.п.) можно выявить такие виды манипулирования, как: манипулирование потребностями, «духовное» манипулирование, интеллектуальное манипулирование, манипулирование чувствами, символическое манипулирование.

Помимо вышеперечисленных, по нашему убеждению, следует также различать осознанные и неосознанные (точнее – неосознаваемые самим субъектом) способы манипулирования.

Осознанная манипуляция – это классический пример манипулирования: манипулятор осознанно намечает «цель» и выбирает объект психологического воздействия, намеренно вводит его (объект) в состояние психического дискомфорта (душевного дисбаланса), вкладывает в сознание манипулируемого необходимость осуществления тех или иных действий, в результате которых сам манипулятор неизменно пребывает в выигрыше. Осознанная манипуляция в сказках всегда эксплицируется рассказчиком. Это наиболее распространённый вид манипулятивного воздействия. Всем с детства знаком сюжет сказки «Лисичка со скалочкой» (в более полной версии, записанной А.И.Афанасьевым, сказка имеет название «Лисичка-сестричка и волк»), в котором Лисичка сжигает свою скалочку, чтобы получить за неё выкуп. Осознанно, хорошо продумав каждое слово, она спрашивает у хозяина: «Где же моя скалочка? Я за неё и гусочку не возьму!». Как известно, именно гусочку Лисичка и получила: «Мужик – делать нечего – отдал ей за скалочку гусочку...».

Неосознанная манипуляция, в отличие от осознанной, происходит без целенаправленного выбора цели и объекта манипуляции. К неосознанным манипуляциям мы относим те, манипулятивные намерения субъекта в которых рассказчиком специально не эксплицируются. Как осознанная, так и неосознаваемая манипуляция проходит через все выделенные нами этапы манипулятивного воздействия. Подготовительный этап – создание душевного дисбаланса у объекта манипуляции – осуществляется манипулятором пассивно: как правило, он сам демонстрирует подобное состояние

(«слезами заливается», «ниже плеч голову повесил», «идёт мрачнее тучи», «вздыхает» и т.п.), что провоцирует оказавшегося рядом человека (персонажа) посочувствовать, выразить участие, оказать помощь. Получив помощь (выигрыш), такой манипулятор довольно быстро возвращается к своему обычному душевному состоянию; в случае проигрыша – продолжает следовать избранной тактике поведения и нередко добивается нужного ему результата.

Примером подобного вида манипулирования может служить следующий эпизод из сказки «Лиса, заяц и петух», в котором субъектом манипуляции, не осознающим истинного смысла совершаемых им действий, является заяц. Заяц, которого выгнала из его избёнки лиса, на деле осуществляет неоднократные попытки манипулирования (на наш взгляд, всё-таки неосознанного):

«Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала». – «Не плачь, зайчик! – говорят собаки. – Мы ее выгоним». – «Нет, не выгоните!» – «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!»».

Заяц отнюдь не представляется нам коварным мастером манипуляций, но неосознанно он заставил собак захотеть выгнать лису, т.е. вложил в их сознание своё собственное желание. Манипулятивный акт проходит все три этапа психологического воздействия: подготовка (собаки сочувствуют обиженному, негодуют на лису), проведение (рассказ зайца о случившемся, плач), результат (в данном случае – положительный, так как собаки направляются к дому зайца выгонять лису). Манипуляции зайца относятся нами к неосознанным, поскольку его манипулятивные намерения рассказчиком специально не эксплицируются.

Проиллюстрируем неосознанные, т.е. неэксплицированные рассказчиком, манипуляции следующими примерами (пример из английской сказки даётся с переводом):

«John hesitated. He did not like to tell a stranger why he had stood on London Bridge all that time doing nothing, but he was a simple fellow, and not good at thinking of lies and excuses, so at last he said: “Well, to tell the truth, neighbour, I am a poor country man, and three times I dreamed that if I came and stood on this bridge, I should hear wonderful news. But no such news have I heard, and now I have no money, so I must go home.” The shopkeeper looked at him in astonishment, and then he began laughing. “Why, what a fool you must be!” said the shopkeeper as soon as he could find his voice. “Do you mean to say you have come up to London from the country and stood all this time on the bridge, just because of an idle dream? You must be the simplest fellow that ever set foot in the city of London. What a story to tell my neighbours!” Once more

he roared with laughter. "I tell you what, country fellow," went on the shopkeeper, for he was a ready talker, "why, the other night I had a dream too. Very clear and plain it was, but do you think I am such an ass as to take heed of dreams. I dreamed of a voice, just like yourself; and this voice told me that if I was to go to some place called Swaffham in Norfolk – I think that was the place it said, but I can't exactly call it to mind, for I never heard of the place before – if I was to go to Swaffham, it said, and dig under the oak-tree that grew behind a pedlar's cottage thereabouts, I should find a mighty great treasure. That's what I dreamed, fellow; but do you think I should be such a fool as to go all that way on account of a dream?" (из сказки «The Pedlar's Dream»)

«Джон колебался. Ему не хотелось говорить незнакомцу о том, почему он стоял всё это время на Лондонском мосту безо всякого дела, но он был простым пареньком и не очень-то умел врать и увиливать, поэтому он в конце концов сказал: «Честно говоря, земляк, я всего лишь бедный крестьянин, но мне трижды снилось, что если я приеду и постою на этом мосту, то непременно услышу хорошие новости. Но никаких таких новостей я не слышал, деньги у меня закончились, и теперь я должен возвращаться домой.» Лавочник смотрел на него, застыв от недоумения, и, наконец, захохотал. «Ну и дурак же ты! – сказал он, как только к нему вернулся дар речи. – Ты хочешь сказать, что приехал в Лондон из деревни и простоял всё это время на мосту из-за какого-то сна? Ты, должно быть, самый простодушный малый из всех, чья нога ступала на Лондонскую землю. Вот так историю я расскажу своим соседям!» И вновь он залился смехом. «Я расскажу тебе кое-что, приятель. – продолжал лавочник, большой охотник до разговоров. – Совсем недавно ночью у меня тоже был сон. Очень ясный и чёткий сон, но неужели я похож на осла, который верит снам? Во сне мне слышался голос, точно как и тебе, который сказал, что если я поеду в местечко под названием Суэффэм в Норфолке – думаю, я правильно запомнил название места, раньше я о нём никогда не слышал – так вот, если я приеду в этот Суэффэм и начну копать под большим дубом, который растёт за домом коробейника, то обязательно найду несметные сокровища. Вот что мне приснилось, приятель, так не думаешь ли ты, что я такой дурак, чтобы ехать туда всего-навсего потому, что мне привиделось это во сне?» (из сказки «Сон коробейника»);

«Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился: «Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю». В ту же минуту явился к нему нечистый: «Что тебе, служивый, надобно?» – «Эх, – говорит, – смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?» Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом: «Садись, служивый, ко мне на спину; я тебя занесу в

поднебесье». Солдат сел на орла: орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные» (из сказки «Елена Премудрая»).

Разграничение манипуляций на осознанные и неосознанные имеет место на уровнях мышления и коммуникации; на уровнях языка и речи данные различия не существенны, так как возможности и способы реализации манипулятивного акта в таких случаях совпадают.

Изучение многочисленных примеров манипулятивных актов позволяет различать внутри них вербальные и невербальные манипуляции. **Вербальная** (или *речевая*) *манипуляция* осуществляется посредством вербальных средств выражения (слов, предложений и т.д.). Чаще всего именно с такими видами манипуляции мы имеем дело как на уровне межличностного общения, так и на уровне общения с массами (группами) людей. Приведём пример из русской народной сказки «Горе», в которой субъектом манипуляции выступает купец, а объектом – Горе):

«Сперва купец спрятался – Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться. «Ну, – говорит, – меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!» – «Куда тебе! – отвечает купец. – Ты в это колесо не влезешь, а то – в щель!» – «В колесо не влзу? Смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку.»

Проанализировав имеющийся у нас материал, отметим, что контексты сказок, представляющие собой контент для лингвистического анализа, одновременно являются и осознанными, и вербальными типами манипуляций. Приведем примеры:

«So Tom one night sets himself next to his master, and as they were all about to fall on, Tom puts his spoon into the heart of the dish, where the crowd was hottest, and claps a spoonful into his master's mouth. "A pox on you for a rogue," cried his master, "for my mouth is all burnt." "A pox on you for a master," says Tom, "for you keep a house as dark as Purgatory, for I was going to my mouth with the soup and missed the way, it being so dark. Don't think, master, that I am such a big fool as to feed you while I have a mouth of my own." So from that night that Tom burnt his master's mouth with the hot crowd, they always got a candle to show them light at supper, for his master would feed no more in the dark while Tom was present». (из сказки «Lothian Tom»)

«Как-то вечером Том уселся рядом со своим хозяином и, поскольку они собирались ужинать, Том отправил свою ложку в самую середину котелка с похлёбкой, как раз там, где она была самой горячей, и засунул её хозяину в рот. «Чёрт тебя подери! – завопил хозяин. – У меня весь рот горит!» «Чёрт тебя подери, хозяин! – отвечал ему Том. – У тебя в доме темно, как в Аду. Я нёс ложку с супом в рот, да промахнулся из-за такой темноты. Не считаешь ли ты меня таким глупцом, чтоб я кормил тебя

вместо себя?» Так, с того самого вечера, как Том съел похлёбкой рот своего хозяина, у них всегда была зажжена свеча, чтобы освещать ужин, поскольку хозяин Тома больше не хотел принимать пищу в темноте, пока Том был рядом.» (из сказки «Хитрый Том»);

«Тем временем Марья-царевна пошла белье мыть. Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит: «Здравствуй, красная девица!» – «Здравствуй, добрый молодец!» – «Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если бы через него да был перекинут высокий мост – я бы перешел на ту сторону и женился на тебе». – «Постой! Мост сейчас будет», – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту же минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешел по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унес царевну» (из сказки «Царь-медведь»).

Невербальная манипуляция – манипуляция, совершаемая без привлечения языковых средств, т.е. за счёт невербальных приёмов: внешний вид, поза, жест, взгляд и т.д. Наиболее сильным средством невербального манипулирования многие психологи выделяют внешний вид человека, так называемый «имидж».

О силе подобного воздействия гласит русская пословица: «По одежке встречают, по уму провожают», английский же вариант аналогичного высказывания звучит более настороженно и предупреждающе: “*Appearance is deceitful*” – «Внешность обманчива». В народных сказках невербальные манипуляции встречаются гораздо реже, чем вербальные; в качестве примера приводим следующий отрывок из сказки «Лиса-повитуха»:

«Выбежала на дорогу, видит – едет с сельдями мужик, прикинулась и легла поперек дороги, как умерла. Наехал мужик на лису. «Аи, – говорит, – лисица! Что за шерсть, что за хвост!» А сам лису в воз. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогозу, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди все в дыру пропустила и сама ускочила».

Приведенные ниже примеры также иллюстрируют наличие невербальных манипуляций в английской и русской народных сказках:

«She [the miller's wife] had not heard any one enter, therefore you may judge it was with no little surprise, not unmingled with curiosity, that she rose to welcome her strange visitor. She handed her a chair, but she very politely declined to be seated. She was very magnificently attired; her dress was of the

richest green, embroidered round with spangles of gold, and on her head was a small coronet of pearls. The woman was still more surprised at her strange request. She asked, in a rich musical voice, if she would oblige her with a basin of oatmeal. A basin full to overflowing was immediately handed to her, for the woman's husband, being both a farmer and a miller, had plenty of meal at command.» (из сказки «The fairy and the Miller's Wife»)

«Поскольку она [жена мельника] никогда не видела гостей в своём доме, то вы можете себе представить с каким удивлением и с каким любопытством она встала, чтобы поприветствовать свою странную гостью. Она подала ей стул, но та очень вежливо отказалась присесть. Наряд гостыи был просто великолепен: платье из тёмно-зелёного бархата, по краям расшитое золотыми блёстками, а на голове красовалась маленькая корона из жемчуга. Ещё больше женщину удивила просьба гостыи. Она попросила – и её голос звучал словно музыка – не соблаговолит ли хозяйка одолжить ей чашку овсяной крупы. Наполненная до краёв миска была тут же предложена ей, так как у жены мельника, который был вдобавок и фермером, в доме всегда найдется хороший запас крупы.» (из сказки «Фея и жена мельника»);

«А лиса среди общей суматохи, когда все бросились бить волка, вскочила в пустую избу, увидела квашню с тестом, вскочила в нее, выляпалась в тесто, побежала на дорогу и легла. Недалеко за селом увидел волк на дороге лисичку-сестричку избитую, израненную и едва живую. С большим участием бросился он к ней, и она начала жаловаться, что и ее так больно прибили, что мозг изо всех костей повыступал. «Крепись, лисичка-сестричка! Вот и я хвоста лишился, да как же быть! Иди за мною, я еще покрепче тебя, буду тебя защищать» (из сказки «Лисичка-сестричка и волк»).

Следует отметить, что невербальные манипуляции специально не рассматриваются в данной работе в силу отсутствия непосредственного объекта исследования – высказывания манипулятора, оформленного вербально, т.е. в речи. Корпус интересующего нас материала составили контексты только вербальных (речевых) манипуляций.

С точки зрения результативности манипуляций можно выделять успешные и неуспешные манипулятивные акты. Успешным будет называться такой манипулятивный акт, цель которого достигнута (достигнут «успех манипуляции» – Е.Л.Доценко). Неуспешным тогда будет считаться акт манипуляции, в котором манипулятор не получил планируемой им выгоды: манипулируемый либо не распознал интенционального смысла высказывания, либо в силу каких-либо причин не выполнил навязываемого манипулятором действия. Всё-таки считаем, что неуспешный акт мани-

пуляции не является манипуляцией по определению: в нём отсутствует такой составляющий признак, как разрушительность по отношению к объекту манипуляции. В этой связи полагаем, что такой вид манипуляции точнее было бы называть «попыткой манипуляции (манипулятивного воздействия)».

Следует также разграничивать *манипуляции* и *актуализации*. **Актуализация** – это, по Э.Шострому, прямая противоположность манипуляции: скрытые манипулятивные намерения раскрываются в процессе общения, в результате чего следует отказ объекта воздействия от выполнения планируемых манипулятором действий. Э.Шостром открыто призывает к разоблачению манипуляторов и их манипуляций, указывая на губительность манипулятивного стиля жизни. В книге «Анти-Карнеги» он приводит следующее сравнение актуализатора и манипулятора: «Актуализатор – цельная личность, и поэтому его исходная позиция – сознание самооценности. Манипулятор – разорванная личность, следовательно, он исходит из позиции нехватки» [Шостром 1999: 41].

Приведём примеры из контекстов сказок:

«So, at last the Abbot consented, and sent him to London in his most splendid array, and he approached King John with all his retinue as before, but dressed in his simple monk's dress and his cowl over his face. "Now welcome, Sir Abbot," said King John; "thou art prepared for thy doom, I see." "I am ready to answer your Majesty," said he.

"Well, then, question first – where is the centre of the round earth?" said the King. "Here," said the shepherd Abbot, planting his crozier in the ground; "an' your Majesty believe me not, go measure it and see." "By St Botolph," said the King, "a merry answer and a shrewd; so to question the second. How soon may I ride this round world about?" "If your Majesty will graciously rise with the sun, and ride along with him until the next morning he rise, your Grace will surely have ridden it round." "By St John," laughed King John, "I did not think it could be done so soon. But let that pass, and tell me question third and last, and that is – What do I think?"

"That is easy, your Grace," said he. "Your Majesty thinks I am my lord the Abbot of Canterbury; but as you may see," and here he raised his cowl, I am but his poor shepherd, that am come to ask your pardon for him and for me." Loud laughed the King. "Well caught. Thou hast more wit than thy lord, and thou shalt be Abbot in his place." "Nay, that cannot" quoth the shepherd; "I know

not to
write nor to read." "Well, then, four nobles a week thou shalt have for the ready wit. And tell the Abbot from me that he has my pardon." And with that King John sent away the shepherd with a right royal present, besides his pension.» (из сказки «King John and The Abbot of Canterbury»).

«Наконец, Аббат согласился и отправил его [пастуха] в Лондон со своей самой роскошной свитой. Тот прибыл к королю Джону, отдав ему,

как и раньше, должны почести, но одет в этот раз он был в простые монашеские одежды, а накидка ниспадала на его лицо. «Добро пожаловать, дорогой Аббат, - сказал король Джон. – Я вижу, ты готов пройти испытания.» «Я готов отвечать на Ваши вопросы, Ваше величество,» – сказал он.»

«Тогда первый вопрос: где находится центр земли?» – спросил король. «Здесь, - ответил Аббат-пастух, указывая своим посохом на землю перед собой. – А если Ваше Величество мне не верит, то можете измерить и убедиться сами.» «Клянусь Святым Ворфоломеем, ответ и шутлив, и меток. Переходим ко второму вопросу: как быстро смогу я объехать весь земной шар?» «Если Ваше Величество соизволит подняться вместе с солнцем и проехать вместе с ним до следующего утра, то Вы точно объедите всю Землю кругом.» «Клянусь Святым Иоанном, - рассмеялся король Джон, - я и не думал, что это можно сделать так быстро. Что же, перейдём к третьему и последнему вопросу: Что я думаю?»

«Это легко узнать, Ваше Величество, - сказал он. – Ваше Величество думает, что я – мой хозяин, Аббат Кантерберийский, но, как видите...» - тут он приподнял капюшон – «Я всего-навсего его бедный пастух, который пришёл просить прощения за него и за себя.» Громко рассмеялся король. «Хороша уловка! У тебя смекалки побольше будет, чем у твоего хозяина, ты должен занимать его место.» «Нет, я не могу, - ответил пастух. – Я не умею ни писать, ни читать» «Тогда ты будешь получать четыре золотых в неделю за свой острый ум. И передай Аббату, что я прощаю его.» С этими словами король Джон отпустил пастуха с королевским подарком и с хорошим жалованием впридачу.» (из сказки «Король Джон и Аббат Кантерберийский»);

«[Данило] Отошел немного и думает: «Зачем я ее разбил!» Стал к ней подходить и такие речи говорить: «Бабушка-голубушка! Прости меня; вот мое горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделанных соболей, чтоб завтра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шелковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты – пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!»

Говорит ему старуха заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бороною; ухвати его за бороду и бей до тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьешь меня?» (из сказки «Данило Бессчастный»).

На уровне речи нами изучаются контексты манипуляций (а не актуализаций), причём контексты именно успешных манипулятивных

актов, так как в противоположном случае невозможно выявить наличие ущерба (материального или психологического) у объекта манипуляции.

Бытующее иногда разграничение *положительной* (продуктивной) и *отрицательной* манипуляции нам представляется некорректным, поскольку манипуляция всегда носит отрицательный (разрушительный) характер, а иначе следует говорить не о манипуляции, а о **речевом искусстве**. Примером подобного успешного манипулирования может быть общение учителя с учеником или врача-психоаналитика с пациентом, когда, стремясь помочь собеседнику (ученику, пациенту), манипулятор вынужден направлять действие, а иногда и ход мыслей обучаемого или больного.

Об акте искусства общения говорим в том случае, когда, совершая манипуляцию, манипулирующий преследует благородные цели: например, в народных сказках подобным мотивом является желание спасти любимую(-ого), сохранить жизнь, оправдать несправедливо обвинённого и т.д. Приведём один из наиболее ярких, на наш взгляд, примеров искусства общения (манипулятором, демонстрирующим образец искусства общения, является купеческая дочь, несправедливо обвинённая генералом; мотивом её поступка служит желание спасти своего брата от казни):

«Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? – говорит ему купеческая дочь. – Сколько раз бывал в моём доме, со мной на постели лёживал, в любовные игры поигрывал...» – «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал и теперь – хоть умереть – не знаю: кто ты и откуда приехала.» – «Так за что же, ваше величество, мой брат страждает?» – «Который брат?» – спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут всё дело начистоту открылось...» (из сказки «Купеческая дочь»).

Следующие примеры также демонстрируют искусство общения в английских и русских народных сказках:

«Now George, knowing which way they went, immediately took another road and was in Scotland before them. He then made an acquaintance with a shepherd on the border, whose pasture lay on the wayside where the bishops were to pass; and there he mounted himself in shepherd's dress; and when he saw the bishops appear, he conveyed his flock to the roadside, and fell a-chanting at a Latin ballad. When the bishops came up to George, one of them asked him in French what o'clock it was? To which he answered in Hebrew, "It is directly about the time of day it was yesterday at this time." Another asked him, in Greek, what countryman he was? To which he answered in Flemish, "If ye knew that, you would be as wise as myself." A third asked him, in Dutch, "Where were you educated?" To which he answered, in Earse, "Herding my sheep between this and Lochaber." This they desired him to explain into English, which he immediately did. "Now," said they one to another, "we need

not proceed any farther.” “What,” says George, “are you butchers? I’ll sell you a few sheep.” To this they made no answer, but went away shamefully, and said they believed the Scots had been through all the nations in the world for their education, or the devil had taught them» (из сказки «The Witty Exploits of Mr. George Buchanan, the King’s Fool»).

«Теперь же, когда Джордж знал, какой дорогой они [епископы] поехали, он тут же выбрал другую и прибыл в Шотландию раньше. Он познакомился с одним из пастухов королевства, чья пастбище лежало на пути епископов, и переделся в его одежды. Когда он заметил приближающихся епископов, то направил своё стадо к дороге, а сам при этом стал напевать красивую балладу на латинском языке. Когда епископы подъехали к Джорджу, один из них спросил по-французски: «Который час?» На это Джордж ответил на иврите: «Тот самый час, который был вчера в это же самое время». Другой епископ спросил его на греческом: «Подданным какой страны вы являетесь?» На это Джордж ответил по-фламандски: «Если бы Вы знали это, то были бы так же умны, как и я». Третий спросил его на голландском: «Где Вы обучались?» Джордж отвечал на эрзасском: «На овечьих пастбищах, пролегающих отсюда и до Аргайла». Епископы попросили его объяснить это по-английски, что он незамедлительно и сделал. «Что же, – сказала они друг другу. – Нам нет необходимости ехать дальше.» «Как? – воскликнул Джордж. – Так вы торговцы мясом? Тогда я продам вам пару овец.» На это они ничего не ответили, лишь, пристыженные, поехали домой, сказав, что они верят тому, что шотландцы действительно умнее всех наций в мире, ибо сам дьявол, должно быть, обучал их.» (из сказки «Остроумные подвиги сэра Джорджа Букинэна, королевского шута»)

«Купец позвал того поваренка. «Потешь, – говорит, – моих гостей!» Отвечает ему поваренок-царевна: «Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?» – «Сказывай бывальщину!» – «Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьет, того чумичкой в лоб».

Все на это согласились. И царевна начала рассказывать все, что с нею самой случилось. «Так и этак, – говорит, – была у купца дочь; поехал купец за море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на ее красоту и не дает ей ни минуты покою...» А дядя слышит, что речь про него идет, и говорит: « Это, господа, неправда!» – «А, по-твоему неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!» После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила, – и старуха и мачеха в один голос закричали: «Вот вздор какой! Этого быть не может». Царевна ударила их по лбу чумичкою и стала рассказывать,

как она лежала в хрустальном гробе, как нашел ее царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

Генерал смекнул, что дело-то не ладно, и просится у царевича: «Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!» – «Ничего, посиди немножко!» Стала царица про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел. «Все это, – говорит, – неправда!» Царица его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу: «Я-де не поваренок, я – твоя законная жена!» Царевич обрадовался, купец – тоже...» (из сказки «Волшебное зеркальце»).

Как видно из данных примеров, искусство общения и манипуляция отличаются друг от друга психологически (уровень мышления) и с точки зрения реализации в процессе общения (уровень коммуникации), для уровней языка и речи данные различия нерелевантны, поэтому подобные виды манипулятивных актов нами рассматриваются далее в аспекте вариативности и инвариантности функционирования их речевых составляющих.

Таким образом, рассматривая структурные составляющие механизма манипулятивного воздействия, считаем возможным выделить следующие виды манипуляций: 1) осознанные и неосознанные, 2) вербальные и невербальные, 3) успешные и неуспешные, 4) манипуляция и актуализация, 5) манипуляция и искусство общения.

Изучаемым материалом послужат, в первую очередь, вербальные манипулятивные акты, независимо от степени их осознанности/ неосознанности или от положительного/отрицательного характера данного воздействия, так как указанные характеристики не значимы для уровня речи. Демонстрация искусства общения рассматривается нами как речевая манипуляция и в этой связи представляет несомненный интерес для лингвистического анализа речевого выражения манипуляций.

Невербальные примеры манипуляций выходят за рамки данного исследования, хотя значительная роль невербальной (экстралингвистической) составляющей большинства манипулятивных актов, на наш взгляд, очевидна. Неуспешные манипуляции и явления актуализации не рассматриваются нами потому, что, во-первых, разрушительный, деструктивный характер воздействия реализуется в данном случае лишь частично; во-вторых, полагаем, что речь актуализатора будет отличаться от речи манипулируемого, а в случае отказа манипулируемого от выполнения каких-либо действий (т.е. в случае неуспеха манипуляций) речь манипулируемого зачастую отсутствует.

§ 2. Вербальные манипуляции в языковом аспекте

2.1. Языковые предпосылки манипулирования

В процессе общения язык используется не только с целью передачи информации адресату, но и с целью воздействия на него. Воздействием может быть убеждение, внушение, приказание, угроза, устрашение и т.д. Е.Ф.Тарасов, например, полагает, что «передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечная из которых – управление деятельностью собеседника» [Тарасов 1990: 7]. По-видимому, любое сообщение «можно представить как сосредоточие ряда факторов, например, содержание (факт) и конкретная техника воздействия» [Почепцов 2001: 39].

Многочисленные исследования, предпринятые в рамках лингвистики и смежных с ней наук, подтверждают наше предположение о наличии в языке определённых возможностей для проведения воздействия, в том числе и манипулятивного. Ряд работ, направленных на исследование современного языка СМИ таких авторов, как Ю.С.Баскова, З.Ф.Метакова, В.Ю.Михальченко, К.В.Никитина, С.А.Тимофеев, Э.Г.Туманян и др., исследования Е.В.Аргуновой, В.И.Елевой, А.П.Котечниковой, Н.Н.Ларионова, О.Л.Михалёвой, А.А.Халанской и др. политического манипулятивного дискурса, а также анализ современной рекламы в различных лингвокультурах, предпринятые Т.В.Полетаевой, Е.С.Поповой и др., убедительно демонстрируют силу воздействующей функции языка посредством собственно лингвистических ресурсов языковой системы.

Одной из лингвистических предпосылок манипулирования является деление единиц языка на информемы (содержат интеллектуальную, рациональную информацию) и прагмемы, обладающие прагматической заданностью и предназначенные для воздействия на эмоционально-волевую сферу психики человека с целью регуляции его поведения.

Так, например, в теории речевых актов помимо собственно произнесения приятно различать такие составляющие речевого акта, как целенаправленность и воздействие на сознание или поведение адресата. Для достижения перлокутивного (термин – Дж.Остина) эффекта, т.е. для оказания определённого воздействия на реципиента, необходимо логически упорядочить компоненты, образующие иллокутивную (целеопределяющую) силу высказывания [Остин 1986: 51 – 63].

Изучая речевоздействующий потенциал единиц различных уровней языка – фонетики, лексики, синтаксиса и др. – А.А.Баранов отмечает, что «языковые выражения не обозначают действительность, а интерпретируют её, соотнося с естественно-языковым стандартом» [Баранов 1990: 22].

Вслед за Г.Лассуэллом и Г.Ле Боном, С.Г.Кара-Мурза указывает на наличие слов, способных оказать психологическое воздействие на человека. Это, в первую очередь, так называемые слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни; сфера их применимости исключительно широка; как правило, они носят научный характер. Замена общеупотребительных слов словами иноязычного происхождения также снижает способность человека понять услышанное и, соответственно, повышает его восприимчивость к манипуляции. «Такие слова, как *прогресс, эмбарго, секвестр, электорат* и др. способны «очаровать» людей и увести их от реального смысла или ситуации» [Кара-Мурза 2001: 119]. Ведь «ложная картина мира создается не только путём применения лжи, неправд и полуправд, но и применением напыщенных фраз, общих слов, непонятных терминов, преднамеренно извращенного толкования понятий, изъятием из употребления общепонятных терминов и слов [Жилин 1979: 77]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н. Вайнрих. По его мнению «нет никакого сомнения, что слова, которыми лгут, сами становятся лживыми... и стоит только попробовать произнести такие слова, как *мировоззрение, жизненное пространство, окончательное решение*, язык сам противится и выплевывает их, ... ведь ложь не только губит стиль, она портит язык» [Вайнрих 1987: 62].

В этой связи некоторые исследователи выделяют экстралингвистические предпосылки манипулирования, то есть существование «общих не зависящих от структуры конкретного языка конструктов, приемов, с помощью которых модифицируется, в том числе с сохранением некоторого инварианта, имеющегося в сознании говорящего, образ внешнего мира» [Кабаченко 2000: 159]. Ю.И. Левин, например, к средствам такого уровня относит: 1) аннулирующее преобразование (умалчивание: исключение из образа ситуации некоторого содержания, имеющегося в сознании субъекта); 2) фингирующее преобразование (введение в ситуацию коммуникации, не относящейся к теме информации); 3) модальные преобразования (привнесение гипотетичности) (подробнее – см. Ю.И.Левин «О семиотике искажения истины» 1974). Эти исследова-убедительно доказывают, что язык располагает определенным набором средств, способных оказывать влияние на психические структуры человека, его поведение и могут быть использованы для контроля над сознанием и поведением получателя сообщения.

По мнению многих психолингвистов, любое слово – это продукт многогранного опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром, которое способно возбудить в сознании человека несколько психических образов. Именно поэтому слова, создающие некий образ на уровне психического восприятия человека, могут служить манипулятивным целям собеседника.

Наиболее распространенное применение такие слова-манипуляторы получили в языке СМИ, определяющем социально-политическое мировоззрение индивида [Вежбицка 1993: 107 – 116]. Ярким литературным примером использования языка-манипулятора, несомненно, является роман-антиутопия Дж. Оруэлла «1984», а именно его приложение «О но-воязые» [Оруэлл 1989: 305 – 311].

Следовательно, одной из главных предпосылок осуществления речевого воздействия является наличие в языке средств, способных влиять на психические структуры человека и, как результат, на его поведение.

Другой лингвистической предпосылкой манипулирования считаем различие между планом содержания и планом выражения. Планом содержания считаем «то содержание, которое получает языковая единица при её употреблении в речи» [Федосюк 1988: 5], т.е. информативный, коммуникативный смысл. Однако, в высказывании, кроме непосредственно выраженного, может присутствовать и скрытый, имплицитный смысл [Иссерс 1999: 27 – 34]. Имплицитное содержание – это «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк 1988: 12]. Смысл имплицитного высказывания, «включающего те или иные языковые знаки, выходит за пределы содержания собственно языковых знаков, входящих в это высказывание» [Полетаева 2001: 78-79]. Среди лингвистических источников имплицитных значений выделяются: явления компрессии языковых структур, семантические пропуски, многозначность (полисемия) слов, высказываний, текстов и др.

При восприятии имплицитного смысла высказывания у адресата, как правило, формируется определенная интенция, намерение, что является необходимым условием успешного проведения манипулятивного воздействия. «В распоряжении коммуникатора нет других средств побудить реципиента следовать определённым рекомендациям, кроме включения инспирируемых действий в систему мотивов реципиента» [Рубакин 1972: 132].

Кроме действий, манипулятор также способен «инспирировать» определённую мысль, идею в сознание адресата, которая может повлечь за собой не одно, а множество действий. Достижению подобной цели служат различные приёмы так называемой «языковой демагогии».

По мнению А.Д.Шмелёва, «для «языковой демагогии» характерны такие высказывания манипулирующего, в которых внушаемое мнение относится к неассертивному компоненту смысла, представляет собой пресуппозицию или речевую импликацию высказывания» [Шмелёв 1996: 405]. Учёный приводит следующий пример, демонстрирующий один из эффективных способов воздействия на общественное сознание: «Журна-

лист, проводящий опрос, вообще не делает никаких утверждений – он лишь задает вопросы; и может остаться незамеченным, что эти вопросы содержат пресуппозицию, которая а priori может быть вовсе не очевидна для опрашиваемых и которую и надо внушить публике. Например, задавая вопрос *Каковы, по вашему мнению, причины снижения жизненного уровня в стране?*, мы заставляем отвечающих согласиться с мыслью «жизненный уровень в стране снизился», и такое воздействие более эффективно, нежели простое утверждение *Жизненный уровень в стране снизился*. С утверждением можно и поспорить, подвергнуть его отрицанию, а пресуппозиция, как известно, отрицанию не подлежит» [Шмелёв 1996: 405].

По-видимому, язык в целом и каждый из его уровней в частности обладают богатыми возможностями имплицировать дополнительный, на первый взгляд невидимый, но в конечном итоге определяющий смысл высказываний в процессе говорения. В способности языковых структур функционировать не только в качестве информантов, но и в качестве агентов психологического воздействия мы усматриваем ещё одну лингвистическую предпосылку манипулирования.

С информативной и воздействующей функциями языка тесно связана третья предпосылка речевого манипулирования – возможность употребления языковых единиц как в своём собственном (прямом), так и в несобственном (непрямом, косвенном) значении. Косвенное значение услышанного определяется нами в окружении некоего контекста, т.е. говоря об употреблении языковых единиц в несобственном значении, мы, прежде всего, имеем дело с единицами синтаксического уровня языка.

Непрямое (косвенное) высказывание построено следующим образом: его традиционное структурно-грамматическое оформление не соответствует семантическому наполнению, вследствие чего внутри фразы создаётся определённый конфликт (противоречие). Например, фраза «Как же мне не плакать?» представляет собой отрицательно-вопросительное предложение, однако её истинный смысл мы понимаем так: «Мне есть из-за чего плакать!» (повествовательное предложение). Полагаем, что использование подобных высказываний может служить достижению поставленной манипулятором цели: производя сообщение, он предоставляет адресату возможность самому догадаться о намерениях собеседника и затем выполнить планируемые манипулятором действия.

Как отмечают многие исследователи-лингвисты, употребление языковых единиц не в соответствии со своим прямым значением, способствуя более мягкому, «бесконфликтному общению» [Храмова 1987: 79], представляет собой «удобный тактический приём речевого поведения» [Шишкина 1987: 85].

Итак, язык как система, располагающая разнообразными структурными элементами и единицами, а также моделями функционирования и

взаимодействия, предназначенных для применения в речи, служит достижению двух социально-значимых целей: информировать индивида (общество) и оказывать воздействие на него. Языковая система (не зависимо от того, к какой языковой группе она принадлежит) располагает рядом средств, обеспечивающих реализацию информирующей и воздействующей функций. Можно говорить о том, что данные средства «заложены» в языке как основном инструменте общения людей.

Общение, как известно, предполагает конкретное взаимодействие людей, оказание влияния друг на друга, значит, и язык, осуществляя возложенные на него обязанности, содержит в себе возможности (предпосылки) оказания воздействия на индивида. Среди таких предпосылок, способствующих проведению психологического воздействия (включая манипулятивное), мы выделяем: 1) полисемию (многозначность) языковых единиц; 2) заимствованный, научный характер языковых единиц; 3) способность выражать скрытое, имплицитное значение в речи; 4) способность функционировать в несобственном (непрямом) значении.

Далее предполагаем рассмотреть, какие именно языковые средства, содержащие указанные возможности, способны функционировать в качестве средств, оказывающих манипулятивное воздействие на адресата.

2.2. Языковые средства осуществления межличностных манипуляций

Язык как система обладает определённой структурой. Под структурой языка, вслед за Б.Н.Головиным, понимаем «целостную организованную совокупность составляющих его сторон (фонетика, грамматика, словообразование), частей этих сторон (различные группы слов, роды грамматических категорий или звуков и т.д.) и отдельных языковых единиц (звуки, морфемы, слова, словосочетания, предложения и т.п.)» [Головин 1983: 19]. Рассматривая соотношение таких понятий, как языковая структура и речевая манипуляция, считаем возможным констатировать наличие некоего манипулятивного речевого стиля, обусловленного определёнными языковыми структурами и их взаимодействием. Таким образом, мы сталкиваемся со стилистикой манипуляций, предметом изучения которой определяется выявление тех языковых средств (и их возможных вариантов), из которых складывается манипулятивный речевой стиль говорящего.

Многие исследователи манипуляций излагали свои наблюдения по возможным реализациям манипулятивного акта. Не являясь лингвистами, некоторые из них всё же отмечали лингвистическую составляющую в качестве основной. Рассмотрим классификацию способов манипулирования известного политолога С.Г. Кара-Мурзы:

Следует заметить, что для более полного понимания феномена шуляции необходимо определение основных способов шулирования. В основу анализа для определения способа шулирования предлагаем классификацию С.Кара-Мурзы, шотренную подробно в его книге «Манипуляция сознанием в России [х]дня» (С.Кара-Мурза 2001: 525).

По определению автора к основным способам манипулирования обычно юются:

1) Смещение информации и мнения.

Этот прием используется, когда с фактами внушается мнение об этих фактах, когда невозможно разграничить информацию от внушаемого о ней мнения, речь идет о сознательном нежелании, чтобы адресат сделал собственные выводы из ситуации. Манипулятор стремится передать уже готовую, выгодную ему информацию.

2) Неконкретное обозначение субъекта.

Этот способ перекликается с первым, когда манипулятор сознательно запутывает ситуацию и не понятно о ком и о чем идет речь.

3) Давление на эмоции. Если манипулятор начинает давить на чувства это неспроста. Пытаясь уязвить, оскорбить, разжалобить он четко осознает свою цель. Поэтому давление на эмоции частый прием в руках манипулятора.

4) Сенсационность и срочность.

Это технология общего действия, обеспечивающая шум и необходимый уровень нервозности, подрывающий психологическую защиту. Часто созание искусственного фона сенсационности служит какой-то конкретной цели, как правило, отвлекает от чего-то важного.

5) Дробление.

Чтобы достичь успешной манипуляции, как правило, не сообщается суть проблемы в целом. Манипулятор сознательно дробит информацию и выдает её частями, в выгодном ему свете.

6) Тоталитаризм решения.

Тоталитаризм решения подразумевает внушение, навязывание определенной мысли, поступка, решения, как единственно верной и возможной в данных обстоятельствах. Манипулятор давит своим авторитетом, не давая возможности рассмотреть другие варианты решения вопроса.

7) Некогерентность высказывания.

Это важнейший признак манипуляции, когда налицо несвязность высказывания, ощущение, что нельзя связать концы с концами, противоречие в пределах высказывания. Такие нестыковки свидетельствуют о том, что цель манипулятора скрыта и ему определено что-то нужно.

8) Непонятные слова.

Непонятные слова имеют целью подавить слушателя «авторитетом эксперта», призваны оказать гипнотический эффект или прикрыть ложь.

9) Повторение.

Зачастую манипуляторы пользуются этим способом, чтобы четко внушить в сознание объекта манипуляции определенную мысль. Объект манипуляции не подозревает, что периодическое повторение слова, фразы действует на подсознание, которое мы плохо контролируем.

10) Прикрытие авторитетом.

Типичная манипуляция усматривается, когда в поддержку какого-то утверждения мысли привлекается авторитет из другой, не связанной с этим утверждением, области.

11) Внушение.

Это важный инструмент в руках манипулятора, когда определенная информация как бы кодируется, внушается штампами в сознание жертвы; при этом создается впечатление о собственной инициативе в принятии решения.

12) Упрощение.

Упрощая реальную проблему, не говоря о важных внешних факторах, манипулятор загоняет мысль в нужное ему направление.

13) Утверждение.

Высказывая определенную идею, даже в вопросной форме остается впечатление, что это утверждение не требуемое отрицания.

14) Активизация стереотипов.

Стремление отправителя информации настойчиво обратиться к стереотипам, подчеркнуть чувство общности – есть стремление добиться восприятия информации в соответствии с нормами поведения определенной общности в интересах манипулятора.

Следует заметить, что в литературе, посвященной изучению феномена манипуляции, отмечаются несколько иные способы манипулятивного воздействия, которые, на наш взгляд, тоже находят подтверждение в анализируемом нами материале и наряду с вышеперечисленными способами являют-маркерами манипулятивного стиля воздействия. Так, например, Т.М.Николаева, автор многочисленных работ по лингвистической демагогии, описывает следующие способы:

1) так называемые «универсальные высказывания»: не подлежащие обсуждению и сообщаются в прямой форме (например, «не обманешь - не продашь»);

2) скрытые генерализации не сообщаются в прямой форме и часто входят в высказывания с частицами определенного типа (но, же, ведь и т.д.), употреблением местоимения «мы» с размытым значением, неопределенно-личные предложения, предложения со сказуемым в страдательном залоге *говорят, считают, сказали и т.д.* Например, «Мрачный он что-то. И на толстяков порой находит тоска» скрытая генерализация: «Толстяки обычно жизнерадостны»;

3) маскировка ассерции под пресуппозицию (суждение, которое должно признаваться истинным) то есть, мысль, которую нужно внушить аудитории преподносится под видом пресуппозиции. Например, в вопросе «Каковы, по-вашему мнению, причины ухудшения экономической ситуации в стране?» признается истинность пресуппозиции «жизненный уровень снизился» [Николаева 1988: 154-161].

Основной задачей общей стилистики, по мнению Ю.М.Скробнева, является исследование «языковых механизмов создания этих [психолингвистических] эффектов, формальной структуры единиц и их последовательностей (текстовых сегментов), характера соотнесённости единиц со всей языковой системой» [Ю.М.Скробнев 1975: 26]. Рассмотрев ранее психологический и языковой механизм создания психолингвистического манипулятивного эффекта (воздействия), мы приступаем к рассмотрению собственно языковых образований (структурных элементов и единиц и их последовательностей), функционирующих в качестве «манипулятивно» окрашенных средств.

Теория стилистики, предложенная Ю.М.Скробневым, представляется удобным подходом в решении поставленной задачи потому, что «в ней рассматриваются не различия между конкретными языками, а предположительно универсальные явления, в принципе наблюдающиеся в любом высокоразвитом национальном языке» [Ю.М.Скробнев 1975: 4]. Выделяя манипулятивный стиль говорящего (независимо от языка, на котором он говорит) в особый язык (стиль), необходимо определить его соотнесённость ко всей системе языка как таковой. Для обозначения набора единиц, призванного обслуживать какую-то ограниченную речевую сферу, воспользуемся термином «субъязык» [Скробнев 1985: 21]. Следовательно, стиль представляет собой совокупность абсолютно специфических (т.е. свойственных лишь данному субъекту, индивидуально характеризующих его, отличающих его от других субъектов) конституентов данного субъекта [Скробнев 1985: 24-27].

Полагаем, что манипулятивный стиль говорящего, складывается из конституентов всех пяти традиционно выделяемых в лингвистике уровней (ярусов) языка: фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса и семасиологии. Субъязык манипулятивный складывается из таких языковых составляющих, которые способны дать довольно «размытое» представление о чём-либо, предоставить неоднозначное понимание какого-либо слова, поступка, явления и т.п., содержать дополнительные коннотации, смыслы, употребляться в переносном значении или, наоборот те, которые способны ярко и выразительно представить конкретное событие, индивида и т.п. К таким средствам относим:

На уровне фонетики – стилевое варьирование фонем, явление ассонанса и аллитерации, рифму. Варьирование фонем в зависимости от стиля речи свойственно любому языку, интернациональными в стилистике также являются звуковые повторы и рифмованная организация текста. Полагаем выявить особое функционирование фонетических средств в субъязыке манипуляций для создания определённого психологического эффекта. Не следует забывать однако, отмеченный Ю.М.Скребневым факт, что «звуки речи сами по себе не имеют определённой эстетической ценности вне их соотносённости с языковым, и, отчасти экстралингвистическим опытом индивида и коллектива» [Скребнев 1975: 92].

На уровне морфологии – синонимия морфем, вариантность категориальных форм. Синонимия (взаимозаменяемость) морфем и вариантность в употреблении морфологических категориальных форм предоставляют возможность выбора из двух или нескольких существующих вариантов. По нашему предположению, манипулятор отдаст предпочтение той грамматической форме, которая способствует приведению объекта манипуляции в определённое психическое состояние (дружеское расположение, испуг и т.д.).

На уровне лексики – употребление слов различных функционально-стилевых групп, эмоционально-окрашенных слов (включая оценочные и экспрессивные), а также лексического повтора. Использование данных лексических средств, подобно средствам других языковых уровней, стилистически значимо: полагаем, что манипулятор прибегает к использованию данных средств намеренно, с целью создания определённого психологического эффекта.

На уровне синтаксиса – переосмысление значений предложений, наличие моделей предложений, отличающихся от нейтральной (подлежащее – сказуемое) как в количественном (недостаток/избыток количества членов предложения), так и в структурном плане (нейтральное/ненейтральное размещение компонентов предложения).

Синтаксический уровень представляется наиболее сложным и, в то же время, наиболее полным языковым уровнем для лингвистического анализа, так как в нём полностью раскрываются значения составляющих других уровней языка: слов, морфем, фонем. Подобно лексическим значениям синтаксические также способны «расширять свой объем, утрачивать свою специфическую очерченность и использоваться в принципиально несвойственной им функции» [Скребнев 1975: 114].

Применительно к предложениям, отличающимся от нейтральной модели с точки зрения количества членов предложения, стилистически значимыми считаем односоставные и неполные предложения, а также

такие, которые явно «перегружены» однородными и/или распространёнными членами предложения. Относительно предложений, содержащих инвертированный порядок слов, отметим что, большинство лингвистов едины во мнении о том, что инверсия – это яркий стилистический приём, «в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности» [Арнольд 1981: 162].

Таким образом, полагаем, что особый (ненейтральный, эмоциональный) порядок слов в предложении, отсутствие или, наоборот, излишек строевых и/или второстепенных частей предложения, а также использование предложений в несобственном (непрямом) значении способствуют созданию речевой ситуации, в которой истинный смысл высказывания вуалируется манипулятором, а объект манипуляции, становясь жертвой стилистических манипулятивных уловок, в конечном счёте попадает под психологическое воздействие собеседника.

На семасиологическом уровне манипулятивными языковыми средствами служат различные тропы и фигуры. Тропы «представляют собой средство создания образов» [Скребнев 1975: 117]. Разделяя фигуры замещения на фигуры количества и фигуры качества, Ю.М. Скребнев относит последние к тропам, куда входят метонимия, метафора, ирония. Среди фигур совмещения Ю.М. Скребнев выделяет: фигуры тождества, фигуры неравенства и фигуры противоположности. Эпитет выделяется как отдельно стоящий (от фигур и тропов) стилистический приём. Считаем, что в манипулятивных целях может быть использовано любое из перечисленных средств, употреблённое в контексте таким образом, чтобы способствовать оказанию психологического воздействия.

Рассмотрев, таким образом, возможные языковые средства осуществления манипуляций, отметим, что в качестве таких средств могут служить конституенты любого языкового уровня (яруса), либо определённая комбинация из нескольких подобных средств. Полагаем, что язык как система располагает богатым набором средств осуществления межличностных манипуляций.

2.3. Проблема разграничения элементов и единиц языкового выражения манипуляций

Как показывает лингвистический анализ контекстов, в процессе осуществления манипулятивного акта адресант (т.е. отправитель манипулятивного высказывания) пользуется разнообразными языковыми приёмами, нацеленными на успешный для него исход психологического воздействия. Среди таких приёмов встречается употребление

эмоционально окрашенного слова, уменьшительно-ласкательного суффикса, неполного/односоставного предложения или, наоборот, сложной синтаксической конструкции и т.д. Использование этих и других манипулятивных возможностей языка приводит к необходимости разграничения данных языковых средств на более и менее полные (значимые) составляющие манипулятивного речевого воздействия – на его элементы и единицы.

Обратимся к словарю русского языка С.И.Ожегова для разграничения понятий «элемент» и «единица»:

Элемент – «1. Составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы.* 2. Доля, некоторая часть в составе чего-нибудь, в чем-нибудь. *Восточные элементы в русском языке.* 3. Одна из сторон, признак в содержании чего-нибудь. *Элемент историзма в изложении.* 4. О человеке, личности как члене какой-нибудь социальной группы. *Чуждый элемент. Посторонние элементы. Прогрессивные элементы общества. Злостный элемент.* 5. Простое вещество, не разложимое обычными химическими методами на составные части (спец.). *Периодическая система элементов.* 6. Прибор для получения электрического тока. *Гальванический элемент. Сухой элемент.*» [Ожегов 1984: 788].

Единица – «1. Цифра, изображающая число 1. 2. Самая низкая шкальная отметка. 3. *мн.* Последняя цифра многозначного числа. 4. Величина, которой измеряются другие однородные величины. *Единица силы тока. Денежная единица.* 5. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы.* 6. *мн.* Отдельные предметы или лица, немногие по числу. *Только единицы не выполняют плана.*» [Ожегов 1984: 159-160].

Как видно из приведённых определений, оба термина имеют по шесть лексико-семантических вариантов, из которых наиболее точно характеризующими исследуемые понятия считаем первый вариант у слова «элемент» (1. Составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы.*) и пятый – у слова «единица» (5. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы.*). В этом плане мы солидарны с А.В.Пузырёвым, чья статья «Элементы и единицы русского языкового мышления...» даёт более полное представление о функционировании элементов и единиц [Пузырёв 2002: 51-65]. Обратим внимание на тот факт, что в самом значении слова «единица» содержится определенный компонент самостоятельности, целостности, который отсутствует у слова «элемент».

По мнению Л.С. Выготского, под «единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова – в его значении» [Выготский 1982: 16]. Соглашаясь с мыслью Л.С.Выготского и принимая во внимание указанную выше точку зрения А.В.Пузырёва, считаем возможным сделать вывод о том, что элементами языка являются фонемы и морфемы, а его единицами – более сложные языковые образования.

Составляющие лексического уровня – слова, обладающие внутренним значением, часто рассматриваются как единицы лингвистического анализа. Они же выделяются многими исследователями как наиболее успешные языковые средства межличностных манипуляций. В этой связи возникает вопрос: действительно ли слова являются единицами манипулятивного воздействия?

По нашему мнению, ответ на данный вопрос кроется непосредственно в языковом материале (в нашем случае – эпизодах манипулятивных актов, взятых из народных сказок). Так, при изучении вербальной структуры манипулятивных актов представляется невозможным произвести анализ отдельно взятого слова, так как очень часто тот или иной семантический оттенок принимается им (словом) лишь в определённом контексте, тем самым лишая его некой языковой независимости, свойственной единицам как относительно самостоятельным образованиям. Подтверждение этой мысли находим у Ю.М.Скребнева, который в своей монографии «Очерк теории стилистики» отмечает, что слово невозможно мыслить без контекста. Следовательно, слова, единицы лексического яруса, подобно фонемам и морфемам, являются элементами речевого манипулятивного воздействия.

Единицами речевого воздействия, по-видимому, надлежит считать такие образования, которые содержат в себе определённую законченность и самостоятельность. Понимание текста (в нашем случае текстом является высказывание манипулятора), по убеждению Р.М.Фрумкиной, «кардинально зависит от знания грамматики (включая разумеется синтаксис) и в куда меньшей мере – от знания значений слов» [Фрумкина 2001: 176]. Не следует забывать и тот факт, что «человек думает все-таки не словами: единицей мышления, на наш взгляд, является не слово, а мысль» [Пузырёв 2002: 53]. Пользуясь терминологией А.В.Пузырёва в рамках предлагаемого им целостно-системного подхода, отметим, что на уровне мышления исследуемой единицей является мысль, на уровне языка – предложение, на

уровне речи – высказывание, на уровне коммуникации – коммуникативный акт (включающий две и более реплик).

Чтобы не быть голословными, рассмотрим несколько примеров ситуаций манипулятивного воздействия, приводимых такими психологами, как Е.Л.Доценко и В.Сергеечева. *«На расширенном заседании профкома идет распределение квартир в новом доме. Работник М., не попавший в список получающих, заявляет, что в том списке есть люди, у которых условия проживания, состав семьи и другие характеристики таковы, что он имеет большее право на получение квартиры, чем они. Председатель профкома спрашивает: «Кого конкретно вы имеете в виду?»» [Доценко 2000: 48]*

«Некоторое время назад на экранах телевизоров то и дело мелькал такой начинающий манипулятор (мы видели его рыжие кудряшки в рекламе детской жевательной резинки). Попробовав пластинку и высоко оценив ее вкус, малыш пообещал приятелям:

–Пойду еще достану,– и отправился к бабушке.

–Скушай пирожное,–предложила та.

–Нет,–возразил юный хитрец.– От него образуется кислота, а я же не могу почистить зубы прямо сейчас.

–Ну, это не проблема,–успокоила его растроганная бабушка, протянув пластик резинки» [Сергеечева 2002: 84].

В обоих примерах последним шагом манипулятивного акта явились реплики самих манипуляторов: в первом случае – вопрос *«Кого конкретно вы имеете в виду?»* (заставивший работника прекратить свое возмущение), а во втором – сложное предложение *«От него образуется кислота, а я же не могу почистить зубы прямо сейчас»*.

Что касается особого выбора лексики, то в первом примере можно выделить слово «конкретно», несущее не просто уточняющий оттенок, но и некоторую долю психологического давления на адресата; во второй ситуации следует отметить частицу «же» («я же не могу») и наречие «прямо» («прямо сейчас»). Однако употребление одних лишь вышеуказанных слов недостаточно для успешного проведения манипуляции, необходимо их упорядоченное расставление по местам, наличие взаимосвязей и контекста.

Таким контекстом становятся законченные предложения, что позволяет сделать вывод о том, что единицей манипулятивного воздействия в языковом плане является синтаксическая единица (предложение, высказывание, текст), а единицы лексического уровня языка представляются элементами, составляющими целые единицы такого воздействия (высказывания).

Обратимся к английской литературе. В пьесах одного из великих английских драматургов – Бернарда Шоу – находим немало примеров

манипуляций, звучащих из уст героев. Приведем несколько эпизодов из пьесы «Обращение капитана Брасбаунда». (Ввиду особенности речи одного из героев, Дринкуотера (Drinkwater) считаем необходимым привести перевод цитируемых отрывков, выполненный П.Мелковой.) В рассматриваемой ниже сцене происходит разговор между леди Сесили, отдыхающей туристкой, и капитаном Брасбаундом, главой команды, предоставляющей услуги эскортирования туристов. Более заинтересованным в предоставлении эскорта, по сравнению с самим капитаном, оказывается его подчиненный – Дринкуотер, так как его в первую очередь привлекает хорошая оплата; он готов сопровождать леди Сесили даже под ее руководством:

«LADY CICELY. Captain Brassbound: I don't want an escort at all. It will simply get us all into danger; and I shall have the trouble of getting it out again. That's what escorts always do. But since Sir Howard prefers an escort, I think you had better stay at home and let me take charge of it. I know your men will get on perfectly well if they're properly treated.

DRINKWATER (with enthusiasm). Feed aht o yr and, lidy, we would.

BRASSBOUND (with sardonic assent). Good. I agree. (To Drinkwater) You shall go without me.

DRINKWATER (terrified). Eah! Wot are you a syin orn? We cawn't gow withaht yer. (To Lady Cicely) Nawo, lidy: it wouldn't be for yr hown good. Yer cawn't hexpect a lot o poor honeddikited men lawk huz to ran ahrseolvs into dineger withaht naow Kepn to teoll us wot to do. Naow, lidy: hoonawted we stend: deevawdid we fall.»

«ЛЕДИ СЕСИЛИ. Капитан Брасбаунд, мне лично совсем не нужен конвой. Он только вовлечет нас в какую-нибудь опасность, и мне же придется потом выпутываться из нее. Так уж всегда получается, когда берешь конвой. Но поскольку сэр Хауард предпочитает, чтобы нас эскортировали, вам, по-моему, лучше всего остаться дома и передать командование мне. Я уверена, что отлично полажу с вашими людьми – для этого нужно только обращаться с ними по-человечески.

ДРИНКУОТЕР (в восторге). И еще как поладите, леди, ручаюсь вам!

БРАСБАУНД (с иронической уступчивостью). Хорошо. Я согласен. (Дринкуотеру.) Поедете без меня.

ДРИНКУОТЕР (в ужасе). Что? Что вы такое говорите? Мы без вас не можем. (К леди Сесили.) Нет уж, леди, так не годится. Да разве мы, несчастные, необразованные бродяги, можем идти на опасное дело без кептена? А кто нами будет командовать? Нет, леди, нет! Вместе мы стоим, по одиночке падаем»

Реплики манипулятора-Брасбаунда чрезвычайно коротки: согласие «*Good.*», нераспространенное предложение «*I agree.*» и распространенное предложение-приказ «*You shall go without me.*». Слова, составляющие данные предложения, не представляют интереса с точки зрения

манипулятивных инструментов, но краткость самих фраз и иронический тон капитана, человека решительного и непоколебимого, мгновенно заставляют его подчиненного осознать, что без руководства Брасбаунда команда ничего не сможет сделать. Таким образом, единицами высказываний, изменивших мнение Дринкуотера, являются предложения (как видно из примера, таким предложением может стать слово-согласие «Хорошо»).

В следующем отрывке приводится разговор леди Сесили с Дринкуотером, в котором она, вопреки распоряжениям капитана, пытается командовать в его отсутствие, а Дринкуотер, в силу своей обязанности, старается помешать ей. Рассмотрим, как мастерски, зная страх подчиненных перед капитаном Брасбаундом, леди Сесили устанавливает свое превосходство:

«DRINKWATER. Eah! (He runs to the door and places himself before it.) Where mawt yr lidyship be gowin?»

LADY CICELY. I'm going through every room in this castle to find a proper place to put that man. And now I'll tell you where YOU're going. You're going to get some water for Marzo, who is very thirsty. And then, when I've chosen a room for him, you're going to make a bed for him there.

DRINKWATER (sarcastically). Ow! Henny ather little suvvice? Mike yrseolf at owm, y' knaow, lidy.

LADY CICELY (considerately). Don't go if you'd rather not, Mr. Drinkwater. Perhaps you're too tired. (Turning to the archway) I'll ask Captain Brassbound: he won't mind.

DRINKWATER (terrified, running after her and getting between her and the arch). Naow, naow! Naow, lidy: doesn't you goes disturbin the Kepn. Awll see to it.»

«ДРИНКУОТЕР. Эй! (Бежит к двери и загораживает вход.) Вы куда это, ваша милость?»

ЛЕДИ СЕСИЛИ. Я хочу осмотреть все комнаты в замке и найти место, где можно уложить этого человека. А сейчас я скажу вам, куда пойдете вы. Вы пойдете и принесете Марцо воды: он хочет пить. Затем, когда я выберу для него комнату, вы приготовите там ему постель.

ДРИНКУОТЕР (саркастически). А еще что изволите приказать? Не стесняйтесь, леди, будьте как дома.

ЛЕДИ СЕСИЛИ (деликатно). Если не хотите, можете не ходить, мистер Дринкуотер. Вы, вероятно, переутомились. (Направляется к арке.) Я попрошу капитана Брасбаунда, он не откажет.

ДРИНКУОТЕР (перепуганный, бежит за ней и загораживает дорогу). Нет, нет! Что вы, леди! Зачем беспокоить кептена? Я все сделаю»

Манипулятивными высказываниями, предельно вежливо произнесенными леди Сесили, можно считать сложное условное предложение «*Don't go if you'd rather not, Mr. Drinkwater.*» и сложное бессоюзное предложение, содержащее объяснение «*I'll ask Captain Brassbound: he won't mind.*». В

качестве составляющих манипуляции стоит также отметить деликатность, с которой леди Сесили произносит первую фразу, и ее движение по направлению к двери, т.е. к капитану Брасбаунду, говорящее о решительности ее намерения. Лексические единицы, т.е. элементы, приведенных фраз маловыразительны, более эффективными предстают сами факты (намерения о действиях), изложенные в синтаксических единицах, т.е. предложениях.

В следующем эпизоде леди Сесили, выступая на суде, возглавляемом капитаном Керни, намерена склонить его к своей точке зрения и, тем самым, расположить его к себе и к подсудимому с целью вынесения оправдательного приговора:

«LADY CICELY. Well, what was he to do? He wasn't in love with Sir Howard; and he WAS in love with me. So he naturally offered to swop Sir Howard for me. Don't you think that was nice of him, Captain Kearney?»

KEARNEY. I should have done the same myself, Lady Waynflete. Proceed.»

«ЛЕДИ СЕСИЛИ. Что же ему оставалось делать? Он не был влюблен в сэра Хауарда, но был влюблен в меня. Поэтому он, естественно, предложил обменять сэра Хауарда на меня. Не правда ли, очень мило с его стороны, капитан Керни?»

КЕРНИ. Я сам поступил бы точно так же, леди Уайнфлит. Продолжайте».

Ключевой манипулятивной репликой, заставившей капитана Керни согласиться с леди Сесили, является вопросительное предложение, начинающееся с отрицательного оборота *«Don't you think that was nice of him, Captain Kearney?»* («Не правда ли, очень мило с его стороны, капитан Керни?»). Употребление подобного оборота представляется не только вежливым обращением к вышестоящему лицу, но и своеобразной уловкой дамы, нацеленной на “прибирание к рукам” капитана. Также следует отметить такие вводные слова как *«well»* («же») и *«naturally»* («естественно»), интонационное выделение глагола *«was»* («был») и наличие двух вопросительных предложений (первого и уже указанного последнего), предполагающих утвердительный ответ, в речи леди Сесили.

Таким образом, проанализировав вышеуказанные и другие имеющиеся у нас примеры, считаем возможным сделать вывод о том, что как в русском, так и в английском языках единицами манипулятивного воздействия следует считать единицы синтаксического уровня языка, а средства лексического языкового уровня представляются элементами, составляющими данные единицы, нередко придающими им особую эффективность.

§ 3. Особенности жанра народной сказки

Иллюстративным материалом нашей работы служат контексты английских и русских народных сказок. Жанр сказки, по нашему убеждению, может считаться богатейшим исследовательским материалом любого кросс-культурного исследования, поскольку сказка не только отражает многовековую мудрость того или иного народа, но и посредством своих персонажей демонстрирует живую разговорную речь, моральные устои и принципы своего народа. Напомним, что сказкой называется «один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, этическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» (БСЭ т. 23 1976: 489).

По мнению ряда учёных, сказка, одно из наиболее ярких фольклорных произведений, отражает мировоззренческое кредо народа, является формой выражения его самосознания и представляет собой миниатюрный образец той или иной культуры. В культурно-историческом плане формирование жанра классической волшебной сказки относится к этапу становления морально-этических норм общества. По мнению Б.Н.Путилова, фольклор, изначально ориентированный на общечеловеческие ценности, был включён в «процесс деятельности социальных коллективов, служил их жизненным целям путём обобщения и закрепления опыта традиции и её актуализации» [Путилов 1994: 57].

Полагаем, что текст народной сказки является полноценным материалом лингвистического исследования, так как материалом можно считать воспринятый текст, который «(целиком или фрагментарно) остаётся в сознании адресата и затем включается во вновь порождаемые тексты в виде трансформаций или прямых цитат, являясь при этом предметом рефлексии» [Мухелишвили 1997: 86-87]. Подобные тексты обозначаются современной лингвистикой как *прецедентные тексты* (термин Ю.Н. Караулова). Выделяются несколько классификаций разновидностей прецедентных текстов, во многом они различны, но есть общее, что их объединяет: все без исключения относят фольклорные произведения, в том числе и русские народные сказки, к прецедентным текстам.

За каждой сказкой как прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. По мнению Г.Г.Слышкина, «в структуре концепта прецедентного текста могут быть выделены внутритекстовые (напр. название, отдельные отрывки, имена персонажей) и внетекстовые (напр. время и ситуация создания, отношение к тексту со стороны социальных институтов) аспекты прецедентности» [Слышкин 2000: 45].

В устном поэтическом творчестве нашли своё выражение концепты различных культур, что повлияло на организацию языка фольклора. Как отмечает Е.Б.Артёменко, на собственное значение (лексическую и грамматическую семантику) языковой/речевой единицы наложились культурные традиционные фольклорные смыслы, обуславливая тем самым «двойной», иерархический характер плана содержания этих единиц [Е.Б.Артёменко 2006: 11–21]. Изучая речевые контексты, представляющие собой манипулятивное воздействие одного персонажа на другого, мы прежде всего исследуем речь индивида, в которой, по словам И.М. Румянцевой, «как в зеркале, отражается весь внутренний мир человека, его характерные психологические черты, свойства и состояния» [Румянцева 2006: 100]. Считаем возможным в этой связи произвести проекцию на речевые характеристики человека манипулирующего, как представителя определённой лингвокультуры.

Итак, народные сказки вобрали в себя социальный строй, стереотип мышления и психологический портрет создателя (т.е. самого народа). Кроме того, сказка – интернациональна, она не может изучаться «в рамках одной народности» [Пропп 1986: 33]. Подтверждение данной мысли находим у А.Н.Афанасьева в его предисловии к 1-му выпуску «Народных русских сказок» (1854): «Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени. <...> Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался язык, создавались и народные верования, и верная их представительница – народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа на рождение слова не подлежит сомнению. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намёков на седую старину доисторического периода, ибо они суть обломки древнейшего поэтического слова – эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов, – для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдалённых одна от другой местностях и столь разную историческою жизнью» [Афанасьев 2004: 23-24].

Так, можно говорить о том, что в тексте сказки находят некоторое сближение разные, на первый взгляд, культуры. Сам текст в данном случае «выступает как единица общения, как своеобразный посредник, сближающий коммуникантов, разделённых в реальном времени и пространстве» [Борисова 2007: 5].

Как отмечает К.Ф.Седов, «речевое мышление имеет принципиально жанровую природу» [Седов 2002: 42]. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в различных коммуникативных

условиях, по мнению ученого, опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы. Тот или иной тип речевого жанра определяется коммуникативной ситуацией, а его функционирование – жанровой компетентностью языковой личности [Седов 2002: 42-43]. Данное утверждение представляется верным независимо от языка, используемого языковой личностью. В этой связи полагаем, что механизмы порождения и восприятия сказки как одного из жанров фольклорного творчества у представителей как англоязычной, так и русскоязычной лингвокультуры будут в значительной мере схожими, и, что более важно, порождение речи героев сказок и их восприятие друг друга как языковых личностей также обнаружат значительные сходства.

Фольклорный жанр сказки определяет особый язык художественной литературы. В качестве базовой стилевой черты художественной речи М.Н.Кожина выделяет своеобразие художественно-образной речевой конкретизации, включающей следующие компоненты: 1) намеренно созданная организация языковых средств (например, «красна девица» вместо «красивая девушка»; “man of mine” вместо “my man” и др.); 2) перевод слова-понятия в слово-образ и создание на его базе новых, индивидуально-неповторимых образов (например, отец-мать (родители), хлеб-соль (еда, угощение, радушие); 3) активизация с их помощью читательского воображения [Кожина 1972: 91-92].

Наиболее ярким для современного исследователя представляется лексическое наполнение сказки как художественного произведения. Проводя анализ лексического состава языка/речи сказочных персонажей, создающих в процессе общения манипулятивный акт, отметим тот факт, что лексический пласт средней и максимальной степеней сниженности (терминология Ю.М.Скребнева) образован, в первую очередь, просторечными словоформами, характерными для эпохи создания и сбора изучаемых фольклорных произведений. В этой связи считаем неправомерным выделять в качестве манипулятивных лексических единиц те, которые составляют специфику жанра (т.е. коллоквиальные, просторечные, вульгарные и, наоборот, книжно-литературные, поэтические и архаичные лексические единицы). Без употребления указанной лексики сказка, на наш взгляд, потеряла бы свою самобытность и утратила бы истинно народный характер произведения.

Употребление диалектизмов, ярко характеризующих личностный портрет говорящего, также не может быть показательным в исследовании речи персонажа-манипулятора, в силу того, что русские народные сказки записывались А.Н.Афанасьевым на всей территории Российского государства (среди областей, в которых он записывал народные сказки, Александр Николаевич отмечает Архангельскую, Астраханскую, Брянскую, Вологодскую, Воронежскую, Гродненскую, Калининскую, Курскую, Московскую,

Орловскую и др.), а английские народные сказки, в свою очередь, собраны в различных районах Объединённого Королевства: Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. На наш взгляд, исследуемые англоязычные сказки правильнее было бы назвать британскими народными сказками, в чём мы полностью солидарны с авторами перевода народных сказок с английского языка на русский Н.Шерешевской и М.Литвиновой, чьи работы представлены в сборниках «Сказки Британских островов» 1992 и 1993 г.г..

Принимая во внимание специфику изучаемого материала, считаем, что жанр народной сказки может и должен рассматриваться как жанр художественной литературы, обладающий всеми необходимыми характеристиками лингвистического материала, представляющего исследовательский интерес. Подтверждением этому служат многочисленные недавние исследования сказки как в культурологическом, так и в лингвистическом плане.

Так, Л.А.Иткулова, рассматривая диалектику нравственного выбора в народной сказке, считает сказку отражением общего уровня нравственности [Иткулова 1995: 50-53]; И.Н.Кольцова выделяет социокультурные функции народной сказки в качестве основополагающих [Кольцова 2000: 21-26]; И.В.Павлютенкова считает сказку наилучшим «отражением народного кредо» [Павлютенкова 2003: 33]. В своей работе О.В.Волощенко отмечает, что «русская сказка отражает языковые основы фольклора» [Волощенко 2006: 28]. Х.Г.Косогорова, подробно изучая синтаксис диалогических контекстов народных сказок, находит речь героев сказок «уникальной, полной фольклорного разнообразия» [Косогорова 2006: 76].

Изучая манипулятивный (и неманипулятивный) стиль говорящего, из всего объема сказки нами выделяются контексты, описывающие речевое манипулятивное воздействие. Наличие контекста, как отмечалось ранее, играет столь значительную роль в ходе выполнения лингвистического исследования в первую очередь потому, что реализация речевого действия немислима без ряда экстралингвистических параметров (намерения/интенции говорящих, их психологическое состояние, отношение друг к другу и т.п.), во-вторых, потому, что успех (неуспех) проделанной манипуляции возможно определить лишь по ответной реакции адресата, которая не всегда имеет выражение в речи. Рассмотрение речевой ситуации в целом (т.е. в контексте), говоря словами А.Р.Балаяна даёт «возможность «замедлить мгновение» и проанализировать с функциональной стороны обмен репликами, имея широкую информацию о контексте, ситуации» [Балаян 1971: 8].

Проводя лингвистическое исследование на материале живой, разговорной речи, следует помнить, что «разговорный язык – это «в некотором

смысле минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первичная система, важнейшая по диапазону общественной и индивидуальной значимости» [Скребнев 1985: 9]. Отметим также, вновь ссылаясь на мнение Ю.М.Скребнева, что «только текст, речевое произведение, т.е. некоторая конкретная синтагматическая (линейная) структура, а отнюдь не речь (неповторимый процесс порождения текста) представляет собой интересующий лингвиста материал...» [Скребнев 1985: 18].

Далее предлагается рассмотреть, какие именно языковые средства формируют элементы и единицы межличностных манипулятивных воздействий, представленных в речевом выражении героев английских и русских народных сказок. Помимо лингвистических методов, применяемых при анализе изучаемых контекстов, в работе использованы статистические методы с целью повышения достоверности исследования. Достоверность математического подсчёта анализируемых лингвистических явлений (например, наличие положительно/отрицательно окрашенной лексики, соотношение типов предложений-высказываний и пр.) выверяется посредством применения формулы χ^2 критерий («хи-квадрат критерий»), предложенный Б.Н.Головиным. «Математическая теория и многочисленные опыты применения критерия «хи-квадрат» говорят о том, что он удобен для решения многих задач (определение величины и характера колебания частот около средней, сравнение обобщённых представлений о величине колеблемости изучаемых явлений, статистическое сравнение частот одного и того же явления в двух разных совокупностях и т.д.). <...> И чем больше сравниваемые частоты, тем сильнее чувствительность и бракующая сила критерия «хи-квадрат» [Головин 1971: 33]. По мнению учёного, «лингвистам можно рекомендовать применение критерия «хи-квадрат», когда сравниваемые частоты находятся в промежутке от десятка-двух до нескольких сотен» (там же).

Формула хи-квадрат имеет следующий вид:

$$\chi^2 = \sum (x_i - x)^2 / x,$$

где x_i – наблюдаемые частоты,
 x – средняя выборочная частота,
 Σ – знак суммирования.

Так, например, чтобы определить одинаково ли используются субъектами манипуляций (в английском и русском языках) односоставные предложения – высказывания (см. таблицу № 8 Приложения), нам необходимо суммировать выявленные количества односоставных предложений в обоих языках, используемых субъектами манипуляции, далее разделить полученное число на сумму общего количества высказываний субъектов

манипуляции и затем умножить результат деления на величину каждой выборки:

а) $132+306= 438$;

б) $329+409 = 738$;

в) $438 / 738 = 0,59$;

г) $0,59 \times 329 = 195,26$ (195);

д) $0,59 \times 409 = 242,74$ (243);

$\chi^2 = (132 - 195)^2 / 195 + (306 - 243)^2 / 243 = 36,68$.

Исходя из таблицы числовых значений «хи-квадрат критерий», максимально допустимым числом вероятности является число 3,84 [Головин 1971: 31]; следовательно, полученное нами значение 36,68 выходит за рамки статистической вероятности и является доказательством того, что односоставные предложения-высказывания не одинаково используются субъектами манипуляции в английском и русском языках (см. таблицы № 8 и № 12 Приложения).

Результаты статистического подсчёта лингвистических явлений в манипулятивных контекстах народных сказок и числовые значения этих явлений, рассчитанные по формуле «хи-квадрат критерий» представлены в таблицах Приложения.

Таким образом, сказка, как отражение той или иной лингвокультуры, представляет собой богатый материал для исследования социального, психологического и лингвистического аспектов феномена манипуляции. Рассматривая функционирование лингвистических средств манипулирования в английском и русском языках, обнаруживаем определённые сходства и различия в их использовании объектом и субъектом манипулятивного акта. Использование формулы «хи-квадрат критерий» позволяет говорить о статистической значимости полученных результатов, т.е. о релевантности обнаруженных сходств или различий.

Рассмотрев явление манипуляции на уровнях мышления и языка используемой нами тетрахомотии мышление – язык – речь – коммуникация, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Манипуляция – это особый вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и приводящим к получению определённой выгоды субъектом манипуляции за счёт разрушения её объекта.

2. Манипуляцию следует рассматривать как явление социолингвистическое и психолингвистическое одновременно, так как манипулятивное воздействие возникает лишь в определённом социуме из определённых психологических установок людей, взаимодействующих в данном социуме, и реализуется посредством языка (лингвистическая составляющая манипуляции).

3. Манипулятивное воздействие, подобно другим видам психологического воздействия, имеет собственные структуру и механизм протекания, что является основанием для выделения таких видов манипуляций, как осознанный и неосознанный, вербальный и невербальный, продуктивный и непродуктивный и др. В центре внимания данного исследования находятся вербальные (речевые) манипуляции, попадающие под определение данного феномена.

4. Язык, как система, созданная для общения людей и их воздействия друг на друга, содержит в себе определённые предпосылки межличностного манипулирования: полисемия слов, трансформация значений, научный, заимствованный характер некоторых языковых единиц и др.

5. Использоваться в качестве инструментов манипуляции могут составляющие любого языкового уровня: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, семасиологического.

6. Народная сказка, как один из видов прецедентного текста, отвечает всем требованиям, предъявляемым к материалу лингвистического исследования. Живая, разговорная речь героев сказки, составляющая объект изучения в данной работе, отражает лингвокультурологические особенности исследуемых культур: англоязычной и русскоязычной.

7. Необходимость применения статистических методов (в нашей работе – определение достоверности расхождения полученных значений по формуле «хи-квадрат критерий») в лингвистических исследованиях, на наш взгляд, очевидна, так как доказывает истинность той или иной гипотезы.

8. Проводя лингвистический анализ того или иного манипулятивного акта (контекста), следует разграничивать его составляющие на относительно самостоятельные, полнозначные структуры (единицы) и формирующие их несамостоятельные образования (элементы). За единицу манипулятивного воздействия следует принять высказывание манипулятора, элементами которого выступают составляющие фонетического, морфологического и лексического уровней языка.

2. ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНВАРИАНТНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ

§ 1. Языковые средства манипуляций в английских и русских народных сказках

Как отмечалось ранее, при осуществлении манипулятивного акта затрагиваются все пять традиционно выделяемых в лингвистике ярусов языка, а именно: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семасиологический.

1.1. Фонетические средства

Большинство лингвистов, Р.И. Аванесов, Л.Л. Буланин, М.В. Панов, Н.М. Шанский и др. едины во мнении, что звуковая материя языка – основа его существования, она является той базой, которая «позволяет языку быть средством общения людей, т.е. выполнять коммуникативные задачи» [Аванесов 1984: 6].

Единицами фонетического уровня языка (единицами фонетического уровня, а не манипулятивного воздействия!) являются фонемы. Фонемы тогда становятся явлением языка, когда они выступают как единицы функционального плана. Фонемы – строительный материал для значимых единиц языка, к которым относятся морфемы, слова и более сложные образования. Фонемы служат их языковой оболочкой, так называемым «планом выражения» [Реформатский 1979: 30]. Данная функция фонем называется конституирующей [СРЯ ч. 1 2002: 79]. Помимо конституирующей функции фонемы также обладают сигнификативной (смыслоразличительной) и перцептивной (идентифицирующей) функциями. В данной работе остановимся подробнее на такой функции фонем, как стилеобразующая. Вслед за Ю.М. Скребневым полагаем, что некоторые варианты фонем выявляют стилевую принадлежность того или иного слова (или текста) к определенной сфере, т.е. определяют его стиль.

Манипулятивный стиль говорящего на уровне фонетики, по нашему мнению, образуется посредством стилеобразующей функции фонем, что находит своё выражение в явлениях: 1) стилевого варьирования фонем (наличие так называемых фонетических дублетов), 2) звукового повтора (явления аллитерации и ассонанса) и 3) рифмованной организации текста (рифмы).

1) Стилевое варьирование фонем в английском и русском языках представлено в виде использования дублирующих фонем, придающих определённую стилистическую окраску тому или иному слову, а иногда – всему предложению.

В русском языке стилеобразующими свойствами обладают как гласные, так и согласные фонемы, например: *этакая* («такая большая туша»), *упущу* («[хвост] в прорубь упущу»), *спросясь*, *взойти* («не спросясь, не смеет взойти»), причём в первых трёх примерах (*этакая*, *упущу*, *спросясь*) употребление указанных фонем придаёт несколько сниженную окраску всему слову, что приравнивает данную лексическую единицу к стилю просторечия. В последнем примере (*взойти*) нейтральный вариант «войти» с употреблением фонемы [з], наоборот, приобретает оттенок возвышенного стиля. Интересным в данном контексте представляется следующий эпизод из русской народной сказки «Лиса-исповедница»:

«Зело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на висоце древе, говорит ему ласковые словеса: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на висоце древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые; вы держите жен помногу: кто держит десять, кто - двадцать, инный - тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдется, тут и дерется о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела». - «О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в инное время». - «О милое мое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умреш». - «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать». - «О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на висоце древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен».

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал опускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти...».

Обратим внимание на тот факт, что данная сказка, большей частью состоящая из прямой речи героев – петуха и лисицы, целиком (включая слова автора/рассказчика) написана с использованием возвышенного стиля, что в сочетании с тривиальным сюжетом – лиса подманивает к себе петуха – создает комический эффект. Рассмотрим подробнее функционирование фонетических средств в данном контексте: употребление фонетических дублетов *петел – петух*, *высоций – высокий*, *древо – дерево*,

инный – иной (другой), сниди – сойди (вниз), спустись и т.п. служит приданию максимально повышенной эстетической ценности (см. Ю.М.Скрёбнев 1975) и способствует (за счёт неоднократных повторений) образованию поэтического стиля всей сказки.

Преобладающей гласной фонемой всего отрывка является фонема [о] и её безударные варианты [а] и [ъ]. Так, в речи манипулятора-лисы встречаются 23 фонемы [о], 36 фонем [а] и 6 фонем [ъ], в речи петуха (объекта манипуляции) – 7, 12 и 4 соответственно. Учитывая, что количество реплик лисы и петуха соотносятся как 12 к 5, можно говорить о том, что в речи субъекта манипуляций действительно преобладают ударный вариант фонемы [о] и её безударный редуцированный 1-ой степени вариант [а].

Как отмечают фонетисты, фонема [о] свойственна в большей степени высокому стилю, чем просторечию или разговорной речи [Панов 1990: 167]. Приведем в подтверждение тот факт, что во второй половине XVIII - первой половине XIX в. высокий стиль литературного произношения требовал оканья, что также было представлено и в стихотворной речи [СРЯ ч. 1 2002: 145]. Язык сказки, подобно другим литературным жанрам, следовательно, претерпевает определенные стилистические изменения посредством преобладания той или иной фонемы.

В английских народных сказках находим пример аналогичного явления фонетической стилистики – вариативность фонем в составе стилистически значимых лексем. Приведем пример из шотландской народной сказки «Habitrot/ Хэбитрот» (в английском варианте данная сказка имеет название «Scantlie Mab and Habitrot»; выбор шотландской версии обусловлен более стилистически маркированной, с точки зрения фонетики, речью героев):

«A laird, who chanced to be riding by, heard the exclamation, but could not understand it; so he rode up and asked the gudewife what was the matter, on which she spoke out again –

*Ma daughter's spun se'en, se'en se'en,
Ma daughter's eaten se'en, se'en se'en,
Before daylight; and if ye dinna believe me,
Why come in and see it.*

The laird's curiosity was groused; he alighted and went into the cottage, where he saw the yarn, and admired so much, he begged to see the spinner.”».

«Благородный господин, которому случилось проезжать мимо, услышал пение, но не смог понять ни слова, поэтому он подъехал и спросил женщину, не случилось ли у неё чего-нибудь, на что она вновь протянула:

*Ma дочь связала сем, сем, сем,
Ma дочь съела сем, сем, сем,
И всё до захода солнца, а если Вы мне не верите,
То зайдите в дом и посмотрите сами.*

Любопытство одолело господина, он спешился и вошёл в дом, где увидел пряжу, которая была настолько восхитительна, что он стал умолять показать ему и пряжу». (Здесь и далее – перевод наш.)

Употребление фонетических дублетов, свойственных просторечию *ta* (норма – *tu*), *se 'en* (норма – *seven*), *ye* (норма – *you*) за счёт замены гласной *y* на *a* (*tu* – *ta*), выпадения согласной *v* (*seven* – *se 'en*), усечения гласных (*you* – *ye*), несомненно, придаёт словам женщины определённое своеобразие, которое не остается незамеченным (ср. с русск.: «ма – моя» и «сем – семь»), что и служит манипулятивной целью адресанта: женщина стремится привлечь внимание благородного господина и затем познакомить его со своей дочерью.

2) Звуковые повторы как с использованием гласных (ассонанс), так и с использованием согласных (аллитерация) выявлены нами, главным образом, в речи манипулятора. Напомним, что под *ассонансом* мы понимаем повторение на небольшом расстоянии друг от друга одних и тех же гласных звуков; под *аллитерацией* – смежное или близкое расположение в тексте двух и более слов, начинающихся на один и тот же согласный звук или сочетание согласных звуков.

В приводимом выше отрывке из сказки «Лиса-исповедница» в словах лисы обнаруживаем следующий рифмованный комплекс: «Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен». Ударные гласные [и] *пониже* – *поближе* и [о] *прощён* – *разрещён* – *допущён*, образуя яркое созвучие в заключительной реплике лисы, будто «впечатываются» в мозгу петуха и, узнав «на своей душе тяжкий грех», он решает спуститься за «покаянием».

Укажем также на наличие столь сильных по своему воздействию на адресата фонетических стилистических приёмов в речи манипулятора (в приводимом ниже примере таким приёмом является аллитерация), что объект манипуляции, испытывая на себе не только психологическое, но, по-видимому, и звуковое давление, склонен к произнесению звуков (вернее – слов с использованием звуков) идентичных тем, что употребляет субъект манипуляции, и, как следствие, выполняет имплицитированное манипулятором действие. В приводимом ниже отрывке из сказки «Кот и лиса» выделенные нами буквы в речи героев передают наиболее значимые фонемы высказываний: [ш] и [р]. Употреблённые первоначально манипулятором лисой, указанные согласные фонемы переходят в речь субъектов манипуляции – медведя и зайца:

«Ах ты, толстопятый медведь, и ты, косою заяц! Как была я вдовой, бывало, ни один из вас не проходил мимо моей норы, а как вышла замуж, то каждый день шляется: ишь какие дороги проторили! Смотрите, как бы вас Котай Иванович по шее не проводил!» вот, идучи дорогой, медведь и сказал зайцу: *«Что, брат, у неё за муж такой – Котай Иванович? Ужли*

больше меня?» А заяц: «Ужли притче меня? Пойдем-ка завтра, посмотрим на него».

Прежде чем обратиться к англоязычным примерам, приведём интересное относительно функционирования звуковых повторов суждение Ю.М. Скребнева: «Речевое восприятие англичанина в силу некоторых исторических причин (ударение на первом слоге в большинстве слов древнеанглийской эпохи) активно реагирует на одинаковость начальных согласных, и поэтому англичане значительно шире пользуются аллитерацией не только в поэзии, не только в устойчивых фразеологических оборотах (*busy as a bee, part and parcel, forget and forgive* и т.д.)» [Скребнев 1975: 133]. В шотландской народной сказке «*The Brazen Brogues/ Медные башмаки*» читаем (субъект манипуляции – главный герой сказки Жиль Макдональд, объект манипуляции – великан, к которому Жиль попал в плен):

«“Is that the very biggest you can make yourself?” said Gille Macdonald, not to be taken off his guard.

“Yes,” said the giant, “it is, and bigger than what you’ve been accustomed to.”

At this Gille Macdonald burst out laughing.

“You’ll excuse me,” said he, “but you’ll be like a baby beside him, if that’s all you can do.”

At this the giant, in a great state of trepidation, again strode to the fireplace, and kicked the blazing logs about from one side of the hearth to the other in a most vicious manner, just to hide the fright he was now in.

“I think you had better be off at once,” said he. “I wish I had never seen your ugly face.”»

«Это самое большее, каким ты можешь стать?» – спросил Жиль Макдональд, не спуская с великана глаз.

«Да, – сказал великан, – и заметь, это – больше, чем то, к чему ты привык».

Услышав это, Жиль Макдональд расхохотался.

«Ты уж прости меня, – сказал он – но ты просто ребёнок в сравнении с ним, если это всё, что ты можешь делать».

При этих словах, весь дрожа, великан шагнул к камину и, чтобы скрыть нарастающий страх, он со злостью швырнул ногой пылающее полено так, что оно отлетело к дугой стороне очага.

«Думаю, тебе лучше сейчас же уйти, – сказал он. – Лучше бы я никогда не видел тебя».

Фраза Жилия *«You’ll excuse me but you’ll be like a baby beside him...»* содержит аллитерацию, основанную на повторении согласного [b]. Более того, аналогичное явление встречаем в ответной реплике великана: *«I think you had better be off at once»*. Считаем, что подобное сходство в употреблении указанных стилистических приёмов в англоязычной и

русскоязычной художественной литературе заслуживает отдельного, более глубокого исследования; в данной работе мы лишь констатируем наличие указанных явлений в связи с тем, что они, наряду с другими стилистическими приёмами, способны формировать манипулятивный стиль говорящего.

Итак, явление звуковых повторов, находящих своё речевое выражение в виде явлений ассонанса и аллитерации, не только способствует формированию особого (манипулятивного) стиля отправителя речи, но и обладают довольно сильным эффектом психологического давления, что подтверждается репликами объектов манипуляции, содержащих в своем составе звуковые повторы, употребленные субъектом манипуляции.

3) Рифма, как одно из наиболее сложных явлений стилистической организации текста на уровне фонетики, также способна функционировать в качестве манипулятивного речевого приёма. Рифма – это «более или менее совпадение акустических впечатлений, вызываемых у слушателя двумя ударными (и, часто, окружающими их безударными) слогами – как правило, не смежными, а разделенными группой других слогов» [Скребнев 1975: 131-132]. Рифма тесно связана с явлениями ассонанса и аллитерации. Употребление рифмованных строк отмечено нами в речи манипулятора как в англоязычных, так и в русскоязычных сказках, например:

Петушок, петушок,

Золотой гребешок,

Масляная головка!

Вот тебе с семечком лепешка.

У Карпова двора

Приукатана гора.

Стоят санки-самокатки;

Они сами катят,

Сами ехать хотят! (из сказки «Кот, петух и лиса»);

Жил жилец,

На кустике дворец;

У него пять овец,

Шестой жеребец,

Седьмая телка (из сказки «Волк»);

*Woe's me! Woe's me!
The acorn's not yet
Fallen from the tree,
That's to grow the wood,
That's to make the cradle
That's to rock the bairn,
That's to grow the man,
That's to lay me.
Woe's me! Woe's me!* (из сказки «The Cauld Lad of Hilton»);

*О, горе мне! горе!
Не упал с ветки жёлудь,
Что станет дубочком,
Что пойдёт на люльку,
Где заснёт ребёнок,
Что станет мужчиной,
Что меня уволит!
О, горе мне! горе!* (перевод И. Холмской)

*Kind sir, if the truth I must tell,
At the sign of the "Basin of Water" I dwell.* (из сказки «Catskin»).

*Достопочтенный господин, по правде говоря,
Живу я у таза с водой* (из сказки «Catskin»).

Рифмованное оформление текста (в нашей работе таким текстом часто выступает одно предложение-высказывание) призвано оказать на слушателя более яркое (в сравнении с прозой) акустическое впечатление (буквально впечатывание на подсознательном уровне), и, тем самым, произвести необходимый эффект давления на манипулируемого для принятия запланированного манипулятором решения.

Подводя итог сопоставительного сравнения речевого функционирования фонетических средств в качестве манипулятивных приёмов, отметим, что употребление стилового варьирования фонем (фонетических дублетов), звукового повтора и рифмы инвариантно для английского и русского языков. Вариативным является функционирование видов звуковых повторов: русскоязычный отправитель речи с целью создания

манипулятивного воздействия склонен в большей степени к употреблению ассонанса, а англоязычный отправитель тяготеет к использованию аллитерации. Объяснение подобных различий кроется, на наш взгляд, в структурных особенностях языков: сохранение ударения на каждом знаменательном слове в речевом потоке предоставляет русскоязычному адресанту большие (в сравнении с английским языком) возможности употребления ассонанса. Более строгие правила употребления английского ударения заставляют говорящего опираться на независимые от ударения согласные звуки. В целом, применение в манипулятивных целях средств фонетического языкового уровня как в английских, так и в русских высказываниях способствует созданию яркого (порой неосознаваемого) звукового образа, воздействию с его помощью на адресата и успешному проведению манипулятивного акта.

1.2. Морфологические средства

Внутри морфологического яруса языка нами были предположительно выделены такие средства осуществления речевого манипулирования, как синонимия морфем и вариантность в употреблении категориальных форм.

Синонимия морфем.

Морфему (от греч. «форма») в плане словообразования часто рассматривают как строительный материал, используемый в процессе образования новых слов, в плане морфологии – как материал, обеспечивающий образование грамматических форм, грамматических категорий и грамматических классов слов [Лопатин 1977: 4]. Современные лингвисты (А.И.Моисеев, В.Н.Немченко, Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов и др.) определяют морфему как минимальную значимую единицу языка, характеризующуюся следующими признаками: материальностью, значимостью, воспроизводимостью, минимальностью, повторяемостью, структурной соотнесённостью [СРЯ: ч. 1 2002: 442-443].

В нашей работе остановимся подробнее на значимом, точнее – словообразовательном признаке морфемы, т.к. именно он позволяет различать синонимичные морфологические образования. По словам Ю.М.Скребнева, «Синонимия морфем обнаруживается, в первую очередь, в области аффиксальной морфемки, т.е. в языках с развитой флексией» [Скребнев 1975: 94]. Это утверждение верно не только для русского языка, но и для английского, так как, являясь языком аналитического строя, в нём всё же сохранились некоторые синтетические структуры. Так, в английских народных сказках нами выявлены следующие синонимичные образования: *thou/ye – you* (им. п.), *thee – you* (косв. п.), *thy – your*, *ma – my*, *ain't – isn't*, *nay – no*, *laird – lord*, *ally – lady* (синонимия корневых морфем); *a-do – do* (синонимия префиксов), *(he) hath – has* (синонимия суффиксов) и др. Одни

словоформы относятся к архаической лексикологической группе (*thee, thy, hath*), другие – к просторечию (*ain't, a-do, nay*), третьи – к диалектизмам (*ye, ma, laird, ally*). Однако манипулятивными характеристиками обладают только те из них, которые обнаруживаются в речи манипулятора и отсутствуют в речи объекта манипуляций. Количество подобных примеров в англоязычных манипулятивных актах незначительно, т.е. чаще всего архаичный, просторечный и/или диалектный речевой стиль сохраняется в речи как субъекта, так и объекта манипуляций, в связи с чем считаем возможным констатировать наличие отдельных случаев употребления манипулятором синонимичных морфологических форм с целью создания психологического давления на адресата. Приведём в качестве примера отрывок из сказки «The Tale of the Shifty Lad, the Widow's Son/ Сказка о ловком хитреце, вдовьем сыне», в котором главный герой – the Shifty Lad (Хитрец), ссылаясь на собственный опыт, уговаривает своего наставника (и одновременно соперника) попробовать такое увлекательное занятие, как быть повешенным:

«The Shifty Lad took the cord off his neck, and he said to the Black Rogue, “Thou thyself hast not ever tried anything that is so funny as hanging. If thou wouldst try once, thou wouldst have no more fear for hanging. I was shaking my legs for delight, and thou wouldst shake thy legs for delight too if thou wert aloft.”

Said the Black Rogue, “I will try it too, so that I may know what it is like.”».

«Ловкий Хитрец снял верёвку с шеи и сказал Чёрному Вору:

– Ты сам-то ведь никогда не пробовал ничего такого весёлого, как быть повешенным. Если бы ты попробовал хоть раз, то перестал бы бояться виселицы. Я дрыгал ногами от удовольствия, и ты бы ими задрыгал от удовольствия, если бы был повешен.

Чёрный Вор сказал:

– Я попробую, чтобы знать, на что это похоже».

В отличие от своей жертвы Хитрец (the Shifty Lad) использует следующие формы: *thou (you), thy (your), thyself (yourself), hast (has), wouldst (would), wert (were)*, которые считаются устаревшими в современном английском языке. Заметим, что в рассматриваемой сказке объект манипуляции – the Black Rogue (Чёрный вор) – употребляет в речи привычные нам формы *would, were* и др., что позволяет говорить о манипулятивном речевом стиле главного героя, намеренно использующего архаичные формы личных местоимений (*thou, thy, thyself*) и вспомогательных глаголов (*hast, wouldst, wert*). Неоднократное повторение подобных форм в речи создаёт у жертвы манипуляции иллюзию того, что говорящий придерживается старых традиций не только в речевом общении, но в жизни в целом. Поддержание старых традиций часто ассоциируется с чем-то положительным, добрым (ср., например, следующие понятия: мой

старый добрый друг – a good old friend of mine, старая добрая сказка – a good old fairy tale). По-видимому, на подобное ассоциирование и, как результат, доверие и душевное расположение рассчитывает главный герой сказки «The Tale of the Shifty Lad, the Widow's Son/ Сказка о ловком хитреце, вдовьем сыне».

Синонимия морфологических форм довольно широко представлена в русском языке, в частности – в речи героев народных сказок. Наиболее часто морфологические синонимы встречаются в эмоционально-оценочной лексике, преимущественно в именах существительных, образованных при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, создающих положительные коннотации: *мужичок (мужик), рыбка (рыба), куманёк (кум), головушка (голова), зайнька (заяц)* и т.п.; а также посредством суффиксов, имеющих обратное (отрицательное) значение: *дурачина (дурак), обжорище (обжора)* и др.:

«Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и розорвало, а и тебя бы Тугарина так за столон-то всего прирвало!» Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алеша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца».

Среди глагольных форм наиболее употребительными, с точки зрения морфологической синонимии, являются формы прошедшего времени несовершенного вида: *слыхивал, слышал – слышал, видывал – видел, ездил – ездил, не бывало – не было, едали – ели*; а также настоящего времени несовершенного вида: *похваляться – хвалиться, сказывать – рассказывать, проявляться – являться* и т.п.. Данные формы более ярко подчёркивают неоднократность, длительность действия, на котором необходимо сосредоточить внимание объекта манипуляции, например:

«Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит: «Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?» – «Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно – больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному!»

В том дворце живет Настасья прекрасная королева. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять».

Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему сказывать: «Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королеву, а мне про то ничего не докладываешь?» – «Помилуйте, ваше величество! – отвечает Иван крестьянский сын. – Мне того и во сне не снилось». – «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь – то мой меч, твоя голова с плеч!».

Среди имён прилагательных нами выявлены по большей части префиксально образованные формы, передающие высшую степень проявления того или иного признака: **превысокий** (см. предыдущий пример), **премудрый** (Василиса Премудрая), **прекрасный** (от прил. «красный» – «красивый»), **тридесятый**, **превеликий** и др. В речи героев-манипуляторов также нередки краткие формы прилагательных, например: *светел, часты, ретив, скор, хорош, горазд, худ, глуп* и т.п. В современном русском языке, как отмечают отечественные филологи, указанные формы чаще всего функционируют в предложении в роли, однако в фольклорном жанре краткие формы прилагательных сохраняют свою первоначальную функцию – функцию определения:

«Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка его удерживает: «Это что за чудо! Вот диво – так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть три братца родные – по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды!».

Подводя итог сравнительного анализа использования синонимии морфологических форм с целью придания манипулятивного характера тому или иному высказыванию, отметим, что как англоязычные, так и русскоязычные субъекты манипуляций чаще употребляют просторечные формы, что несколько «сближает» их со своими жертвами; однако в английском языке наибольшую представленность морфологических синонимов обнаруживаем среди местоимений (преимущественно личных) и многофункциональных глаголов (во вспомогательной функции *could, would, have* и т.п. и в смысловозначительной функции *to be, to do*). В русскоязычном тексте народной сказки нами выявлены синонимичные варианты на уровне морфологии в именах существительных (наибольшая представленность), главным образом, за счёт суффиксальных образований эмоционально-оценочного характера; в именах прилагательных – посредством прибавления префиксальных (*пре-*) и суффиксальных (суффиксы кратких прилагательных) морфем; в глаголах – при помощи суффиксов *-ива-, -ыва-, -а-* и др., образующих морфологические синонимы форм несовершенного вида.

Вариантность категориальных форм.

Согласно лингвистическому словарю, языковая категория – это «в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС 1990: 215]. Под вариантностью некоторых категориальных форм мы понимаем наличие различных способов функционирования тех или иных языковых единиц с точки зрения их принадлежности к определённой категории. Категориальные формы глагола, как показывает исследуемый материал, демонстрируют наибольшую вариантность в сравнении с другими частями речи. Данный факт представляется вполне закономерным. В английском и русском языках глагол является частью речи, которая «обозначает процесс, развёртывающийся во времени» [Головин 1983: 128]. Глагол имеет категории залога, времени, наклонения, числа, лица и др. Из перечисленных категорий наиболее часто в обоих языках представлены категории наклонения и времени.

Категория наклонения отражает «отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [СРЯ ч. 2 1987: 195]. По значению, средствам и способам передачи модальных значений в русском языке различают три наклонения: изъявительное (индикатив), сослагательное (конъюнктив) и повелительное (императив). В английском языке принято выделять четыре наклонения: индикатив (Indicative), императив (Imperative), конъюнктив (Conditional) и субъюнктив (Subjunctive). Соглашаясь с мнением М.Я.Блоха о том, что субъюнктив (“subjunctive”) следовало бы назвать конъюнктивом (“conjunctive”) в силу выражаемых им, подобно сослагательному наклонению, нереальных действий [Блох 1983: 202], в нашем исследовании мы рассматриваем данные наклонения как одно, выражающее нереальные, маловероятные, несбыточные действия.

Результаты сопоставительного сравнения форм наклонений глагола как субъектами, так и объектами манипуляций представлены в таблице № 1 (см. приложение № 1.). Англоязычные и русскоязычные участники манипуляций используют глагольные формы наклонения инвариантно (т.е. в большинстве случаев форма сохраняет своё собственное значение), однако мы наблюдаем определённые межъязыковые различия в функционировании данных форм. И субъект, и объект манипуляции (независимо от языка) формулируют большинство собственных высказываний, прибегая к средствам (различным временам) изъявительного наклонения: по 76% всех употреблений у англоязычных участников манипуляции, и 67,5 % и 53% у русскоязычных субъекта и объекта соответственно. Преобладание

изъявительного наклонения в речевом общении двух (и более) коммуникантов, вольно или невольно создающих манипулятивный акт, подчинено общепринятым законам функционирования категорий и форм в разговорной речи.

Более интересным с точки зрения функционирования морфологических средств осуществления манипулятивного воздействия представляется употребление повелительного наклонения. Повелительное наклонение (императив) выражает волю говорящего, побуждение к действию. Диапазон выражаемых императивными формами значений очень широк: «от мольбы и самой вежливой просьбы до категорического приказа и запрета» [Розенталь 2000: 376]. При этом важную роль в функционировании императива играет интонация, которая, по словам академика В.В.Виноградова, «сама по себе может превратить любое слово в выражение приказа. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [Виноградов 1972: 464].

Примечателен тот факт, что объект манипуляции (в обоих языках) склонен к более частому (в сравнении с субъектом манипуляции) оперированию формами повелительного наклонения, причём русскоязычный объект манипуляции делает это значительно чаще, чем сам манипулятор (43% и 25,2% соответственно; ср. с англ. яз.: 13,6% и 15,5%). Приведём примеры из русских народных сказок:

Пример А: *«Мужик принялся рубить; глядь – ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей». – «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочурился»*

Пример Б: *«Об чем ты, красная девица, плачешь?» – «Как же не плакать мне? – отвечает ей красная девица. – Мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотьё, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!» Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряджайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!»*

Пример В: *«Здравствуй, Фомка!» – «Здравствуй, батюшка!» – «Пошути мне!» – «Ах, батюшка, рад бы, да шутки дома забыл». – «Сбегай, пожалуйста!» – «Далеко бежать-то!» – «Возьми, свет, мою лошадь». – «Давай, батюшка!»*

Пример Г: *«На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» – «Постой, дурак, – сказал барин, – я*

умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду»

Приведённые примеры, по нашему мнению, наглядно демонстрируют неотъемлемые составляющие манипулятивного речевого воздействия: имплицитное значение высказывания манипулятора с одной стороны, и активный характер восприятия речи адресатом с другой стороны. Имплицитное высказывание, по словам Т.В.Полетаевой, «содержит ряд моментов подраумевания, и передаваемый им смысл значительно больше того, что составляет его прямое кодифицированное и выраженное языковыми средствами значение» [Полетаева 2001: 78-79]. Имплицитное высказывание всегда содержит определённую интенцию; в цитируемых выше примерах имплицитным смыслом и предполагаемой интенцией являются: А) Тебя (медведя) могут поймать. – Спасайся! Б) Я хочу поехать в церковь. – Надо вычистить рожь. В) Отсутствие шуток./ Необходимо добраться до дома./ Дорога домой займёт много времени. – Предоставьте возможность как можно быстрее добраться до дома. Г) Не могу в силу незнания быть воеводой. – Пусть моё место займёт тот, кто умеет это делать.

Для успешного завершения манипулятивного воздействия реципиенту необходимо понять оба – имплицитный и интенциональный – смысла высказывания (или высказываний) манипулятора. Под пониманием А.А. Брудный полагает «последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения мысленного центра ситуации от одного элемента к другому к другому» [Брудный 1975: 19].

Говоря о понимании обращённой к нам речи (или текста), считаем целесообразным привести суждение А.А.Леонтьева, в котором данный процесс определяется как «процесс перевода смысла этого текста [под текстом в нашей работе мы понимаем одно или несколько манипулятивных высказываний] в любую другую форму его закрепления. Это может быть процесс парафразы, пересказа той же мысли другими словами.<...> Или процесс формирования эмоциональной оценки события. Или, наконец, процесс выработки алгоритма операций, предписываемых текстом» [Леонтьев 2005: 141-142].

В рассматриваемых нами примерах адресант не только «правильно» понимает смысл услышанного, но и воспринимает его именно так, как это нужно манипулятору: А) Медведь ищет убежище в саях, под дровами; Б) Рыбка обещает вычистить рожь за девушку; В) Поп даёт Фомке-шуту свою лошадь; Г) Барин садится вместо Иванушки в куль.

Одной из основных черт манипулятивного воздействия является иллюзия самостоятельности в принятии решения, но такого решения, какое необходимо манипулятору, а не его жертве. В изучаемых контекстах сказок субъект манипуляции психологически настраивает собеседника на

возникновение определённого стремления: при помощи языковых средств (в приведённых отрывках такими средствами служат инвертированный порядок слов в предложении, превосходная степень прилагательных, междометия, частицы и т.п.) в высказывание закладывается имплицитный смысл, скрытые интенции и, следовательно, побуждение к действию. Адресат, воспринимая услышанное, самостоятельно «додумывает» заложенные в него смыслы и принимает решение действовать.

Интересным нам представляется тот факт, что действия объекта манипуляции имеют чёткую направленность на самого манипулятора: манипулируемый либо просит его о помощи/одолжении («Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой...»; «Сбегай, пожалуйста!»), либо предлагает ему свои услуги/ помощь («Возьми, свет, мою лошадь!»), либо направляет действия манипулятора, указывает на то, что ему надо сделать («Постой...вылезай...», «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь ...»). Использование императива в таких случаях вполне закономерно и свидетельствует о высоком мастерстве субъекта манипуляции: его воздействие не только осталось незамеченным, но стало собственно значимым в глазах объекта манипуляции и, более того, у манипулируемого остаётся полная уверенность в самостоятельности принятия решения и нахождения наилучшего «выхода» из создавшегося затруднения.

В англоязычных сказках использование императива подчинено аналогичным законам психолингвистики и функционирует следующим образом:

Пример А: «*“Tell me what your parents are like,” said the King to Tom one day. “Are they little folk, just like yourself?”*»

“Why, no,” said Tom, “my father and mother are poor labouring folk, just like those who work in your fields. They are no bigger and no smaller than others are; but perhaps they are poorer than most.”

“Well,” said the King, who was very fond of Tom, “go into my treasury, where I keep all my money, and take as much gold or silver as you can carry. Go home with it, and give it to your poor father and mother.”»

«– Скажи мне, кто твои родители, – спросил однажды король Тома. – Они так же малы ростом, как и ты?»

– Нет, – ответил Том, – мои отец и мать – бедные трудяги, как и те, что работают на твоих полях. Они ничуть не меньше и не больше других, но, возможно, гораздо беднее их.

– Что ж, – ответил король, который очень любил Тома, – иди в мою сокровищницу, где я храню все свои деньги, и возьми столько золота или серебра, сколько сможешь унести. Отнеси деньги домой и отдай их твоим бедным отцу и матери»;

Пример В: «*“I believe I answered loud enough”, remarked the bird; “A Thunder-fowl.”*»

“Oh, I beg your pardon!” said Dougald; “you did so, but my good mother has kept poultry for many a long year at home, and I have never seen the sort before, and that astonished me.”

“Put the coop over my head, and leave me in the dark for a short space. Then take it off suddenly, and you will soon find out all about it,” said she.»

«– Полагаю, я ответил довольно громко, – заметила птица. – Я – Петух-громовержец.

– Прошу прощения! – сказал Дугальд. – Вы действительно громко сказали; однако, моя матушка долгое время держала птиц, а я никогда не видел такой породы, и это удивило меня.

– Накрой меня этим колпаком и оставь в темноте на какое-то время. Потом быстро сними его, и тебе всё станет ясно, – ответил он».

Однако, как следует из таблицы, англоговорящий объект манипуляции лишь на 2% чаще употребляет формы императива в сравнении с субъектом манипулятивного воздействия, и значительно «отстаёт» в их употреблении от русскоязычного объекта воздействия (15,5% и 43% соответственно). Объяснение подобного расхождения в числах, скорее всего, кроется в культурологических различиях, находящих своё отражение в языке. Неоднократно отмечалось, что английский язык, гораздо в большей степени, чем русский, тяготеет к употреблению менее категоричных грамматических форм, к более вежливому оформлению просьб, запретов и т.п. Так, например, С.Г.Тер-Минасова пишет: «Сопоставление двух языков отчётливо демонстрирует подчёркнутую вежливость, заботливое, чуткое отношение к человеку со стороны английского языка...» [Тер-Минасова 2004: 293-294]. Действительно, в английских народных сказках чаще, чем в русских, встречаем употребление форм будущего времени и сослагательного наклонения (см. таблицу № 1 Приложения) для передачи просьб, пожеланий, побуждения к действию. Приведём пример из сказки «Jack Hannaford/ Джек Хэннефорд»:

“Look there,” says Jack, shading his one eye with his hand.

“What is it?” asks the farmer, looking up. “I don’t see anything.”

“And I see a fellow flying away as fast as he can,” says Jack. “Come and lie down here, and you’ll see the same.”

“Very well,” says the farmer, “if you’ll be so good as to hold my horse, I’ll lie down and take a look.”

«– Видишь? Видишь? – говорит Джек

– Где? Ничего не вижу!

– Да смотри, вон человек на небо летит, словно по земле бежит! Ложись рядом со мной и тоже увидишь.

– А ты коня моего поддержишь?» (Сказки Британских островов т. 2 1993: 144).

В рассматриваемом эпизоде активную позицию занимает манипулятор (Джек Хэннефорд): неоднократно используя формы повелительного

наклонения (*Look there.../Смотри...; Come and lie down here.../Ложись рядом со мной и тоже увидишь*) он заставляет фермера не только поверить в то, что Джек видит в небе нечто особенное, но и вызывает у него желание самому посмотреть на это видение. Последняя реплика фермера содержит форму будущего времени *...if you'll be so good as to hold my horse.../А ты коня моего поддержишь?* фактически представляющую собой просьбу поддержать его коня.

Яркий пример использования сослагательного наклонения в качестве повелительного для успешного проведения манипуляций находим в английской народной сказке «Molly Whipple/Молли Ваппи»:

«Molly says: "I would put you into a sack, and I'd put the cat inside wi' you, and the dog aside you, and a needle and thread and shears, and I'd hang you up upon the wall, and I'd go to the wood, and choose the thickest stick I could get, and I would come home, and take you down, and bang you till you were dead."

"Well, Molly, says the giant, I'll just do that to you."»

«– Я бы посадила тебя в мешок вместе с кошкой и собакой, – ответила Молли, – а ещё сунула бы туда нитки, иголку и ножницы. Потом повесила бы мешок на стену, а сама пошла бы в лес за палкой потолще. Выбрала бы самую толстую дубинку, а дома положила бы мешок на пол и принялась бы тебя молотить, пока бы ты дух не испустил.

– Ну, что ж, Молли, – сказал великан, – так я и сделаю!» (Сказки Британских островов т. 2 1993: 246).

Используя формы сослагательного наклонения, Молли подробно описывает, что бы она сделала на месте великана. Выбранная главной героиней тактика приводит к успешному исходу: объект манипуляции решает чётко следовать алгоритму действий, предложенному девочкой, что впоследствии спасает ей жизнь.

Подводя промежуточный итог анализа вариативного/инвариантного функционирования глагольных наклонений в речи участников манипулятивного акта, отметим, что основным наклонением, формы которого организуют бóльшую часть речевых манипуляций, является изъявительное. Употребление индикатива коммуникантами, создающими манипулятивный акт, инвариантно для английского и русского языков. Функционирование форм сослагательного наклонения также представляется инвариантным: несколько выше его встречаемость в репликах манипулятора (в обоих языках; см. таблицу № 1 Приложения).

Определённую вариативность наблюдаем в использовании участниками манипуляции повелительного наклонения: как англоговорящий, так и русскоговорящий объект манипулятивного воздействия прибегает к средствам императива для оформления своих высказываний чаще, чем субъект манипуляции, причём русскоязычные герои – жертвы психологического воздействия – значительно больше всех остальных.

Объяснение данного феномена кроется, на наш взгляд, не только в мастерской подготовке манипулятивного акта субъектом воздействия, но и в языковых особенностях оформления русскоязычных просьб, пожеланий, приказов (для этих целей мы используем императив, в то время как англоговорящие персонажи варьируют классическое применение императива, несколько «смягчают» свои просьбы за счёт употребления форм сослагательного наклонения и будущего времени изъявительного наклонения).

Функционирование местоимений.

Местоимение – это часть речи, «которая указывает на предметы, признаки предметов, на количество предметов, на признаки признаков и действий, но не называет их» [СРЯ ч. 2 2002: 140]. Особая роль функционирования местоимений в манипулятивных высказываниях не вызывает сомнений, о чём убедительно свидетельствуют работы Л.Ю. Веретёнкиной [Веретёнкина 2003: 78 – 83], О.Л. Михалёвой [Михалёва 2004: 67 – 70] и др.

А.И.Ефимов выделяет следующие закономерности употребления местоимений: отсутствие слов, раскрывающих значение местоимений, и наличие имён, употребляющихся параллельно с местоимениями [Ефимов 1969: 167]. Полагаем, что отсутствие слов, раскрывающих значение местоимений, в силу их неопределённости и невозможности однозначной интерпретации может сигнализировать о наличии манипулятивного намерения у коммуниканта, что используется с целью вуалирования истинного высказывания и внесения неясности в смысл сказанного.

Рассмотрев предлагаемые классификации местоимений по разрядам учёными-лингвистами, исследующими функции частей речи, как в русском (В.В.Виноградов, А.А.Реформатский, И.Б.Голуб и др.), так и в английском (Б.А.Ильиш, И.В.Арнольд, М.Я.Блох, В.В.Гуревич и др.) языках, мы остановились на классифицировании местоимений по следующим разрядам: личные / personal; притяжательные / possessive; возвратные / reflexive; неопределённые / indefinite; определительные / definite; указательные / demonstrative; вопросительные / interrogative; относительные / relative; отрицательные / negative.

Результаты подсчёта количественного состава местоимений в манипулятивных высказываниях отражены в таблице № 2 (см. приложение).

Согласно итоговым результатам, отражённым в таблице, наиболее употребительными как в речи субъекта, так и в речи объекта манипуляций независимо от языка являются личные местоимения. Как известно, личные местоимения подразумевают лицо либо участников коммуникации, либо известных (а иногда – неизвестных) им людей. Акт общения между двумя коммуникантами неизменно ведёт к установлению «я – ты» отношений. Частое употребление «я» при глаголе-сказуемом, как отмечают исследователи, ведёт к подчёркиванию личности говорящего. Так,

М.М. Матусевич пишет: «Местоимение первого лица в единственном числе, обозначающее самого говорящего, будучи употребляемо часто, создаёт впечатление выпячивания говорящим своей роли, нескромного восхваления» [Матусевич 1976: 26].

Полагаем, что можно говорить о намеренном выделении личности собеседника при часто встречаемом местоимении второго лица единственного или множественного числа *ты/вы*. Как правило, подобное отношение к говорящему устанавливается манипулятором (выделяется либо *я*, либо *ты*) и, как показывает исследуемый материал, оно переносится на подсознание объекта манипуляции: он либо возвышает личность собеседника (*я* манипулятора становится *ты/вы* в ответных репликах манипулируемого), либо возлагает на себя определённые действия (*ты/вы* манипулятора становится *я* манипулируемого). В приводимых ниже примерах наряду с падежными формами личных местоимений мы также выделили формы притяжательных местоимений, т.к. в данных контекстах они служат той же цели – намеренному подчёркиванию того или иного лица:

«Кощей взглянул в окно – стоит тын позолоченный, словно жар горит! «Это что?» — «Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога». Полюбилась эта речь Кощей Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «Ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре, та кокора в море плавает»;

«Лисонька опять побежала вперед, прибегает в царство царя Змиулана и прямо в белокаменные палаты. «Что скажешь, лисонька?» – «Ну, царь Змиулан, теперь-то надо скоро-наскоро спрятаться. Едет грозный царь Огонь и царица Маланьца, всё жгут и палят. Стада твои и с пастухами прижгли; сначала овечьё, потом свиное, а тут коровье и конское. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать и чуть от дыма не задохлась!» Царь Змиулан закручинился-запечалился: «Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?» – «Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги и схоронись в дупло, пока они мимо не проедут». Царь Змиулан вмиг собрался и по сказанному, как по писаному, сделал так, как лиса научила».

Особенно ярко, на наш взгляд, указанная функция личных местоимений проявляется в стихах. И.В.Арнольд отмечает: «Характерно употребление местоимений первого и второго лица в лирике, содержанием которой является глубоко личное выражение переживания, состояния, духовного мира. «Я» – главное и часто единственное действующее лицо лирического стихотворения» [Арнольд 1981: 147]. В цитируемом ниже стихотворении, которое представляет собой ответ Мальчика-с-Пальчика королю на вопрос кто он и откуда, кроме личного местоимения *Я/я* и

притяжательного местоимения *ту/мой* наблюдаем местоимение третьего лица единственного числа *he/он*, которое подразумевает могущественного и уважаемого короля Артура; лишь после неоднократного употребления отмеченных местоимений, главный герой обращается к действующему королю, используя местоимение *your/ваш* в конечной реплике «Your servant – Sir Thomas Thumb/ к вашим услугам – сэр Мальчик-с-Пальчик»:

*“My name is well known.
From the Fairies I come.
When King Arthur shone,
This Court was my home.
By him I was knighted,
In me he delighted
– Your servant – Sir Thomas Thumb.”*

Приведём буквальный подстрочник:

*«Моё имя хорошо известно.
Я из рода Фей.
Когда король Артур был на троне,
Королевский двор был моим домом.
Им я был посвящён в рыцари,
Мной он восхищался –
К вашим услугам – сэр Мальчик-с-пальчик».*

Как показывают наблюдения над исследуемым фольклорным материалом, количество личных и притяжательных местоимений, используемых в манипулятивных высказываниях, преобладает над частотой использования местоимений других разрядов. Местоимения вообще характерны для разговорной речи (которую и отражает прямая речь сказочных персонажей). Факт активности местоимений инвариантен для обоих языков и, по нашему мнению, вполне закономерен: столь частая встречаемость местоимений (так же, как частиц и междометий) характерна для разговорного стиля, который в большинстве случаев оформляет речь героев народных сказок. Так, О.Б.Сиротина в книге «Русская разговорная речь» приводит следующие данные: «в разговорной речи на 1000 слов существительных встречается 130-140, ...прилагательных...35-39, ...зато местоимений 175, ...частиц – 120-131...» [Сиротина 1983: 39].

Высокая частотность употребления именно личных местоимений и соотносимых с ними притяжательных характерна для манипулятивной речевой ситуации, во-первых, с психологической точки зрения: посредством неоднократного использования личных местоимённых форм манипулятором создаётся более тесный, близкий контакт с собеседником, что подтверждается ответными репликами манипулируемого (т.е. происходит полное принятие намерений манипулятора); во-вторых, с точки зрения

языковой организации: в английском языке строгий порядок слов всегда предполагает наличие подлежащего (существительного или местоимения) перед глаголом-сказуемым, в русском языке категория лица нередко выражается посредством соответствующих глагольных флексий, например:

«Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете; увидели его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался на площади всего-навсего один купеческий сын. «Хочешь работы, молодец? Наймишь ко мне», – говорит семисотный купец. «Изволь; я за тем на площадь пришел». – «А что возьмешь?» – «Положи на день по сотне рублей, с меня и будет!» – «Что так дорого?» – «А дорого, так поди – ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал – все разбежались». – «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань».

Как видно из примера, для русской разговорной речи характерно опущение подлежащего или дополнения, выраженного местоимением, во избежание тавтологии при однородных глагольных формах, что является гораздо более редким явлением в английском дискурсе. В русском языке богаче и разнообразнее (в сравнении с английским) представлены объектные падежные отношения с использованием форм личных местоимений:

«Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово не приветливое?» – «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» – «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром – скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Таким образом, функционирование местоимений в манипулятивных высказываниях как англоговорящего, так и русскоговорящего субъекта манипуляций подчинено единой цели: посредством неоднократных повторений местоимений, указывающих на то или иное лицо, манипулятор сосредотачивает внимание собеседника на конкретной личности и подводит его к совершению определённых действий в отношении данной личности.

1.3. Лексические средства

Как известно, слова, в сравнении с фонемами и морфемами, обладают большей самостоятельностью. Слово часто определяют как основную единицу языка поскольку, в отличие от фонем, оно обладает двухмерностью (т.е. единством звучания и значения), а в отличие от морфем – лексико-грамматической отнесённостью. К отличительным чертам слова также относят воспроизводимость, фонетическую и графическую

оформленность, непроницаемость, недвуударность (применительно к словам русского языка; ср.: в английском языке возможно дополнительное ударение в составе многосложных слов). Так, в «Современном русском языке» (1981) Н.М.Шанский трактует слово как лингвистическую единицу, имеющую «в своей исходной форме одно основное ударение и обладающую значением, лексико-грамматической отнесённостью и непроницаемостью» [СРЯ ч. 1 1981: 14].

В более позднем издании «Современного русского языка» (2001) Е.И. Диброва несколько суживает понятие слова и определяет его как основную номинативную единицу языка, выделяя при этом ряд конститутивных (определяющих) признаков слова: 1) номинативность, 2) информативность, 3) индивидуальность лексического значения, 4) материальность, 5) воспроизводимость, 6) структурная цельнооформленность. Указанные признаки наиболее полно, на наш взгляд, характеризуют основную составляющую лексического уровня – слово.

Аналогичные толкования термина слово находим у лингвистов, изучающих английский язык. Так, М.Я. Блох относит слово к третьему, более сложному после фонетического и морфологического, уровню языковой иерархии и трактует его следующим образом: «The word, as different from the morpheme, is a directly naming (nominative) unit of language: it names things and their relations» [Блох 1983: 47] / «Слово, в отличие от морфемы, – непосредственно называющая (номинативная) единица языка: оно называет предметы и их отношения».

Роль слова в художественном произведении настолько велика, что тот или иной набор лексических единиц часто рассматривают как определяющий, непосредственно выразительный компонент текста (как письменного, так и устного). В осуществлении манипулятивного воздействия слова также играют не последнюю роль. Особенно ярко воздействующая сила слова реализуется в языке средств массовой информации. Ряд проведённых в этой области исследований наглядно демонстрирует, что СМИ «выступают в качестве фактора, формирующего общий лексический фонд... Язык массовой коммуникации участвует в процессах заимствования лексики, её функционирования и дальнейшего совершенствования, в распространении специальной лексики в речи носителей языка, в повышении её частотности» [Михальченко 1988: 163]. Повышенный контроль за использованием лексики носителями языка может быть продиктован, на наш взгляд, только манипулятивными намерениями со стороны исполнителей подобного контроля. Как отмечает С. Хассен, слова – «это «инструменты, которыми мы пользуемся для мышления» [Хассен 2001: 94], а, следовательно, и для контроля и управления мышления.

В рамках нашей работы остановимся на рассмотрении роли слова в манипулятивном контексте народной сказки, сила воздействия которого

определяется, в первую очередь, его стилистической маркированностью. Под стилистической маркированностью нами понимается наличие у той или иной единицы языка определённой дополнительной или избыточной информации, коннотации, сопровождающей рассматриваемую единицу. Таким образом, в качестве стилистически окрашенных лексических единиц мы рассматриваем как слова, относящиеся к тому или иному стилю речи, так и слова, заключающие в себе определённый эмоциональный и/или оценочный компонент(ы), а также связанный с ними экспрессивный компонент.

Стилевая принадлежность слова, или его функционально-стилевой аспект, по словам Е.И.Дибровой, зависит от выполняемой им (т.е. словом) социальной задачи коммуникации [СРЯ ч. 1 2001: 205-206]. В данной работе под *стилем* понимается «разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой...» [ЛЭС 1990: 494]. В традиционной лингвистике существует деление словарного состава языка на три пласта: а) нейтральная лексика, или нейтральный стиль; б) более «высокая», книжная лексика, или книжный стиль; в) более «низкая», разговорная лексика, или разговорный стиль. Подобное деление было представлено М.В.Ломоносовым в его теории «О трёх штилях».

Как показывает анализ лексического состава изучаемого материала, наиболее часто встречаемыми (после нейтральной лексики) являются лексические единицы сниженного (или «низкого», разговорного) стиля. К сниженной лексике, вслед за Ю.М.Скребневым и Е.С.Гриценко, относим единицы, содержащие минимальную, среднюю и максимальную эстетическую ценность, например:

минимальной ценности – *крестник, сдобрить, маковка, мастак, хлопотать; old man, awfully, (to) be out (of smth), fellow, (to) mind;*

средней ценности – *захлюстанный, дурно, брюхо, обтрескаться; wretch, (to) a-do, (to) a-be, aye (=yes), (to) reckon, folks;*

максимальной ценности – *издохнуть, хрычовка; Purgatory, pest, plague.*

Отметим, что слова минимальной степени сниженности или возвышенности «не предполагают наличие у говорящего установки на стилистическую выразительность. Это значит, что слова минимальной степени сниженности употребляются говорящим или пишущим автоматически, под влиянием ситуации или обстоятельств общения» [Стилистика английского языка 2005: 24].

Итак, среди лексических средств, способных оказывать манипулятивное воздействие на адресата, выделим эмоционально-оценочную лексику (как положительно, так и отрицательно окрашенную) и лексические

повторы. Результаты статистического подсчёта указанных средств представлены в таблице № 3 (см. приложение).

Изучение лексического наполнения реплик, образующих манипулятивный акт, показывает, что к употреблению положительно окрашенных лексических единиц в большей степени склонен субъект манипуляции, однако манипулятор, говорящий на русском языке, пользуется подобной лексикой гораздо активнее, чем англоговорящий манипулятор: 73,2% и 52,6% соответственно.

Приведём примеры наиболее часто употребляемой положительно окрашенной эмоционально-оценочной лексики: *диво, чудо, водица, молодец, прекрасная (царевна), красная (девица), необычайной (красы, красоты), диковинный (товар), душечка, куманёк (куманёк-голубок, волченёк-куманёк), петушок, головушка, рыбка; fine/ прекрасный, a little closer/чуть поближе, kind(sir)/ достопочтенный(господин), my (lord, good mother)/мой (господин, матушка), good (mother, news, little beer, mile off)/матушка, хорошие новости, немножко пива, ещё за целую милю), great (hunter)/великий (охотник), perfectly (satisfied)/совершенно (доволен), delight/удовольствие, восторг, sweet (lady, ally)/милая (леди, дама), noble (master)/благородный, достопочтенный (господин, хозяин).*

Как видно из приведённых примеров, в русском языке за счёт синтетических средств словообразования часто употребляются словоформы, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов -к-,

-ушк-, -ок/ёк-, -очк/оньк-, -онк/ёнк-, -ик-, -шко и др.: *тучка, дедушка, бабушка, детушки, гребешок, петушок, куманёк, водочка, косточки, сывёхонек, облачко, ключик, ушко, ножишко, шёрстка* и др. В английском языке такие образования сравнительно редки, в сказках они встретились в основном применительно к одушевлённым существительным в обращениях типа *bonnie, lassie* и т.п.

Объект манипуляции употребляет положительно окрашенные эмоционально-оценочные лексемы реже, чем субъект манипуляции (31,3% к 52,6% в английском языке и 66% к 73,2% в русском языке), причём англоязычный объект манипуляции пользуется подобными средствами вдвое меньше, чем объект манипуляции в русских сказках. Объяснение данному явлению, полагаем, кроется в синтетической природе русского языка; подобно субъекту манипуляций объект манипулирования в русских народных сказках активно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы для образования следующих словоформ: *мужичок, корешок, вершок, зайчик, лисонька, кумушка, братец, дедушка, внучек, душечка, голубка, старушка, лошадка, рябенькая* и т.п.

Использование манипуляторами негативно (отрицательно) окрашенной лексики, содержащей эмоционально-оценочный компонент, значительно ниже, чем использование положительно окрашенных лексических единиц,

причём в русском языке число отрицательно окрашенных лексических единиц намного ниже положительно окрашенных – 15% к 73,2% (ср. с англ.: 33,4% к 52,6%). По-видимому, апеллируя к чувствам жертвы манипулятивного воздействия, манипулятор в русских народных сказках тяготеет к созданию положительного образа, благоприятного впечатления и общего психологического настроения у своей жертвы в процессе осуществления манипуляции. Примечателен тот факт, что объект манипуляции в английских народных сказках прибегает к употреблению слов отрицательной окраски чаще, чем субъект манипуляции. Вероятно, такое речевое поведение предполагаемой жертвы манипулятивного воздействия продиктовано большей степенью (в сравнении с русскоязычными персонажами) осознаваемости происходящего и, следовательно, сопротивляемости оказываемому психологическому давлению. Рассмотрим в качестве примера отрывок из сказки «The Faithful Purse-Bearer/ Честный хранитель казны», в котором несправедливо обвинённый Ян-на-Спорран просит своего господина принять во внимание доказательства его невиновности (объектом манипуляции является господин [в отрывке – the chief, noble master], манипулятором выступает Ян-на-Спорран, демонстрирующий искусство общения):

«"Oh, bother!" said the chief. "Cut his head off! I don't care, and I don't want proof."

"Noble master," said Ian na Sporrán, "remember you are a just man, and your wife is beautiful."

"Pest take the whole affair!" roared the chief, getting up. "I can't even have my meals in peace! I suppose, then, I must. But whoever trifles with me now is a dead man!"»

«–Чёрт возьми! – сказал господин. – Отрубите ему голову! Мне всё равно, я не хочу никаких доказательств.

– Достопочтенный господин, – сказал Ян-на-Спорран, – помните: Вы – справедливы, а Ваша жена – красива.

– Пропади всё пропадом! – проворчал господин, вставая из-за стола. – Я не могу даже спокойно поесть! Полагаю всё же, это – мой долг. Тот, кто играет со мной такие шутки, – покойник!»

Умело подбирая положительно окрашенную лексику (*noble/ достопочтенный, just/ справедливы, beautiful/ красива*), Ян-на-Спорран напоминает своему господину о его долге быть справедливым к своим слугам. Господин, уже не первый раз потревоженный кознями своих подчинённых (речь идёт о неоднократных обвинениях в адрес честного хранителя казны Яна-на-Споррана со стороны его завистников), пребывает в рассерженном состоянии, что нетрудно заметить по употребляемым им словам и выражениям: *Oh, bother!/Чёрт возьми!* императив *Cut his head off!/Отрубите ему голову!* двойное отрицание *I don't care... I don't want.../*

Мне всё равно, я не хочу... (сниженной лексикой в данном контексте являются словоформы *bother, care* и далее – *pest, (to) trifle*. Негативный эмоциональный настрой также выражается посредством отрицательных форм *off (Cut his head off!), don't (care, want)* и *can't (I can't even have...)*, за счёт усилительных слов (интенсификаторов): прилагательного *whole/всё*, частицы *even/даже*, местоимения *whoever/тот, кто (кто бы ни)*. Напоминание Яна-на-Споррана не только заставляет господина вспомнить о своих обязанностях, но и подталкивает его решительно и окончательно разобраться в происходящем, о чём свидетельствует последняя фраза объекта манипуляции: *But whoever trifles with me now is a dead man! / Тот, кто играет со мной такие шутки, – покойник!*

Подводя итог стилистического анализа того или иного контекста манипуляции сказочных персонажей, невозможно оставить без внимания тот факт, что то или иное стилистическое значение слова раскрывается в полном объёме лишь в рамках контекста (как минимум – словосочетания, а чаще всего – целого предложения). О неразрывной связи слова и его окружения (контекста) неоднократно упоминалось многими лингвистами. В контексте слово функционирует как одна из составляющих (повидимому, как наиболее яркая составляющая) законченного целого.

Функционирование конститuentов лексического языкового уровня инвариантно для обоих языков: положительно окрашенное слово придаёт положительную окраску всему предложению и, наоборот, отрицательно окрашенное – негативную (отрицательную).

Как англоговорящий, так и русскоговорящий субъект манипуляции в большей степени тяготеет к использованию положительно окрашенной лексики, что продиктовано, на наш взгляд, стремлением создать положительный эмоциональный настрой у собеседника и расположить его к себе.

Вызывает интерес неожиданно высокая частота использования отрицательно окрашенной лексики английским объектом манипуляции: повидимому, данный адресат неосознанно испытывает на себе определённое психологическое давление и, пользуясь лексическими средствами языка, пытается противостоять ему.

1.4. Синтаксические средства

Языковой синтаксический уровень представляет собой «совокупность действующих в языке закономерностей, регулирующих построение синтаксических единиц» [СРЯ ч. 2 2002: 249]. Синтаксис (от греч. *syntaxis* – «составление», «построение») аккумулирует в себе составляющие всех ранее рассмотренных уровней языка – фонетического, морфологического, лексического и собственно синтаксического – и выступает как

нечто целое, самостоятельно функционирующее в акте манипуляции. Н.О.Гучинская, исследуя соотношение языковых уровней в художественном тексте, пишет, что уровни языка (фонетический, лексический и синтаксический) «представляют собой естественную иерархию, т.е. последовательно вливаются друг в друга, создавая высший уровень – синтаксический...» [Гучинская 1984: 3]. Применительно к манипулятивному контексту, состоящему из одной или более реплик манипулятора и, как правило, из ответной реплики (или реплик) манипулируемого, считаем возможным говорить о синтаксическом предложении-высказывании, выступающем как речевая единица манипулятивного воздействия.

Разграничивая понятия *предложение* и *высказывание* на уровнях языка и речи, О.Б.Сиротина отмечает: «Все синтаксические единицы в конкретном употреблении являются речевыми и представлены множеством своих реализаций. К языку имеют отношение типы, модели этих реализаций» [Сиротина 1980: 7]. И далее: «Все реальные предложения употребляются в составе какого-то текста и включаются в ещё более сложные текстовые единицы... Предложение как элементарная текстовая единица образует высказывание...» [Сиротина 1980: 7]. Высказывание как единица манипулятивного акта всегда несёт в себе определённый имплицитный смысл, а потому вполне правомочно считать его «средством речевого и, одновременно, психологического воздействия на индивида» [Денисюк 2003: 65].

Исследуя функционирование синтаксических единиц в манипулятивных контекстах народных сказок мы рассматриваем высказывания как субъектов, так и объектов манипуляции, разграничивая изучаемые единицы по следующим критериям (указанные ниже критерии взяты нами из вузовского учебника по синтаксису: «Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц», 2002):

- 1) по цели высказывания;
  - 2) по интонации;
  - 3) по структуре;
  - 4) по отношению к действительности;
  - 5) по количеству главных компонентов;
  - 6) по представленности главных компонентов;
  - 7) по типам связи простых предложений-высказываний внутри сложного;
  - 8) по наличию недостатка/избытка компонентов;
  - 9) по размещению компонентов.
1. По цели высказывания.

Среди синтаксических единиц, составляющих манипулятивный речевой акт, по цели высказывания мы выделяем три типа: повествовательные, вопросительные и побудительные. Каждый из перечисленных типов может

функционировать как в собственном, так и в несобственном значении, т.е. может выступать в роли другого типа. О подобных трансформациях писали многие учёные, например С.В. Андреева [Андреева 1988: 94 – 100], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1976: 157 – 161] и др. Так, повествовательное предложение *Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трёх вещей* состоит из двух частей: первая из которых *Хорошо у вас в доме и красиво...* является собственно повествовательной, а вторая *...только нет у вас трёх вещей* – несобственно повествовательная, так как констатируя факт отсутствия *трёх вещей*, она содержит призыв (побуждение) к их приобретению. Действительно, если проследить за развитием событий в сказке «Поющее дерево и птица-говорунья», из которой взята цитируемая реплика старушки-манипулятора, то увидим, что у царевны, объекта манипуляции, возникает желание приобрести данные вещи, и по её просьбе братья отправляются на их поиски.

Как видно из таблицы № 4 приложения, употребление повествовательных высказываний в прямом значении как в английском, так и в русском языке преобладает у обоих участников манипулятивного акта. Также инвариантно для исследуемых языков использование повествовательных высказываний в непрямом (несобственном) значении: по 6% у субъектов манипуляции и 3% и 4% у англоговорящих и русскоговорящих объектов манипуляции соответственно. Количественные показатели несобственного функционирования повествовательных высказываний (также как и других типов высказываний в данной таблице) значительно меньше 100, потому говорить об их абсолютной истинности мы не имеем права: такие числа не выверяются формулой χ^2 -критерий и слишком близки к случайной погрешности.

Однако, сложив все числовые показатели несобственного употребления всех трёх типов высказываний, мы получили следующие значения: 9% у субъекта и 4% у объекта манипуляции в английском языке; 13% у субъекта и 5% у объекта манипуляции в русском языке. Очевидно, что независимо от языка, манипулятор вдвое чаще прибегает к использованию не прямых синтаксических значений в общении со своей жертвой. Отметим, что не прямое значение предложение приобретает тогда, когда его структура не соответствует семантике: повествовательное предложение может содержать в себе вопрос и, наоборот, вопросительное предложение может заключать в себе утверждение (так называемые риторические вопросы). Рассмотрим примеры манипулятивных воздействий из контекстов народных сказок (предложения, употреблённые в несобственном значении, подчёркнуты):

1. Повествовательные высказывания в значении побудительных (повествовательно-побудительные предложения):

А) «"Little pig, I know where there is a nice field of turnips." "Where?" said the little pig.» (из сказки "The Story of the Three Little Pigs")

«– Поросёнок, я знаю, где есть отличное поле репы.

– Где? – спросил поросёнок» (из сказки "The Story of the Three Little Pigs/ Сказка про трёх поросят");

В) «"Oh, but," quoth Jack, "here's the king's son a-coming with a thousand men in armour to kill you and destroy all that you have!"

"Oh, cousin Jack," said the giant, "this is heavy news indeed! I will immediately run and hide myself, and thou shalt lock, bolt, and bar me in, and keep the keys until the prince is gone."» (из сказки «Jack the Giant Killer»)

«– Да, – говорит Джек, – но вот приближается королевский сын во всеоружии: он хочет убить тебя и разрушить все твои владения!

– Кузен Джек, – сказал великан, – Какие ужасные новости! Я сейчас же побегу спрячусь, а ты закрой меня на ключ, затвори на засов и не выпускай меня до тех пор, пока принц не уйдёт» (из сказки «Jack the Giant Killer/ Джек – победитель великанов»);

С) «Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» – «Эх, старая хрычовка! Не накормила, не напоила, да вестей спрашиваешь». Баба-яга накормила его, напоила, вестей повыспросила...» (из сказки «Царь-девица»);

Д) «[Племянник] Вернулся к дяде. «Что ж, купил товару?» – «Нет, дядюшка! На сто рублей не укупишь». – «Ну вот тебе еще сотня» (из сказки «Купленная жена»).

Повествовательные высказывания, употребляемые манипулятором в значении побудительных, по нашему мнению, наилучшим образом отвечают требованиям «идеальной» манипуляции: психологическое воздействие, заключённое в имплицированном смысле высказывания, остаётся незамеченным (манипулятор лишь сделал сообщение), объект воздействия «додумывает» возможные последствия, самостоятельно принимает решение (именно такое, какого добивается манипулятор), и действует таким образом, что его собеседник неизменно пребывает в выигрыше.

2. Вопросительные высказывания в значении побудительных (вопросительно-побудительные предложения):

А) «"Would not your highness call the witness, and prove his truthfulness before condemning me?" asked Ian na Sporrán. "If I am guilty, I am willing to die! if I am innocent, your own justice and your wife's beauty forbid that I should suffer."»

“I am a just man, and my wife is beautiful,” answered the chief. “You are right. Ian na Pìob, call your witness.”» (из сказки «The Faithful Purse-Bearer»)

«– Не соизволит ли ваша светлость позвать свидетелей и доказать правду прежде, чем осудить меня? – спросил Ян-на-Спорран. – Если я виновен, я согласен умереть! Если я не виновен, то ваша честность и красота вашей жены не позволят мне страдать.

– Я справедливый человек, а моя жена красива, – ответил хозяин. – Ты прав. Ян-на-Пиоб, позови своих свидетелей» (из сказки «The Faithful Purse-Bearer/ Честных хранитель казны»);

В) «The fox said: “I can’t quite hear you, Johnny-cake; won’t you come a little closer?” turning his head a little to one side.

Johnny-cake stopped his race for the first time, and went a little closer, and called out in a very loud voice...» (из сказки «Johnny-cake»)

«Лиса сказала, повернув голову:

– Я плохо тебя слышу, Джонни-колобок, не подойдёшь ли ты поближе? Джонни-колобок впервые остановился, подошёл чуть поближе и громким голосом пропел...» (из сказки «Johnny-cake/ Колобок»);

С) «Говорит царевна: «Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?» Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюся, таким же красавцем сделаюся!» Бросился в чан и сварился в молоке» (из сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое»);

Д) «Бросился Иван к именитому купцу, показывает ему ковер; тот спрашивает: «Что тебе за него?» – «Да что толковать? Товар не худ, купец не глуп; чай, сам цену знаешь». – «Возьми три тысячи». – «Давай!» Продав ковер за три тысячи, взял деньги и вернулся домой» (из сказки «Чудесная рубашка»).

3. Вопросительные высказывания в значении повествовательных (вопросительно-повествовательные предложения):

А) “Hush! there, don’t you hear that?” as a gust of wind swept round the tower; “there he is blowing his nose! Oh! Don’t alarm yourself; he is miles and miles off still.” (из сказки «The Brazen Brogues»)

«Тише! Разве ты не слышал этого? – за башней послышался вой ветра. – Вот он сморкается! Не беспокойся, он от нас ещё за несколько миль» (из сказки «The Brazen Brogues/Медные башмаки»);

В) «И он, Ериш, мне рече: «Братец Осетр, коли меньшей брат ходит напредь большего?» И я на его, господа, прелестное слово положился и в невод пошёл, обратился в невод да увяз...» (из сказки «Сказка об Ерише Еришовиче, сыне Щетинникове»);

С) «Опять идёт Иван-царевич по двору и слезами умывается. «О чём горько плачешь?» – спрашивает его из высокого терема Василиса

Премудрая. «Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску». – «Ну, это ещё не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»).

Вопросительно-побудительные и вопросительно-повествовательные высказывания манипулятора служат той же цели, что и повествовательные, однако, они представляются нам более искусными с точки зрения психологического манипулирования. Вопрос, как известно, всегда предполагает ответ (или другую соответствующую реакцию на него), у жертвы манипулятивного воздействия не остаётся времени на то, чтобы хорошо обдумать смысл сказанного, объект воздействия тут же включается в некую акцию, навязанную манипулятором, и попадает в расставленные им сети.

Следовательно, использование высказываний не в своём прямом значении, представляется не только ярким стилистическим приёмом в речи говорящего, но и эффективным собственно манипулятивным приёмом, одинаково успешно используемым представителями англо- и русскоязычных лингвокультур.

Говоря об использовании высказываний участниками манипуляций в собственном значении, отметим, что вопросительные реплики в большей степени свойственны объектам манипуляции: 29% в английских сказках и 30% в русских сказках (ср. с субъектами манипуляций: 13% и 17% соответственно). По нашему убеждению, данный факт свидетельствует о наличии определённых сомнений у жертвы манипулятивного воздействия относительно услышанного, что выражается в стремлении уточнить какую-либо информацию, подтвердить/опровергнуть полученные данные и т.п. Для принятия собственного решения индивиду необходимо убедиться в его целесообразности, что становится возможным только после получения удовлетворительного ответа на его многочисленные вопросы. Итак, собственно вопросительные высказывания в большей степени характерны для речи объекта манипуляций, в то время как несобственно-вопросительные – для речи субъекта манипулятивного воздействия.

Употребление побудительных предложений-высказываний (в большей части в собственном значении) аналогично употреблению повелительного наклонения, рассмотренного нами в пункте 1.2 второй главы. Известно, что, как в русском, так и в английском языках, побудительные предложения оформляются главным образом посредством форм повелительного наклонения глаголов, в связи с чем считаем данное совпадение закономерным.

Подводя итог предпринятого анализа высказываний по функциональному критерию, в качестве вывода отметим, что в целом употребление трёх традиционно выделяемых типов высказываний – повествовательного

(declarative), вопросительного (interrogative) и побудительного (imperative/inducive) – инвариантно для обоих языков: бóльшую часть всех высказываний составляют собственно повествовательные предложения, объект манипуляции в среднем в два раза чаще использует собственно вопросительные предложения, а субъект манипуляции почти вдвое чаще, чем его жертва, прибегает к употреблению высказываний в несобственном значении: повествовательно-побудительные, вопросительно-повелительные, вопросительно-побудительные.

К вариативному использованию функциональных типов высказываний языковыми личностями относим употребление побудительных предложений-высказываний: русскоязычный объект манипуляции значительно чаще использует императивные конструкции в сравнении с субъектом воздействия (ср.: 41% к 26%), в то время как англоязычные участники манипулятивного речевого акта одинаково часто (по 25%) прибегают к их употреблению.

2. Типы высказываний по интонации.

Высказывания как манипулятора, так и его жертвы, подобно всем остальным высказываниям, возможно разделить по интонационному критерию на восклицательные и невосклицательные (или нейтральные). По нашему предположению субъект манипуляции желая привлечь внимание к своим словам, в большей степени, чем манипулируемый, склонен к использованию аффективных, восклицательных высказываний. Однако, как показал статистический подсчёт исследуемых высказываний (см. таблицу № 5 Приложения № 1) частота восклицательных предложений несколько выше у объекта манипуляции, а общее количество восклицательных высказываний в среднем в 2,7 раза выше у персонажей русских народных сказок. Приведём примеры ответных реплик-реакций героев сказок на манипулятивное воздействие:

«Не плачь, зайчик!» (из сказки «Лиса, заяц и петух»);

«Вот как, пусти-ка, я тебя научу!» (из сказки «Баба-яга и Жихарь»);

«Это что за служба!» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»);

«Экой невера!» (из сказки «Вороватый мужик»);

«Да, таки растут!» (из сказки «Жена-доказчица»);

«Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!» (из сказки «Сказка о злой жене»);

«Oh! now, don't say that; it is too horrible! What shall I do?/Ох, молчи, это слишком ужасно! Что мне делать?» (из сказки «The Three Green Men of Glen Nevis/ Три зелёных гнома из Глен Невиса»);

«Ah!/Ах!» (из сказки «Habitrot/ Хэбитрот»);

«Take you away when you are in my house!/Забрать тебя из моего дома!» (из сказки «The Brazen Brogues/ Медные башмаки»);

«Dear me!/Чёрт возьми!» (из сказки «Jack Hannaford/ Джек Хэннефорд»);

«Oh me! Let me see it!/Боже! Дай посмотреть!» (из сказки «Princess of Canterbury/ Принцесса Кэнтерберийская»).

Среди наиболее часто встречаемых высказываний объекта манипуляции выделим междометные предложения (причём, в английском языке междометие чаще всего пунктуационно отделяется от всего предложения восклицательным знаком, а затем со строчной буквы продолжается само предложение с соответствующим пунктуационным знаком в конце) и побудительные (императивные) высказывания. Междометия, по определению грамматистов, выражают чувства, эмоциональное состояние, призыв. Как отмечают психологи, изучающие феномен манипуляции, для успешного проведения манипулятивного воздействия необходимо привести собеседника в состояние психического дисбаланса, когда человек не в состоянии адекватно разобраться в ситуации. Повышенное употребление им междометий в подобной ситуации явно свидетельствует о возбуждённом состоянии коммуниканта, о преобладании эмоций и чувств над разумом.

Использование императивных высказываний говорит о принятии человеком самостоятельного решения, которого добивался манипулятор, и прочном намерении действовать (как правило, совместно с манипулятором).

По-видимому, необходимо констатировать тот факт, что более частое использование восклицательных высказываний именно объектом, а не субъектом манипуляции доказывает успех проведённого манипулятивного воздействия: приведение объекта в состояние психической дисгармонии, повышенной возбудимости приводит к полному и активному принятию предлагаемых манипулятором действий.

3. Типы высказываний по структуре.

Классификация высказываний по структуре предполагает деление на простые, содержащие одну пару главных членов предложения – подлежащее или сказуемое или один из них, и сложные, в состав которых входят как минимум два простых предложения. Как отмечают многие лингвисты, в разговорной речи чаще используются простые предложения, так как у говорящего нет времени на предварительное обдумывание речевой оформленности своих мыслей. По мнению О.Б.Сиротининой, «невозможность продумывания фраз до их проговаривания мешает широко использовать в разговорной речи развёрнутые и сложные предложения» [Сиротинина 1983: 43].

Результаты подсчёта простых и сложных предложений-высказываний представлены в таблице № 6 Приложения № 1. Полученные нами данные

полностью подтверждают цитируемое утверждение О.Б.Сиротининой. Более половины всех высказываний являются простыми, что характерно для обоих языков.

Инвариантным представляется тот факт, что к употреблению сложных синтаксических конструкций в большей степени тяготеет манипулятор (особенно существенна разница в русском языке: 42% у субъекта и 21,5% у объекта манипуляции). Выдвинутое нами ранее предположение о наличии более сложных, громоздких синтаксических структур в речи манипулятора подтвердилось.

Ставя цель сформировать конкретную установку у адресата, посредством сложного синтаксиса субъект манипуляции либо выстраивает цепочку доказательств, необходимых для внушения адресату определённой мысли, либо переключает внимание собеседника на различного рода объяснения, уточнения и т.п.

4. Типы предложений-высказываний по отношению к действительности.

Рассмотренные выше типы высказываний – функционально повествовательные, вопросительные, побудительные и интонационно восклицательные и нейтральные могут быть утвердительными либо отрицательными с точки зрения их отношения к действительности (или характера предикативных отношений). Данный классификационный критерий применяется нами только в отношении простых предложений-высказываний, так как сложные высказывания содержат в своей структуре как минимум две пары главных членов, одна из которых может выражать утверждение, а другая – отрицание, что затрудняет их строгое распределение по двум типам. Такое разделение считаем принципиальным на данном этапе работы, так как исследуемые высказывания употребляются коммуникантами как в прямых (собственных), так и не прямых (несобственных) значениях.

При разграничении высказываний по отношению к действительности мы следуем за общей практикой преподавания: если формальных показаний отрицания нет, предложение следует квалифицировать как утвердительное [СРЯ ч. 2 2002: 431-432]. Следовательно, несобственно-утвердительным считаем такое высказывание, которое содержит не утверждение, а отрицание, при этом отрицание предполагается не структурой предложения, а его семантическим наполнением. (В нашей работе принято написание терминов «собственно-утвердительное» и «несобственно-утвердительное» через дефис, как это принято в учебнике по современному русскому языку под редакцией Д.Э.Розенталя, ведущего специалиста в области русской орфографии.) И наоборот: несобственно-отрицательным является такое высказывание, в составе которого

присутствуют отрицательные слова или частицы, но с точки зрения семантики оно представляет собой утверждение. Полагаем, что использование непрямых значений в высказываниях способствует «вуалированию» истинного содержания реплики, уведению собеседника «в сторону» от нежелательного вопроса/замечания и т.д., что является эффективным манипулятивным приёмом в практике психологического воздействия на человека.

Согласно данным таблицы № 7 Приложения, количество высказываний, употребляемых субъектом манипуляции в несобственном значении, несколько выше, чем у манипулируемого объекта в английских народных сказках и значительно выше у русскоязычного субъекта манипуляции по отношению к объекту. Случаи употребления англоговорящим субъектом манипуляции высказываний в несобственном синтаксическом значении довольно редки: 3% несобственно-утвердительных *And don't you have anything else but boy-meat? No pudding?/Вы только мальчиков едите? А пудинг, например?* (из сказки «*Mr. Miacca/ Мистер Миакка*») и 2% несобственно-отрицательных *Why do you blame Adam? You'd ha' done just like Adam, if you'd a-been in his place/Зачем винить Адама? Ты бы сделал то же самое, будь ты на его месте* (из сказки «*A Son of Adam/ Адамов сын*»).

В русских народных сказках персонаж-манипулятор представляется нам ещё более искусным (сравнительно с персонажем английской сказки) в плане речевого умения «маскировки» интенций, предназначенных для осуществления собеседником. Он в 4 раза чаще, чем объект манипуляции, прибегает к использованию несобственно-утвердительных высказываний и в 2,3 раза – несобственно-отрицательных (см. таблицу № 4 приложения № 1). Рассмотрим примеры манипулятивных транспозиционных реплик в русских народных сказках:

1) несобственно-утвердительные:

«Да разве ты одну голову прятал в мешок?» (из сказки «*Старая хлеб-соль забывается*»);

«Вишь прыткий! Ну, где тебе перегнать меня?» (из сказки «*Иванко Медведко*»);

«Что тебе и говорить!» (из сказки «*Морской царь и Василиса Премудрая*»);

«Что вы тут сидите!» (из сказки «*Козьма Скоробогатый*»);

«Есть из чего хлопотать!» (из сказки «*Купленная жена*»).

2) несобственно-отрицательные:

«Я за неё [индюшечку] не возьму и невесточку!» (из сказки «*Лисичка-сестричка и волк*»);

«Как мне не плакать?» (из сказки «Лиса, заяц и петух»);

«Ведь ты моему горю не пособишь?» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»).

Оговоримся, что последняя приведённая нами реплика является частью следующего контекста (манипулятором выступает Иван гостиный сын, манипуляция прodelывается им неосознанно: он слишком огорчён, искренне верит в безвыходность своего положения, а его интенции рассказчиком не эксплицируются):

«Идет он от царя и буйную голову свою повесил с горя. Увидала его царская дочь Василиса Премудрая и спрашивает: «Что так пригорюнился?» – «Что тебе и говорить! Ведь ты моему горю не пособишь?» – «Почем знать, может и пособию!» Рассказал ей Иван гостиный сын, какую службу приказал ему царь Некрещеный Лоб. «Ну, это что за служба! Это – службишка, служба будет впереди! Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано».

Используемые в несобственном синтаксическом значении высказывания Ивана следуют одно за другим: *Что тебе и говорить!* (несобственно-утвердительное) и *Ведь ты моему горю не пособишь?* (несобственно-отрицательное). Подобные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о высоком мастерстве манипулятора (даже на подсознательном уровне) и, что не менее важно, о более широких (в сравнении с английским языком) манипулятивных возможностях русского синтаксиса.

Вариативность употребления предложений-высказываний в несобственно-прямом значении в сравниваемых языках заключается, по видимому, в грамматико-структурных особенностях языков. Относительно свободный порядок слов и – шире – размещения компонентов в русском языке не препятствует повышению количества эмфатических высказываний (в несобственно-синтаксическом значении могут выступать как двусоставные, так и односоставные предложения). В то же самое время строгий (прямой) порядок слов в английском предложении ограничивает возможности столь свободного размещения слов в предложении и его компонентов.

5. Простые предложения-высказывания по количеству главных компонентов.

Синтаксические единицы, в отличие от лексем, морфем и фонем, оформляют нечто целое, законченное – человеческую мысль; именно поэтому мы рассматриваем предложения (высказывания) как речевые единицы, образующие манипулятивный акт. В свою очередь, эти единицы могут разделяться на более мелкие составляющие – компоненты, так называемые члены предложения. Члены предложения делятся на главные и

второстепенные; главными компонентами любого предложения являются подлежащее и сказуемое.

Если в предложении представлены оба главных компонента, то мы говорим о двусоставной синтаксической единице, если только один (подлежащее или сказуемое) – односоставной. Анализ контекстов, численно представленный в таблице № 8 Приложения, обнаружил заметную языковую вариативность в употреблении дву- и односоставных высказываний. Проверка полученных чисел по формуле χ^2 -критерий подтвердила статистическую значимость расхождений у полученных нами чисел (см. таблицу № 12 Приложения) и, следовательно, релевантность выявленных различий. В речи англоязычных участников манипуляции преобладают двусоставные конструкции (60% у субъекта и 72,5% у объекта манипуляции), а у русскоязычных персонажей – наоборот, односоставные синтаксические конструкции (75% и 72% соответственно).

Считаем необходимым уточнить, какие именно односоставные типы предложений-высказываний доминируют в речи русскоговорящих субъекта и объекта манипуляции. Определённо-личные односоставные предложения преобладают в речи как субъекта (21,6%), так и объекта (29,7%) манипуляции. Определённо-личными называют такие односоставные предложения, «в которых сказуемое выражено глаголом, указывающим личным окончанием на определённое (конкретное) лицо, которым может быть говорящий или его собеседник» [СРЯ ч.2 2002: 331]. Подобные предложения характерны для диалогической речи, живого процесса общения, например:

«Змей ждал, ждал, не выдержал, побежал сам: «Что так мешкаешь?» – «Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкою, да и тащить все с кореньями, чтобы надолго дров хватило!» – «Экой ты! Все по-своему делаешь», – сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу»;

«Оставался один купеческий сын. «Наймись ко мне», – говорит ему семисотный купец. «Изволь! Положи на день по двести рублей и давай работу». – «Экой дорогой!» – «А дорогой, так поди – поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты показался – сейчас разбежались». – «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань»».

Вокативные высказывания (предложения-обращения) представляют собой «обращения, осложнённые выражением нерасчленённой мысли, чувства, волеизъявления» [СРЯ ч. 2 2002: 109]. Основу вокативного высказывания составляет существительное (реже местоимение) в именительном падеже, произносимое с особой интонацией, часто усиленное междометиями и частицами, которые добавляют различные смысловые коннотации: призыв, побуждение к действию, несогласие с собеседником, укор, упрек и т.п.

Приведём примеры вокативных высказываний, используемых манипулятором:

- «Жена моя милая!» (из сказки «Незнайко»);
- «Ах, дух нечистый!» (из сказки «Елена Премудрая»);
- «Ой ты; куманёк-голубок!» (из сказки «Лиса-повитуха»);
- «Ах, любезный волченёк-куманёк!» (из сказки «Лиса-повитуха»);
- «Петушок, петушок!» (из сказки «Кот, петух и лиса»);
- «Ваше царское величество!» (из сказки «Козьма Скоробогатый»);
- «Эх, брат Мишка!» (из сказки «Медведь, лиса, слепень и мужик»).

Вокативные высказывания объекта манипуляции представляются менее насыщенными по эмоциональной окраске, например:

- «Дядюшка!» (из сказки «Шабарша»);
- «Эх, баба-дура!» (из сказки «Кощей Бессмертный»);
- «Кот-коток, серый лобок» (из сказки «Кот, козёл и баран»);
- «Красная девица!» (из сказки «Крошечка-Хаврошечка»).

Как видно из примеров, обращения, используемые героями-манипуляторами, в большей степени осложнены определениями *милая, любезный*, приложениями *брат, куманёк*, междометиями *ой, ах, эх*, притяжательными прилагательными *мой/моя, ваше и т.п.*, лексическими повторами – всё это способствует манипулятивным целям воздействия: расположению собеседника к себе, созданию доброжелательной атмосферы, доверительного общения и т.п. По-видимому, манипуляторы издавна руководствовались одним из золотых правил общения, сформулированного Д.Карнеги следующим образом: «нет для человека звука значительнее и приятнее, чем звук собственного имени» [Карнеги 2001: 108] или, дополним, эмоционально-положительного обращения, адресованного ему.

Отметим также значительное количество междометных (нечленимых) и эллиптических высказываний, употребляемых в речи участников манипуляций (количественный перевес наблюдается у субъекта манипулятивного воздействия). Наличие предложений указанных типов свойственно разговорной речи, что неоднократно отмечалось учёными-лингвистами, например О.Б. Сиротининой [Сиротинина 1983: 56–58]. Их преобладание в речи манипулятора по сравнению с речью манипулируемого, по-видимому, продиктовано его более активной позицией в коммуникативной ситуации, стремлением к контролированию чувств и эмоций собеседника (например: «Куда тебе!», «Ах, кум!», «Ахти!» и т.п.), а также стремлением к контролированию мыслей объекта манипуляции для принятия необходимого манипулятору решения (как это произошло с волком в описываемом ниже эпизоде из сказки «Овца, лиса и волк»):

«Взаправду, кум, твой?» – «Верно, мой!» – «Побожись?» – «Побожусь!» – «К присяге пойдешь?» – «Пойду». – «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметала, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела

бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову».

7. Типы сложных предложений-высказываний.

Как отмечалось ранее, субъекту манипуляции необходимо оформить свою речь таким образом, чтобы её имплицитное содержание не только было понято объектом, но и вызывало у него собственное желание/стремление к определённым действиям. Достижению этой цели служит использование не только простых (у русскоговорящего манипулятора – преимущественно односоставных высказываний), но и сложных предложений. Сложными считаются такие предложения, в структуре которых объединены как минимум два простых предложения (т.е. две пары главных членов предложения). Сложные конструкции различаются по типам связи, устанавливаемым между его частями.

В русской грамматике традиционно выделяются 4 типа сложных предложений: сложносочинённые, сложноподчинённые, бессоюзные и тип, содержащий в себе более двух видов из перечисленных способов синтаксической связи (так называемые сложные синтаксические конструкции). В английском языке принята следующая классификация сложных (composite) предложений: сложносочинённые (compound), сложноподчинённые (complex) и полипредикативные конструкции (polypredicative constructions). Основные типы – compound и complex – также рассматривается как полипредикативные структуры, однако они выделяются в отдельные типы за счёт наличия специфических отношений между частями (clauses) сложного предложения и соответствующих союзов. Также упоминают о бессоюзной связи сложных предложений (asyndentic sentences), но этот тип чаще всего включается в один из вариантов общепринятых compound и complex [Блох 1983: 313 – 314]. Следует также оговорить присутствие в английской грамматике так называемых полусложносочинённых предложений (semi-compound) и полусложноподчинённых (semi-complex), одна из частей которых является предложением семантически, а не грамматически (т.е. выражена с помощью таких конструкций, как причастный оборот, инфинитивный оборот и т.п.).

Изучив данные классификации интересующих нас языков, мы сочли возможным разбить сложные высказывания на 4 типа, представленных в обоих языках, в зависимости от типа связи частей предложения в составе сложного: сложносочинённого, сложноподчинённого, бессоюзного и полипредикативного (с различными типами связи), в результате чего мы получили таблицу № 9 (см. приложение).

Как видно из таблицы, полученные нами данные варьируются в зависимости от языка и от лица, являющегося отправителем информации.

Так, наиболее распространёнными в речи англоязычных участников манипуляции являются полипредикативные конструкции, т.е. сложные синтаксические конструкции, включающие более двух частей в своём составе, соединяющихся различными синтаксическими способами (у субъекта манипуляции – 38%, у объекта – 27%), и сложноподчинённые высказывания (у субъекта – 32%, у объекта – 31%). В речевых манипулятивных актах русскоговорящих героев наибольшее количество составляют бессоюзные высказывания (субъект – 34%, объект – 22%).

По-видимому, англоговорящий манипулятор следует известной английской поговорке «The end justifies the means.» / «Для достижения цели все средства хороши». Он использует при этом все возможные синтаксические средства связи в построении высказываний, способных убедить, доказать, заставить собеседника выполнить нужные ему действия. Русскоязычный персонаж-манипулятор в большей степени предоставляет возможность реципиенту самому додумать, установить взаимосвязь и взаимозависимость услышанных фактов и затем принять «правильное» – в интересах манипулятора – решение (что, на наш взгляд и выражается в отсутствии союзной связи в сложных предложениях).

Примечательным нам кажется то, что объект манипуляции в русских народных сказках чаще (причём значительно чаще самого манипулятора) употребляет именно бессоюзные конструкции (51%). На наш взгляд, данный феномен свидетельствует о мастерски проделанной манипулятором работе: объект воздействия полностью принимает его ход мыслей и следует предложенному алгоритму действий.

8. Состав простых и сложных высказываний по наличию недостатка/избытка компонентов.

По нашему предположению, субъект манипуляции в большей степени тяготеет к использованию синтаксических конструкций, осложнённых относительно большим количеством компонентов или, наоборот, использует высказывания с явным недостатком структурных компонентов предложения.

Употребление усложнённых, «перегруженных» различными видами дополнений, уточнений, обособлений и т.п. синтаксических конструкций в речи субъекта манипуляции имеет целью отвлечь внимание собеседника от ядра высказывания на менее важные, но интенсивно навязываемые детали сообщения. Объект манипуляции, отвлекаясь на «обработку» предложенного объема несущественной информации, не замечает насаждаемой ему интенции манипулятора и, в результате, выполняет требуемые от него действия. Согласно данным таблицы № 10 Приложения к подобному типу построения высказываний чаще всего прибегает англоговорящий субъект манипуляции (40% от общего количества высказываний).

В отличие от англоговорящего манипулятора русскоязычный субъект манипуляции склонен к использованию высказываний, в составе которых наблюдается недостаток синтаксических компонентов. Как отмечалось ранее, русскоговорящий организатор манипулятивного воздействия гораздо чаще (в сравнении с англоговорящим) предоставляет собеседнику возможность «додумать» услышанное и принять самостоятельное решение. Примечателен тот факт, что сам объект манипуляции в русских народных сказках также в большей степени склонен к использованию высказываний с недостатком компонентов в своём составе. По-видимому, объяснение частоты подобных употреблений (субъект манипуляции 43%, объект манипуляции 49%) кроется в грамматическом строе русского языка, позволяющем (в отличие от английского) опускать в речи как главные, так и второстепенные члены предложения. Например, в приводимом ниже контексте манипуляции из русской народной сказки «Рога» манипулятивными высказываниями являются неполные предложения, заставившие королевскую дочь заинтересоваться предлагаемым товаром:

«Пошел Мартышка яблоков продавать, идет мимо королевского дома и громко кричит: «У меня сладкие яблочки! У меня сладкие яблочки!» Услышала Настасья-королевна, послала свою служанку: «Спроси, почему продает яблоки?»».

Как известно, отведав купленных яблок, у царевны разболелась голова и выросли большие рога. Чтобы «вылечить» её, Мартышка, переодевшись доктором, попадает во дворец, вновь используя предельно краткое односоставное предложение: *«Нет ли дохтуру работы?»*.

В целом, англоговорящие участники манипуляции в большей степени сохраняют традиционное построение предложений-высказываний. Законы английской грамматики позволяют чаще формулировать высказывания с избытком компонентов, чем с их недостатком, в то время как правила построения русских синтаксических конструкций более либеральны, что приводит к довольно частому использованию на первый взгляд упрощённых, но семантически более ёмких конструкций с недостатком компонентов.

9. Размещение компонентов (порядок слов) в простых и сложных высказываниях.

С точки зрения эмоциональности, речь манипулятора, по-видимому, должна отличаться от речи манипулируемого не только интонационно, но и грамматически, т.е. посредством размещения компонентов высказывания внутри него. За нейтральную модель высказывания мы принимаем традиционно оформленный порядок слов в предложении: подлежащее – сказуемое. Отклонения от данной нормы мы понимаем как проявления осознанной или неосознанной эмоциональности, создающей тот или иной

стилистический эффект высказывания. Проанализировав высказывания участников манипуляции в обоих языках (результаты анализа представлены в таблице № 11 приложения), констатируем тот факт, что наиболее эмоциональным в плане грамматического оформления своей речи является русскоязычный субъект манипуляции. Примерами ненейтрального (эмоционального) размещения компонентов в русских манипулятивных высказываниях могут служить:

«Погоди, вот скоро подойдёт облачко, так на него закину!» (из сказки «Шабарша»);

«Он мне и кушанье хорошо готовит!» (из сказки «Королевич и его дядька»);

«Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла» (из сказки «Василиса Прекрасная»).

В силу строгого прямого порядка слов в английском языке явления инверсии довольно редки. В нашем исследовании таких случаев выявлено 3,7% у субъекта манипуляции и 3,3% у объекта манипуляции, что не может быть принято в качестве закономерно встречающегося феномена (у русскоязычного субъекта манипуляции число употреблений эмоционально оформленных с точки зрения грамматики высказываний составляет 29,6%).

1.5. Семасиологические средства

По словам Ю.М.Скребнева, объектом семасиологии являются различного рода переименования (тропы), фигуры и стилистические функции значений языковых единиц в условиях необычной предметной соотнесённости. Как в английском, так и в русском языках к средствам словесной образности относят: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, сравнение, эпитет, гиперболу и другие средства. Указанные языковые средства усиливают действенность «озвученного высказывания посредством прибавления различных экспрессивно-эмоциональных оттенков» [Розенталь 1981: 98].

С точки зрения разграничения элементов и единиц в речи, семасиологический уровень, по-видимому, занимает промежуточное место: его составляющие могут выступать в качестве и элементов и единиц, образующих манипулятивные высказывания. Так, наиболее часто встречаемым элементом в составе манипулятивных высказываний обоих языков является эпитет: *добрый молодец, старая ведьма, дух нечистый, Настасья Прекрасная; nice apple tree/прекрасная яблоня, the little pig/поросёночек, heavu news/ужасные новости* и пр.

Лексический повтор также встречается в обоих языках и служит выразительным средством для передачи душевного волнения, переживания, чувства. Например,

«А, Иван купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?» – «Прости меня! – молит-Иван купеческий сын. – То не я хвалился, то хмель хвалился». – «А ну, покажи: какой-такой хмель?»;

«Ooh! the stone, the great big stone! ooh! the stone's on top!/Ох! Камень! Огромный камень! Ох! Камень на мне!».

Гипербола, как преувеличение тех или иных свойств предмета «представляет собой непосредственное, не сдерживаемое этическими условностями выражение интенсивности эмоциональной оценки действительности отправителем речи» [Скребнев 1975: 122]. В манипулятивных контекстах разговорной речи гипербола апеллирует к воображению адресата с целью создания необходимого манипулятору эффекта, например:

«Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка его удерживает: «Это что за чудо! Вот диво – так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть три братца родные – по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды!»;

«“That accounts for the hubbub I heard a short while ago up in the glen”, said Duncan. “I have no doubt at all she is coming back very shortly”./ Это и есть тот гуд, который я слышал недавно в долине, – сказал Дункан. – Я не сомневаюсь, что она вернётся очень скоро».

Такой стилистический приём, как сравнение может выступать и элементом, и самостоятельной единицей, формирующей манипулятивное высказывание, например:

а) «Врешь ты! – отозвался Иван. – У меня жена лучше твоей; хочешь, об заклад побьемся?» (из сказки «Купленная жена»);

б) «Как же мне не плакать? – отвечает царевич. – Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменья острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться». – «Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»);

в) “I’ll squeeze your heart like the flint stone/Я сожму твоё сердце подобно этому камню” (из сказки «The Little Bull-Calf/ Телёночек»);

г) “A man going straight up into the sky, as if he were walking on a road/ Человек шёл прямо на небо, как будто бы он шёл по дороге” (из сказки «Jack Hannaforde/ Джек Хэннефорд»).

В примерах а) и в) сравнения жена лучше твоей и like the flint stone являются элементами образующими манипулятивное высказывание, в то время как, примеры б) и г) представляют собой самостоятельные единицы чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться и as if he were

walking on a road, входящими наряду с другими единицами в состав сложного синтаксического целого.

Таким образом, семасиологические языковые средства, в зависимости от их функционирования в речи могут выступать как элементы, придающие стилистическую экспрессивность манипулятивному высказыванию, и как относительно самостоятельные единицы (собственно высказывания), обладающие большей стилистической выразительностью в сравнении с другими языковыми средствами. Речевое выражение семасиологических средств требует отдельного, более глубокого, на наш взгляд, исследования, что не представляется возможным в рамках данной работы.

§ 2. Межличностные манипуляции в английских и русских народных сказках на уровне коммуникации

Уровень коммуникации – это «действительность языка, его актуально наличное бытие» [Пузырёв 1995: 258]. Исследуя манипулятивные акты в выбранных нами контекстах сказок на уровне коммуникации, необходимо помнить, что любой текст для читателя оказывается всего лишь «отражением отражения отражения» [Рябцева 1986: 90] и потери информации (в нашем случае возможна потеря исходного сюжета сказки, той или иной части её содержания, изначальных имён персонажей, особенностей их речи и т.п.) неизбежны. Однако, тот факт, что в этих условиях найден столь обширный материал, доказывает, на наш взгляд, свойство манипуляции как атрибута социума вообще и конкретного социума в частности.

Рассматривая феномен манипуляции с позиций четвёртого (последнего и наиболее содержательного) уровня тетрахономии *мышление – язык – речь – коммуникация*, мы неизбежно сталкиваемся с понятием *языковая личность*. Под языковой личностью, вслед за А.В.Пузырёвым, нами понимается прежде всего реально существующий человек, создающий в процессе общения уникально-неповторимый коммуникативный акт. По словам Т.Ю.Тамерьян, «языковая личность познаёт, отображает, оценивает и информирует о конкретном фрагменте реальной действительности. В понятие языковой личности включается не только языковая компетенция и определённые знания, но и интеллектуальная способность создавать новые знания на основе накопленных с целью мотивации своих действий и действий других языковых личностей» [Тамерьян 2006: 60].

В настоящее время феномену языковой личности уделяется большое внимание не только в плане расширения понятия (вводятся новые классификации типов языковых личностей, изучаются гендерные характеристики языковых личностей и возрастные критерии), но и с точки зрения лингвистических исследований. Изучение языковой личности с

позиции лингвоперсонологии (термин – В.Н. Нерознак) подразумевает рассмотрение индивидуальных, «идиостилевых» особенностей этой «глобальной» личности в конкретной ситуации, на конкретном языковом материале, в зависимости от цели исследования. Исходя из вышесказанного, языковая личность политика, например, продемонстрирует типичные речевые особенности в конкретной ситуации политического дискурса, а языковая личность писателя выявит уникальную неповторимость стиля в сравнении с обычным носителем языка, а также идиостилевые предпочтения того или иного транслятора в конкретном речевом произведении (тексте).

Поскольку большинство контекстов английских народных сказок в работе сопровождаются переводом с английского на русский, хотелось бы обратить внимание на языковую личность переводчика.

Исходя из того, что текст перевода воспринимается реципиентом как то же самое только на другом языке, т.е. копия исходного текста и в восприятии получателей текста равен оригиналу, переводчик должен способствовать передаче прагматического воздействия автора, а его собственная позиция не должна отражаться в тексте перевода. Это предназначение перевода лежит в основе переводческой деятельности и дает возможность выделить языковую личность переводчика как своеобразный тип языковой личности.

Под языковой личностью переводчика мы понимаем личность, направленную на трансляцию текстового содержания, порожденного чужой культурой и воплощенного в единицах чужого языка, в контекст своей культуры и единицы своего языка (более подробно см. О.Н. Шевченко 2005). Фактически переводной текст не может быть равен оригинальному и является отражением, продуктом деятельности переводчика, а личность последнего в той или иной мере накладывает свой отпечаток на конечный результат. В результате мы получаем идиостиль переводчика, под которым нами понимается совокупность характеристик, устойчиво отличающих одного говорящего (пишущего) субъекта от другого, а само понятие идиостиля соотносится – в плане разграничения неспецифических, относительно и абсолютно специфических языковых единиц [Скребнев 1975: 33] – с абсолютно специфическими языковыми единицами.

Проводя анализ контекстов манипулятивных актов персонажей народных сказок на уровне коммуникации следует принять во внимание интенции манипулирующего, проследить набор используемых им языковых средств и их оформленность в речи, а также другие экстралингвистические факторы, определяющие поведение языковой личности в той или иной коммуникативной ситуации.

По мнению Н.В.Варнавских, речевое поведение языковой личности – это «специфический набор речевых навыков или речевых привычек, который проявляется на неосознаваемом уровне в привычном выборе грамматических и лексических средств» [Варнавских 2005: 112]. Привычный выбор речевых средств формируется говорящим на основе его личного опыта. Несмотря на своеобразие каждой речевой личности, все они имеют ряд общих черт, среди которых Н.В. Варнавских выделяет: наличие скрытого воздействия на получателя информации, актуализация национальной специфики, неосознанный выбор речевых сигналов, свидетельствующих о неповторимых личностных качествах.

Соглашаясь с мыслью Т.Г.Винокур, отметим, что речевое поведение – это «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур 1993: 12]. К внеязыковым (экстралингвистическим) факторам формирования речевого поведения, образующим национальное своеобразие речевого поведения, относят: географическое положение, исторические факты, социальные явления, обычаи, нравы и т.п.

Далее предлагается рассмотреть примеры коммуникативных актов, содержащих манипуляцию, не только с лингвистических, но и с лингвокультурологических позиций. Помимо вербальных характеристик языковой личности, участвующей в манипулятивном акте, обратим внимание на экстралингвистические факторы и невербальные характеристики, определяющие манипулятивное поведение говорящего, что должно продемонстрировать «штучный характер» выбранного нами подхода.

Английские народные сказки.

Как показывает анализ манипулятивных контекстов в английских народных сказках, манипулятивное намерение чаще всего рождается как стремление избавиться от нежелательного общения, либо как стремление улучшить собственное благосостояние, а иногда как единственно возможный способ спасти собственную жизнь. В последнем случае можно говорить об искусстве общения, как об одном из видов манипуляции, примером которого является следующий диалог (эпизод взят из английской народной сказки «Молли Ваппи»):

«Molly says: "I would put you into a sack, and I'd put the cat inside wi' you, and the dog aside you, and a needle and thread and shears, and I'd hang you up upon the wall, and I'd go to the wood, and choose the thickest stick I could get, and I would come home, and take you down, and bang you till you were dead."

"Well, Molly, says the giant, I'll just do that to you."

«– Наконец-то я тебя поймал, Молли Ваппи! – вскричал он. – Ну, говори: если б я тебе так досадил, как ты мне, чтобы ты со мной сделала?»

– Я бы посадила тебя в мешок вместе с кошкой и собакой, – ответила Молли, – а ещё сунула бы туда нитки, иголку и ножницы. Потом повесила бы мешок на стену, а сама пошла бы в лес за палкой потолще. Выбрала бы самую толстую дубинку, а дома положила бы мешок на пол и принялась бы тебя молотить, пока бы ты дух не испустил.

– Ну, что ж, Молли, – сказал великан, – так я и сделаю!».

В данном эпизоде манипулятором выступает девочка Молли, неоднократно пробиравшаяся в логово великана, чтобы по заданию короля похитить меч, кошелёк и кольцо. За её услуги король обещал выдать замуж Молли и её сестёр за своих сыновей. Социально-психологический конфликт между великаном и Молли вполне очевиден: великан не желает терять собственное имущество, в то время как именно в нём девочка видит единственный способ улучшить собственное благосостояние. Попав в руки великана, Молли мастерски использует все возможные языковые средства, привнося в свою речь эффект давления на адресата: использование форм сослагательного наклонения в значении побуждения к действию, намеренное повторение оппозиции личных местоимений *я – ты*, употребление превосходной степени прилагательного, лексических повторов и др. Успех манипуляции достигнут: великан полностью следует предложенной схеме действий, в ходе исполнения которой Молли убегает.

Объект манипуляции в английских народных сказках далеко не всегда представляется столь наивным, как великан из предыдущего примера. Доказательством этому служит преобладание в речи объекта манипуляции негативно окрашенной лексики в сравнении с субъектом манипуляции (см. таблицу №3 приложения). По-видимому, отмечаемая культурологами характерная для англичан сдержанность, подчеркнутая вежливость как способ дистанцирования в межличностных отношениях не позволяет англоговорящему объекту манипулятивного воздействия необдуманно принимать навязываемые ему действия.

В целом, манипулятивные акты, выявленные нами в английских народных сказках, демонстрируют социо- и психолингвистическое основание межличностных манипуляций, мастерское использование манипулятором всего арсенала языковых средств, реализующихся в речи героя и, как результат, успешное проведение манипуляции.

Русские народные сказки.

Манипуляции, осуществляемые героями русских народных сказок, основаны на тех же психолингвистических и социолингвистических принципах, что и манипуляции любого другого (в том числе английского)

народа. Сказочный персонаж-манипулятор представляется «лисой», способной «сладко вещевать», создавая положительный настрой у объекта манипуляции, о чём свидетельствует наибольшая, в сравнении с другими исследуемыми участниками манипуляции, частота использования положительно окрашенной лексики. Возможно именно поэтому манипулятором в русских народных сказках о животных, как правило, является лиса.

Объект манипуляции в значительно большей степени, чем англоговорящий объект воздействия, склонен оказаться жертвой манипуляции. Как показал морфологический анализ употребления форм повелительного наклонения, наибольшая представленность данных грамматических форм выявлена у русскоязычного объекта манипуляции. Манипулируемый не только самостоятельно угадывает интенцию собеседника, но и берёт на себя ответственность за принятое им решение, становясь активным деятелем в его осуществлении. В этом мы усматриваем такие черты национального характера, как чувство ответственности и бескорыстное желание помочь ближнему. Рассмотрим один из примеров манипуляции взятой из русской народной сказки «Белая уточка»:

«Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная! «Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду проишлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная – так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» – а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине: «Плыви ты, – говорит, – белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя».

Желание ведьмы занять место княгини толкает её на совершение манипуляции: она входит в доверие к объекту манипуляции, использует различные лингвистические средства с целью придания убедительности своим словам (использование однородных сказуемых, сложной синтаксической конструкции, вопросительно-побудительных предложений и др.) и добивается намеченной цели – занимает место княгини.

Таким образом, выявленные нами манипуляции в английских и русских народных сказках, имеют одинаковый характер предпосылок, механизм протекания и способы осуществления манипулятивного воздействия. Определённое варьирование отмечено нами на уровнях языка и речи, в то время как уровни мышления и коммуникации в изучаемых лингвокультурах демонстрируют инвариантные свойства манипулятивного поведения.

Языковыми средствами, формирующими манипулятивное высказывание, могут выступать все средства языка, а именно: фонетические, морфологические, лексические, синтаксические и семасиологические.

На фонетическом языковом уровне к средствам, способным образовать манипулятивное высказывание относятся: звуковые повторы, стилевое варьирование фонем и рифмованная организация текста. На морфологическом уровне языка «манипулятивно» окрашенными средствами оказались: синонимия морфем и варьирование категориальных грамматических форм. Лексический языковой ярус представлен главным образом стилистической окрашенностью лексем, выступающих в качестве слов, способных оказать манипулятивное воздействие. Синтаксический языковой уровень выступает как уровень, аккумулирующий в себе составляющие предыдущих языковых ярусов и образующий самостоятельные единицы – высказывания, звучащие из уст участников манипуляции. К манипулятивным синтаксическим средствам относим транспозиционные предложения-высказывания, ненейтральные высказывания (как по интонации – восклицательные, так и по грамматической организации (порядку слов) – инверсионные), а также высказывания с избыточным или недостаточным количеством компонентов. Семасиологический ярус, заключающий в себе различные стилистические фигуры, изобилует всевозможными манипулятивными средствами, выступающими в качестве элементов и/или единиц речевого акта манипуляции, обладающих наиболее яркой силой воздействия (например, эпитетами, гиперболами и др.)

На уровне коммуникации мы изучаем манипулятивный акт как бы изнутри сказки, т.е. с точки зрения привлечения всех существенных деталей протекания манипулятивной конситуации. Интенции персонажей сказок – участников манипулятивного акта (стремление к односторонней выгоде), способы использования ими языковых средств в процессе протекания коммуникативного акта (мастерское владение вербальными и невербальными средствами) для изучаемых лингвокультур инвариантны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая монография посвящена изучению особенностей функционирования речевых манипуляций в английских и русских народных сказках. Оно представляет собой опыт комплексного сопоставительного описания речевых средств разных языковых уровней, используемых сказочными персонажами в манипулятивных ситуациях общения.

Речевая манипуляция определяется в работе как вербально выраженный вид психологического воздействия одного персонажа сказки на другого, в результате чего у объекта манипуляции возникает желание или намерение, не являющееся его собственным и приводящее к получению субъектом манипуляции определённой, односторонней выгоды. Изучены контексты речевых манипуляций, осуществляемых как осознанно, так и неосознанно субъектом воздействия в силу того, что данные различия, значимые для уровня мышления, нерелевантны на уровне речи.

В качестве участников манипуляции были приняты персонажи английских и русских народных сказок, демонстрирующие различные разговорные стили в зависимости от исполняемой роли в акте манипуляции. Субъекты манипуляций в изучаемых языках обнаруживают большую активность в использовании стилистических средств выражения (сравнительно с персонажами – объектами манипуляции).

В качестве стилистических средств выражения участниками манипуляций используются все возможные средства языковых уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического и семасиологического.

В исследовании разграничиваются элементы и единицы манипулятивного взаимодействия сказочных персонажей. В качестве единицы манипулятивного воздействия принято высказывание (то или иное предложение в речи героев). Составляющие других ярусов языка представляются элементами, формирующими данную единицу, в силу отсутствия у них некой целостности и самостоятельности. Этот исходный момент позволяет перевести полученные результаты на объективные и в значительной мере формализованные подходы, допускающие в том числе и статистическую проверку.

На фонетическом уровне языка усилению манипулятивного воздействия способствуют звуковые повторы, стилевое варьирование фонем, рифмованная организация текста. Использование данных средств призвано инспирировать ту или иную интенцию у манипулируемого на подсознательном уровне и является инвариантным для исследуемых языков.

Мастерство манипулирующего наиболее ярко представлено на морфологическом языковом уровне: более частое использование императивных форм глаголов, побуждающих к совершению тех или иных действий, выявлено у объекта манипуляции, причём русскоязычный объект манипуляции прибегает к их использованию в 1,7 раза чаще самого манипулятора. Подобное функционирование повелительного наклонения демонстрирует искусство манипуляции, которое заключается в том, чтобы не заставить собеседника выполнить какие-либо действия, а предоставить «свободный» выбор манипулируемому с целью принятия решений (и, следовательно, выполнения действий), необходимых манипулятору.

На лексическом уровне успешному проведению манипуляции способствует использование манипулирующим стилистически окрашенных средств с целью создания положительного (а иногда и отрицательного) вербального образа или настроения. Сопротивление манипулируемому акту воздействия также представлено в лексическом аспекте: объект манипуляции как в английских, так и в русских народных сказках, чаще использует негативно окрашенную лексику, в то время как сам манипулятор тяготеет к использованию положительно окрашенной лексики. Данное явление инвариантно для обоих языков.

В синтаксическом аспекте усилению манипулятивного воздействия в речи манипулятора способствует употребление предложений с избыточными элементами (в английском языке) или, наоборот, предложений с недостатком компонентов (в русском языке). Предложения с инвертированным порядком слов, в большей степени свойственные русскому языку, также способны создать определённый психологический эффект. Употребление высказываний в несобственном значении является эффективным манипулятивным приёмом в арсенале как англоязычного, так и русскоязычного субъекта манипуляции.

Семасиологические средства представлены в речи обоих субъектов манипуляции, так как, являясь стилистическими фигурами, они содержат в себе более значимый (в сравнении с другими языковыми уровнями) и действенный компонент психологического воздействия за счёт заложенной в них образности.

При изучении речевых манипуляций в жанре народной сказки в манипулятивном аспекте манипулятивные акты рассматриваются как бы изнутри сказки, т.е. с точки зрения привлечения всех существенных деталей протекания манипулятивной конституации. Интенции персонажей сказок – участников манипулятивного акта (стремление к односторонней выгоде), способы использования ими языковых средств в процессе протекания коммуникативного акта (мастерское владение вербальными и невербальными средствами) для изучаемых лингвокультур инвариантны.

ИССЛЕДОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х томах. – т.1. – М.: Наука, 1984. – 512 с.

Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х томах. – т.2. – М.: Наука, 1985. – 464 с.

Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х томах. – т.3. – М.: Наука, 1985. – 496 с.

British Fairy Tales. Volume 1. / Retold by A.Williams-Ellis. – Black, Glasgow, 1965. – 168 p.

More British Fairy Tales. Volume 2. / Retold by A.Williams-Ellis. – Black, Glasgow, 1965. – 169-328 p.

English Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs; illustrated by J.D.Batten. – Frederic Muller LTD, London, 1963. – viii, 331 p.

More English Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs; illustrated by J.D.Batten. – London, D.Nutt, 1894. – 273 p.

English Fairy Tales / Selected and edited by E.S.Hartland; seven illustrations by C.E.Brock / London fnd felling-on-Tyne: The Walter Scott Publishing Co., Ltd. – London [a.o.]; n.d. – xxvi, 282 p.

English Fairy Tales. / Selected and arranged by L.Kellner. – Leipzig, Bernhard Tauchnitz, 1917. – 246 p.

English Fairy Tales / Retold by F.A.Steel; illustrated by A.Rackham. – Reprint/ – London: Macmillan and Co. LTD. St.Martin's street, London, 1927. – ix, 316 p.

Fairy Tales from England / Retold by J.Reeves; illustrated by R.Fowler. – Oxford University press, 1999. – 188 p.

Folktales of the Irish Countryside by K.Danaher. – The Mercier press; Cork and Dublin; 1988. – 139 p.

Lang, A. Fifty Favourite Fairy Tales – London: The Nonesuch press, 1963. – 363 p.

Lang, A. Blue Fairy Book. – Rev.ed., Kestrel books; Harmondsworth (Midd'x); 1975. – ix, 373 p.

Scottish Fairy and Folk Tales by Sir G. Douglas. – New York, 1901 – 360 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов, Р.И. Русское литературное произношение [Текст] / Р.И. Аванесов // учеб. пособие для студентов педагог. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
2. Андреева, С.В. Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении [Текст] / С.В. Андреева // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 94-100.
3. Анищенко, А.В. Междометия как выразители эмоций [Текст] / А.В. Анищенко // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. С. 26-35.
4. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин. – М., 2000. – 189 с.
5. Аргунова, Е.В. Манипулирование массовым сознанием как фактор политической социализации в России, конец 1930-х-2000г.г. [Текст]: дисс. ... канд. политол. наук: 23.00.02./ Е.В. Аргунова. – СПб., 2001. – 164 с.
6. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». Изд. 2-е, перераб. / И.В. Арнольд. – Л., «Просвещение», 1981. – 295 с.
7. Артёменко, Е.Б. О некоторых направлениях междисциплинарных исследований на оси МИФ – ФОЛЬКЛОР – ЯЗЫК [Текст] / Е.Б. Артёменко // Традиционная культура. – 2006. № 2. – С. 11-21.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука 1976. – 383 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Речевой акт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 412-413.
10. Афанасьев, А.Н. Предисловие к 1-му выпуску «Народных русских сказок» 1854г. [Текст] / А.Н. Афанасьев // Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. – М., «Олма-пресс», 2004. – 448 с.
11. Балаян, А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / А.Р. Балаян. – М., 1971. – 253 с.
12. Баранов, А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен [Текст] / А.Н. Баранов. // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 40-52.
13. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ на материале русского и английского языков [Текст] / Ю.С. Баскова: дисс. ... канд. филол. наук – Краснодар, 2006. – 162 с.

14. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн. / Пер. с англ. – Общ. ред. М.С. Мацковского.– СПб: Лениздат, 1992. – 398 с.

15. Битянова, М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей [Текст]: учеб. пособие. / М.Р. Битянова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.

16. Блох, М.Я. Теоретическая грамматика английского языка [Текст]: учебник для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1983. – 383 с.

17. Блох, М.Я. Проблема основной единицы текста [Текст] / М.Я. Блох. // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза.– Вып. 252 – М., 1985. – С. 117-128.

18. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

19. Борисова, С.А. Пространство текста и его конститuentы [Текст] / С.А.Борисова // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Ульяновск, март 2007 г. – Ульяновск, 2007. – С. 181 – 183.

20. Братченко, С.Л. Диагностика личностно-развивающегося потенциала [Текст]: / С.Л. Братченко. – Псков: ПГПИ, 1997 – 114с.

21. Брудный, А.А. Понимание как философская и психологическая проблема [Текст] / А.А. Брудный. // Вопросы философии. – № 10. – 1975. – С. 17-24.

22. Будагов, Р.А. Язык – реальность – язык. [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Наука, 1983. – 338 с.

23. Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. «Правда факта» и «правда больших обобщений» [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке.– М.: Наука, 1995. – С. 126-133.

24. Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.

25. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи [Текст] / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – М: Прогресс, 1987. – С.44 – 87.

26. Варнавских, Н.В. Влияние профессиональной специфики и национальных особенностей на речевое поведение личности [Текст] / Н.В.Варнавских // Язык и мышление: Психолингвистические и лингвистические аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005г.)– М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г.Пензы, 2005. С. 112-115.

27. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны [Текст] / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. № 4. С. 107-116.
28. Вежбицка, А. Речевые жанры [Текст] / А. Вежбицка // Жанры речи. – Саратов, 1997. С. 90-111.
29. Веретёнкина, Л.Ю. Языковое выражение межличностных манипуляций в драматургии А.Н.Островского [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук./ Л.Ю. Веретёнкина. – Пенза, 2004. – 189 с.
30. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов // учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
31. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избр. Труды [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
32. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. – М., – 1993. – 172 с.
33. Волощенко, О.В. Языковые основы фольклора в свете явлений традиционной народной культуры: на материале русской волшебной сказки [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / О.В. Волощенко. – Воронеж, 2006. – 223 с.
34. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982-1984.
35. Гагаев, А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике [Текст] / А.А. Гагаев. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 308 с.
36. Гарифуллин, Р.Р. Энциклопедия блефа [Текст] / Р.Р. Гарифуллин – Казань: Реноме, 1997. – с. 404.
37. Глаголев, Н.В. Коммуникативное воздействие с элементами ложной информации [Текст] // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы./ Н.В. Глаголев. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. С. 19-33.
38. Голдберг, Л.Р., Шмелев, А.Г. Межкультурное исследование лексики личностных черт: «большая пятерка» факторов в английском и русском языках [Текст] / Л.Р. Голдберг, А.Г. Шмелёв // Психологический журнал–Том 14. – 1993. – № 4. – С. 32-39.
39. Головин, Б.Н. Введение в языкознание [Текст] / Б.Н. Головин // учеб. пособие для студентов филол. спец. Вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – Высшая школа, 1983. – 231 с.
40. Гучинская, Н.О. Системный анализ художественного текста [Текст] / Н.О. Гучинская // Стилистические функции лингвистических единиц в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев: ПИ, 1984. – С. 3-10.

41. Гусейнов, Г.Ч. Ложь как состояние сознания [Текст] / Г.Ч. Гусейнов // Вопросы философии.– 1989. № 11. С. 64-76.
42. Денисюк, Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: Коммуникативно-прагматический аспект [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: /Е.В Денисюк. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.
43. Добрович, А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения: Книга для учителя и родителей [Текст] / А.Б. Добрович. – М.: Просвещение, 1987. – 207 с.
44. Доценко, Е.Л. Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия [Текст]: Дисс. ... канд. психол. наук. / Е.Л Доценко. – М., 1993. – 162 с.
45. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. – 344 с.
46. Егорова, О.А. Традиционные формулы как явление народной культуры на материале русской и английской фольклорной сказки [Текст]: дисс. ... канд. культурол. наук. / О.А Егорова. – М., 2002. – 259 с.
47. Ефимов, А.И. Стилистика русского языка [Текст] / А.И Ефимов. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
48. Жилин, Н.И. Новые значения слов «манипулировать» и «манипулирование» в русском языке [Текст] / Н. И. Жилин. – Русский язык в школе// – 1979. – С.54-53.
49. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст] / В.А.Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 413 с.
50. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук. / О.С. Иссерс. – Омск, 1999. – 385 с.
51. Иткулова, Л.А. Диалектика нравственного выбора в народной сказке: Филос.-мировоззрен. анализ башкирских сказок [Текст]: Дисс. ... канд. филос. наук. / Л.А. Иткулова. – Уфа, 1995. – 155 с.
52. Кабаченко, Т. С. Методы психологического воздействия. [Текст] / Т.С. Кабаченко. – М.: Педагогическое общество Россия, 2000. – 544 с.
53. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 544 с.
54. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. институт, 1992. – 330 с.
55. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю.Н. Караулов. // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. С. 105-126.
56. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

57. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как развить уверенность в себе и добиться влияния на людей путем публичных выступлений. Как перестать беспокоиться и начать жить. [Текст] / Д. Карнеги – Екатеринбург: Изд-во «Литур», 2001. – 720 с.
58. Ковалёв, Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия [Текст] / Г.А. Ковалёв // Вопросы психологии. – 1987. – № 3. – С. 41– 49.
59. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. [Текст]: / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1972. – 223 с.
60. Кольцова, И.Н. Социокультурные функции сказки. [Текст]: дисс. ... канд. культурол. наук. / И.Н. Кольцова – Нижний Новгород, 2000. – 203 с.
61. Косогорова, Х.Г. Коммуникативно-синтаксическая организация вопросно-ответных диалогических единств: На материале русской волшебной сказки: [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / Х.Г. Косогорова. – Ярославль, 2006. – 177 с.
62. Кулев, А.Г. Сущность и мировоззренческие границы манипуляции людьми. [Текст]: дисс. ... канд. филос. наук. / А.Г. Кулев. – Н.Новгород., 2004. – 185 с.
63. Куницына, В.Н., Казарина, Н.В., Погольша, В.Н. Межличностное общение. [Текст]: Учебник для вузов. / В.Н. Куницына, Н.В. Казарина, В.Н. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
64. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. [Текст] / Н.А. Купина. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
65. Латынов, В.В. Речевое воздействие в условиях публичной дискуссии (на материале парламентских выступлений) [Текст] / В.В. Латынов. // Психологический журнал. – Том 15. – 1994. – № 1. – С. 50 – 59.
66. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 287с.
67. Леонтьев, А.А. Психология общения. [Текст] / А.А. Леонтьев. – 3-е изд., – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
68. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]: / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
69. Лопатин, В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. [Текст] / В.В. Лопатин. – АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1977.
70. Майерс, Д. Социальная психология. [Текст] / Д. Майерс. – СПб., 1998. – 313 с.
71. Мамонова, Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / Ю.В. Мамонова. – М., 2004. – 185 с.

72. Матусевич, М.М. Современный русский язык: Фонетика: [Текст]: учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». / М.М. Матусевич. – М.: Просвещение, 1976. – 288с.

73. Мауткина, И.Ю. Историческая поэтика британской сказки и литературной сказки О.Уайльда: [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / И.Ю. Мауткина. – Великий Новгород, 2006. – 255 с.

74. Мегентесов, С.А., Мохамад, И. Лингвистические аспекты психического воздействия и приёмов манипуляции. [Текст] / С.А. Мегентесов, И. Мохамад. – Краснодар: Изд-во Кубан. Университета. – 1997. – 111с.

75. Метакова, З.Ф. Манипулятивные возможности информационной власти в современной культуре. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / З.Ф. Метакова. – Томск, 2006. – 140 с.

76. Михалёва, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / О.Л. Михалёва. – Иркутск, 2004. – 289 с.

78. Михальская, А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно исторической риторике. [Текст]: учебн. пособ. для студ. гуманит. фак. / А.К. Михальская. – М.: Академия, 1996. – 190 с.

79. Михальченко, В.Ю. Социальные факторы и функционально-стилистическая дифференциация языка [Текст] / В.Ю. Михальченко. // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1988. С. 143 – 166.

80. Муравьёва, Н.В. Основные мотивы контактного поведения в текстах СМИ: перспективы взаимодействия [Текст] / Н.В. Муравьёва. // Мир русского слова. – 2002. № 5. С. 118 – 119.

81. Мухелишвили, Н.Л., Шрейдер, Ю.А. Значение текста как внутренний образ [Текст] / Н.Л. Мухелишвили, Ю.А. Шрейдер. // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 79 – 91.

82. Науменко, Т.В. Психологические методы воздействия на массовую аудиторию [Текст] / Т.В. Науменко. // Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 63-71.

83. Негневицкая, Е.И. Специфика восприятия рекламного текста и потеря значения слова [Текст] / Е.И. Негневицкая. // Общая и прикладная психолингвистика. – М.: АН СССР Институт Языкознания, 1973. – С. 162-173.

84. Нелюбин, Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: МПУ, 1990. – 125 с.

85. Нефёдова, Л.А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении на материале современного немецкого языка [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук. / Л.А. Нефёдова. – М., 1997. – 230 с.

86. Николаева, Т.М. Лингвистическая демагогия. [Текст] / Т.М. Николаева. // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Наука, 1988. – С. 154-165.

87. Николаева, Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия. [Текст] / Т.М. Николаева. // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. –С. 225-235.

88. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. [Текст] / С.И. Ожегов. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

89. Оруэлл, Дж. 1984. [Текст] / Дж. Оруэлл. / Пер. с англ. В.Голышева; Предисл. В.Чаликовой. – М.: ДЭМ, 1989. – 320 с.

90. Остин, Дж.Л. Слово как действие. [Текст] / Дж.Л. Остин. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. – М., Прогресс, 1986. – С. 33-130.

91. Остроушко, Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования). [Текст] / Н.А. Остроушко. // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 86-91.

92. Павлютенкова, И.В. Сказка: философско-культурологический анализ [Текст]: дисс. ... канд. филос. наук. / И.В. Павлютенкова. – Ростов н/Д, 2003. – 135 с.

93. Панкратов, В.Н. Уловки в спорах и их нейтрализация: Практическое руководство для деловых людей. [Текст] / В.Н. Панкратов. – М.: Роспедагенство, 1996. – 44 с.

94. Панкратов, В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. [Текст] / В.Н. Панкратов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2000. – 208 с.

95. Панов, М.В. Современный русский язык: Фонетика. [Текст]: учебник для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. / М.В. Панов. – М.: Высшая школа. 1979. – 256 с.

96. Панов, М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX в.в. [Текст] / М.В. Панов. / Отв. ред. Д.Н.Шмелёв; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1990. – 453 с.

97. Панов, М.В. Позиционная морфология русского языка. [Текст] / М.В. Панов. – М.: Наука – Школа «ЯРК», 1999. – 275 с.

98. Полетаева, Т.В. Речевые манипуляции в современной английской рекламе: Прагматический аспект. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / Т.В. Полетаева. – СПб., 2001. – 203 с.

99. Попова, Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / Е.С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 256 с.

100. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации. [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Центр, 1998. – 252 с.

101. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2000. – 352 с.
102. Почепцов, Г.Г. Паблик рилейшнз. [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Ваклер, 2001. – 284 с.
103. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. [Текст] / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 365 с.
104. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки . [Текст] / В.Я. Пропп. – М. : 2003. – 144 с.
105. Пузырёв, А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. [Текст] / А.В. Пузырёв. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378 с.
106. Пузырёв, А.В. Мышление, язык и человеческая судьба (к постановке проблемы). [Текст] / А.В. Пузырёв. // Надежность и качество: Доклады Международного Симпозиума. Пенза, 1999. – С. 132-139.
107. Пузырёв, А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности. [Текст]: Сборник статей. / А.В. Пузырёв. – Пенза: ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002. – 164 с.
108. Путилов, Б.Н. Народные традиции и фольклор. [Текст] / Б.Н. Путилов. – М.: Наука 1994. – 237 с.
109. Разумова, И.А. Стилистическая обрядность волшебной сказки. [Текст] / И.А. Разумова. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 153 с.
110. Реформатский, А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1979. – 102 с.
111. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка. [Текст] / Д.Э. Розенталь. – М.: высшая школа, 1977. – 316 с.
112. Розенталь, Д.Э., Кохтев, Н.Н. Язык рекламных текстов. [Текст]: учеб. пособие для фак. журналистики вузов. / Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев. – М.: Высш. шк., 1981. – 125 с.
113. Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М.А. Современный русский язык. [Текст]: Учебное пособие для вузов. / Д.Э. Розенталь. – М.: АЙРИС-пресс, 2000. – 445 с.
114. Рубакин, А.Н. Тайна успешной пропаганды. [Текст] / А.Н. Рубакин. // Речевое воздействие. Проблемы психолингвистики. – М.: Наука, 1972. – С.130-136.
115. Рюмшина, Л.И. Игры и манипуляции в межличностном общении. [Текст] / Л.И. Рюмшина– Ростов-на-Дону, 1997. – 135с.
116. Рябцева Н.К. Информационные процессы и машинный перевод: Лингвистический аспект. [Текст] / Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1986. – 168 с.
117. Сагатовский, В.Н. Социальное проектирование (к основам теории). [Текст] / В.Н. Сагатовский. / Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск, 1980. – С. 83-89.

118. Седов, К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров. [Текст] / К.Ф. Седов. // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – С. 40-52.

119. Седов, К.Ф. Речевое воздействие и риторика повседневной коммуникации. [Текст] / К.Ф. Седов. // Риторика в современном обществе и образовании. – М.: Изд-во «Флинта», 2003. – С. 294-297.

120. Сентенберг, И.В., Карасик, В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций. [Текст] / И.В. Сентенберг, В.И. Карасик. // Речевое общение и аргументация. Вып.1. – СПб., 1993. – С.30-38.

121. Сергеечева, В.В. Практикум манипулятора. Выбор мишени. [Текст] / В. В. Сергеечева. – СПб.: Питер, 2002. – 224 с.

122. Сиротинина, О.Б. Современная разговорная речь и её особенности. [Текст] / О.Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

123. Сиротинина, О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. [Текст] / О.Б. Сиротинина. – М.: 1980. – 134 с.

124. Сиротинина, О.Б. Русская разговорная речь. [Текст]: пособие для учителя. / О.Б. Сиротинина. – М.: 1983. – 67 с.

125. Сказки Британских островов в двух томах: т. 1. [Текст] / Худож. оформл. Е.Зайцевой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1992. – 256 с.

126. Сказки Британских островов в двух томах: т. 2. [Текст] / Худож. оформл. Е.Зайцевой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1993. – 288 с.

127. Скребнев, Ю.М. Основы английской стилистики. [Текст] / Ю.М. Скребнев. – М.: Высшая школа, 1994. – 240 с.

128. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики. [Текст] / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. – 179 с.

129. Скребнев, Ю.М. Введение в коллоквиалистику. [Текст]: / Ю.М. Скребнев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 73 с.

130. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

131. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: [Текст]: учеб. для студентов высш. учеб. заведений: В 2-х ч. – Ч.1.: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е.И.Диброва, Л.Л.Касаткин, Н.А.Николина, И.И.Щеболева; Под ред. Е.И.Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 544 с.

132. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: [Текст]: учеб. для студентов высш. учеб. заведений: В 2-х ч.– Ч.2.: Морфология. Синтаксис. / В.В.Бабайцева, Н.А.Николина, Л.Д.Чеснокова и др.; Под ред. Е.И.Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 704 с.

133. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. [Текст] / Ф. де Соссюр. / Пер. с фр. А.М. Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. Н.А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. Б.Н. Нарумов). – М.: Изд-во «Логос». 1988. – 296 с.
134. Стилистика английского языка. [Текст]: учеб. пособие для студентов отделения заочного обучения. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – 165 с.
135. Тамерьян, Т.Ю. Интеллектуальные характеристики языковой личности. [Текст] / Т.Ю. Тамерьян. // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2006. – С.59-63.
136. Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие. [Текст] / Е.Ф. Тарасов. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 5-18.
137. Тарасова, И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие. [Текст] / И.П. Тарасова. // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 70-83.
138. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
139. Туманян, Э.Г. О разграничении спонтанного и общественно детерминированного в развитии языка. [Текст] / Э.Г. Туманян. // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1988. С. 55-68.
140. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: 1986. – 180 с.
141. Фёдорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Текст] / Л.Л. Фёдорова. // Вопросы языкознания. 1991. – № – 6. – С. 46-50.
142. Федосеев, А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе. [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. / А.А. Федосеев. – Иркутск, 2003. – 232 с.
143. Федосюк, М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. [Текст] / М.Ю. Федосюк. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1988. – 83с.
144. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Изд-во ИКАР, 1998. – 292 с.
145. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика. [Текст]: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. / Р.М. Фрумкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 320 с.

146. Халуторных, О.Н. Волшебная литературная сказка как феномен культуры: Социально-философский анализ. [Текст]: дисс. ... канд. фил. наук. / О.Н. Халуторных. – М., 1998. – 141 с.
147. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия. [Текст] / С. Хассен. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 400 с.
148. Храмова, Г.А. Косвенный речевой акт и контекст. [Текст] / Г.А. Храмова. // Художественный текст. Структура и семантика. – Красноярск. Изд-во КГПИ, 1987. – С. 77-82.
149. Чалдини, Р. Психология влияния. [Текст] / Р. Чалдини. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
150. Чистов, К.В. Традиция и вариативность. [Текст] / К.В. Чистов. // Фольклор. Текст. Традиция: Сб.ст. – М.: ОГИ, 2005. – С. 105-123.
151. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). [Текст] / В.П. Шейнов. – Мн.: Хрвест, М.: АСТ, 2000. – 848 с.
152. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием. [Текст] / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
153. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык: Лексика. [Текст] / Д.Н. Шмелёв. – М., 1977. – 123 с.
154. Шмелёв, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. [Текст] / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры. – 2002. – 496 с.
155. Шостром, Э. Анти-Карнеги. [Текст] / Э. Шостром. / Пер. с англ. – Мн.: ООО «Попурри», 1999. – 400 с.
156. Щербатых, Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. [Текст] / Ю.В. Щербатых. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 544 с.
157. Энциклопедический словарь. [Текст] / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 1, М.: Советская Энциклопедия, 1963. – 656 с.
158. Энциклопедический словарь. [Текст] / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 2, М.: Советская Энциклопедия, 1964. – 736 с.
159. Язык. Культура. Коммуникация. [Текст]: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Ульяновск, март 2007г. / Отв. ред. проф. С.А.Борисова. – Ульяновск, 2007. – 435 с.
160. Blokh, M.J. Theoretical English Grammar [Текст] / Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. – М.: Высшая школа, 1983. – 383 с.
161. Gurevitch, V.V. Practical English Grammar: Exercises and Comments [Текст] / В.В. Гуревич Практическая грамматика английского языка: Упражнения и комментарии: учеб. пособие. – М., Изд-во «Флинта», изд-во «Наука». – 2003. – 223 с.
162. Thompson, S. The Folktale. [Текст] – The Dryden press. – 1946 – New York. – 483 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т а б л и ц а 1

Употребление глагольных наклонений

язык	Отправитель	Изъявительное наклонение								Повелительное наклонение		Сослагательное наклонение		Всего употреблений	
		Настоящее время		Прошедшее время		Будущее время		Всего (изъявительное наклонение)							
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Англ.	СМ	596	54,0	114	10,4	129	11,6	839	76,0	153	13,6	115	10,4	1107	100
	ОМ	348	51,0	62	9,0	116	16,5	526	76,5	107	15,5	55	8,0	688	100
	итого	944	52,6	176	9,8	245	13,6	1365	76,0	260	14,5	170	9,5	1795	100
Рус.	СМ	184	20,4	268	29,8	156	17,3	608	67,5	227	25,2	65	7,3	900	100
	ОМ	84	17,0	78	16,0	99	20,0	261	53,0	215	43,0	17	4,0	493	100
	итого	268	19,3	346	24,8	255	18,3	869	62,4	442	31,7	82	5,9	1393	100
ВСЕГО		1212	38,0	522	16,4	500	15,7	2234	70,1	702	22,0	252	7,9	3188	100

Продолжение приложения
Таблица 2

Употребление местоимений

Языки	Отправитель	Всего употреблений		Личные		Притяжательные		Возвратные		Неопределённые	
		К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Английский	СМ	618	100	341	55,2	143	23,1	29	4,7	26	4,2
	ОМ	480	100	186	38,7	47	9,8	36	7,5	31	6,5
	итого	1098	100	527	48,1	190	17,3	65	5,9	57	5,2
Русский	СМ	608	100	252	41,5	108	17,8	24	3,9	6	1
	ОМ	435	100	189	43,4	28	6,4	19	4,4	17	3,9
	итого	1043	100	441	42,3	136	13	43	4,1	23	2,2
Всего		2141	100	968	45,2	326	15,2	108	5	80	3,7

Языки	Отправитель	Указательные		Определительные		Вопросительные		Относительные		Отрицательные	
		К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Английский	СМ	14	2,3	8	1,3	11	1,8	36	5,8	10	1,6
	ОМ	18	3,8	9	1,9	87	18,1	54	11,2	12	2,5
	итого	32	2,9	17	1,5	98	8,9	90	8,2	22	2
Русский	СМ	27	4,4	135	22,2	10	1,6	26	4,3	20	3,3
	ОМ	36	8,3	16	3,7	73	16,8	52	12	5	1,1
	итого	63	6	151	14,5	83	8	78	7,5	25	2,4
Всего		95	4,4	168	7,9	181	8,5	168	7,9	47	2,2

Продолжение приложения
Таблица 3

Употребление лексических средств

ЯЗЫК	Отправитель	Эмоционально-окрашенные				Лексический повтор		Всего употреблений	
		Положительно		Отрицательно		К-во	%	К-во	%
		К-во	%	К-во	%				
Английский	СМ	119	52,4	76	33,5	32	14,1	227	100,0
	ОМ	40	31,5	67	52,8	20	15,7	127	100,0
	итого	159	44,9	143	40,4	52	14,7	354	100,0
Русский	СМ	260	73,4	53	15,0	41	11,6	354	100,0
	ОМ	105	66,0	37	23,3	17	10,7	159	100,0
	итого	365	71,2	90	17,5	58	11,3	513	100,0
ВСЕГО		524	60,4	233	26,9	110	12,7	867	100,0

Продолжение приложения
Таблица 4

Типы высказываний по цели высказывания

язык	Отправитель	Всего высказываний		Повествовательные						Вопросительные						Побудительные					
				+		-		всего		+		-		всего		+		-		всего	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
английский	СМ	620	100	329	53	38	6	367	59	78	13	13	2	91	15	156	25	6	1	162	26
	ОМ	452	100	189	42	13	3	202	45	130	29	5	1	135	30	115	25	-	-	115	25
ИТОГО		1072	100	518	48	51	5	569	53	208	19	18	2	226	21	271	25,5	6	0,5	277	26
русский	СМ	705	100	311	44	40	6	351	50	118	17	39	5	157	22	184	26	13	2	197	28
	ОМ	464	100	112	24	18	4	130	28	138	30	6	1	144	31	190	41	-	-	190	41
ИТОГО		1169	100	423	36	58	5	481	41	256	22	45	4	301	26	374	32	13	1	387	33

Типы высказываний по интонации

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Восклицательные		Невосклицательные (нейтральные)	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	69	11	551	89
	ОМ	452	100	61	13,5	391	86,5
Итого		1072	100	130	12	942	88
Русский	СМ	705	100	208	29,5	497	70,5
	ОМ	464	100	165	35,6	299	64,4
Итого		1169	100	373	32,5	796	67,5

Продолжение приложения
Таблица 6

Типы высказываний по структуре

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Простых		Сложных	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	329	53	291	47
	ОМ	452	100	251	55,5	201	44,5
Итого		1072	100	580	54	492	46
Русский	СМ	705	100	409	58	296	42
	ОМ	464	100	364	78,5	100	21,5
итого		1169	100	773	66	396	34

Продолжение приложения
Таблица 7

Типы простых предложений-высказываний
по отношению к действительности

Язык	Отправитель	Всего простых предложений		Утвердительные						Отрицательные					
				+		-		всего		+		-		всего	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	329	100	280	85	11	3	291	88	33	10	5	2	38	12
	ОМ	251	100	221	88	4	2	225	90	26	10	-	-	26	10
Итого		580	100	501	86	15	3	516	89	59	10	5	1	64	11
Русский	СМ	409	100	223	54,5	65	16	288	70,5	102	25	19	4,5	121	29,5
	ОМ	364	100	280	72	15	4	275	76	81	22	8	2	89	24
итого		773	100	483	62,5	80	10	563	72,5	183	24	27	3,5	210	27,5

Продолжение приложения
Таблица 8

Простые предложения-высказывания по количеству главных компонентов

Язык	Отправитель	Всего предложений- высказываний		Двусоставные		Односоставные	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	329	100	197	60	132	40
	ОМ	251	100	182	72,5	69	27,5
Итого		580	100	379	65,4	201	34,6
Русский	СМ	409	100	103	25	306	75
	ОМ	364	100	101	28	263	72
Итого		773	100	204	26,4	569	73,6

Таблица 9

Типы сложных предложений-высказываний

Язык	Отправитель	Всего предложений- высказываний		Сложносочинённые		Сложноподчинённые		Бессоюзные		Сложные синтаксические конструкции	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	291	100	38	13	94	32	49	17	110	38
	ОМ	201	100	38	19	62	31	47	23	54	27
Итого		492	100	76	15,5	156	32	96	19,5	164	33
Русский	СМ	296	100	25	8,5	46	15,5	124	42	101	34
	ОМ	100	100	6	6	21	21	51	51	22	22
Итого		396	100	31	8	67	17	175	44	123	31

Продолжение приложения
Таблица 10

Состав простых и сложных высказываний
по недостатку/избытку компонентов

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Высказывания с недостатком компонентов		Высказывания с избытком компонентов		Высказывания с недостатком и избытком компонентов		Норма	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	135	22	248	40	74	12	163	26
	ОМ	452	100	84	19	123	27	36	8	209	46
Итого		1072	100	219	20	371	35	110	10	372	35
Русский	СМ	705	100	302	43	67	9,5	237	33,5	99	14
	ОМ	464	100	225	49	51	11	122	26	66	14
итого		1169	100	527	45	118	10	359	31	165	14

Продолжение приложения
Таблица 11

Размещение компонентов (порядок слов)
в простых и сложных высказываниях

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Нейтральное размещение		Ненейтральное (эмоциональное) размещение	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	597	96,3	23	3,7
	ОМ	452	100	437	96,7	15	3,3
Итого		1072	100	1034	96,5	38	3,5
Русский	СМ	705	100	496	70,4	209	29,6
	ОМ	464	100	442	95,3	22	4,7
Итого		1169	100	938	80,2	231	19,8

Окончание приложения
Таблица 12

Таблица числовых значений χ^2
(в плане сопоставления английских и русских сказок)
Критическое значение $\chi^2 - 3,84$

№ п/п	Тип предложения-высказывания	Субъект манипуляции	Объект манипуляции
1	2	3	4
1.	Повествовательное	5,38	17,4
2.	Вопросительное	10,11	88,69
3.	Побудительное	0,40	16,48
4.	Восклицательное	53,94	44,96
5.	Невосклицательное	14,05	14,76
6.	Простое	1,39	14,79
7.	Сложное	1,75	36,51
8.	Утвердительное	7,61	3,65
9.	Отрицательное	27,71	15,87
10.	Двусоставное	53,53	44,87
11.	Односоставное	36,68	55,12
12.	Сложносочинённое	3,11	8,19
13.	Сложноподчинённое	17,86	2,64
14.	Бессоюзное	31,66	15,29
15.	Сложная синтаксическая конструкция (поли- предикатное)	0,48	0,54
16.	С недостатком компонентов	44,33	60,56
17.	С избытком компонентов	130,11	31,48
18.	С недостатком и избытком компонентов	65,88	44,67
19.	Полное (количество компонентов в норме)	24,52	77,52
20.	С нейтральным порядком компонентов	27,18	0,04
21.	С ненейтральным (инвертированным) поряд- ком компонентов	126,12	0,97

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ.....	6
§ 1. Манипуляция как вид психологического воздействия.....	6
1.1. Исходная терминология.....	6
1.2. Основания и механизмы манипуляций.....	9
1.3. Виды манипуляций.....	14
§ 2. Вербальные манипуляции в языковом аспекте.....	26
2.1. Языковые предпосылки манипулирования.....	26
2.2. Языковые средства осуществления межличностных манипуляций.....	30
2.3. Проблема разграничения элементов и единиц языкового выражения манипуляций.....	35
§ 3. Особенности жанра народной сказки.....	42
2. ВАРИАТИВНОСТЬ И ИНВАРИАНТНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ.....	49
§ 1. Языковые средства манипуляций в английских и русских народных сказках.....	49
1.1. Фонетические средства.....	49
1.2. Морфологические средства.....	56
1.3. Лексические средства.....	69
1.4. Синтаксические средства.....	74
1.5. Семасиологические средства.....	90
§ 2. Межличностные манипуляции в английских и русских народных сказках на уровне коммуникации.....	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	98
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	112

Научное издание

Гринцова Ольга Васильевна
Гуляйкина Светлана Олеговна
Стешина Елена Геннадьевна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Монография

В авторской редакции
Верстка Т.Ю. Симутина

Подписано в печать 25.06.14. Формат 60×84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7,20.. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 208.

Издательство ПГУАС.
440028, г.Пенза, ул. Г. Титова, 28.